

4444

**ममपादोन्मः
ममपादोन्मः...**

Annotation

Книга рассказывает о популярном аргентинском футболисте, чемпионе мира 1986 года Диего Армандо Марадоне, его юности, становлении как одного из ведущих игроков аргентинского футбола, о его выступлениях за зарубежные клубы.

Для широкого круга читателей.

ОТ АВТОРОВ

У этой книги два автора, однако вместе мы никогда не написали ни строчки, хотя проработали несколько лет в одной редакции телевидения. Наши страноведческие специальности весьма различны. Один много лет занимался изучением проблем Латинской Америки, другой — специалист по Западной Европе. Предупредим, уважаемый читатель, и о том, что книга писалась отдельно, в двух отдаленных друг от друга городах мира — Москве и Риме. Далеко не одинаковы и творческие наклонности авторов книги. Объединили нас, сделали соавторами, общий интерес к футболу, игре, которая сегодня имеет многомиллионную армию поклонников в различных странах, а также желание поделиться своими наблюдениями, впечатлениями, мыслями о едва ли не самом ярком футболисте современности Диего Армандо Марадоне, рассказать о встречах с ним.

Жизнь Марадоны, его деятельность как футболиста нетрудно разделить на два основных этапа: аргентинский и итальянский. Это и предопределило наше сотрудничество.

Одному из нас довелось несколько лет работать в странах Латинской Америки, бывать на родине Марадоны в Аргентине, следить за его игрой на стадионах этой страны, а также Мексики, Бразилии, Уругвая, где начиналась и проходила футбольная карьера Марадоны. Другой работал в Италии как раз в тот период, когда Марадона появился в итальянском футболе. Ему довелось стать непосредственным свидетелем небывалого триумфа команды «Наполи», за которую выступал знаменитый аргентинский футболист. На итальянских стадионах Марадона и начал готовить себя к победе на чемпионате мира.

Авторы по-разному относятся к своему герою. И это естественно: Марадона загадочен и противоречив. Показать это мы попытались в своей книге. Во время свиданий с Марадоной одному из нас, наверное, повезло больше, другому — меньше. Но и те и другие встречи оставили неизгладимые впечатления.

Проработав над книгой с полгода, мы наконец встретились, чтобы обсудить рукопись. Но разговор в основном шел не о том, что надо писать, а о том, как избежать повторов. В какой-то мере нам это удалось — мы вычеркнули друг у друга по несколько абзацев.

Герой книги в годы своей юности, в период возмужания заметно отличался от сегодняшнего Марадоны, чемпиона мира, лучшего футболиста планеты. Авторы разделили между собой эти периоды в его жизни.

Рассказывая о Марадоне, мы, разумеется, не стали ограничиваться описанием событий, связанных непосредственно с футболом: это бы обеднило образ нашего героя. Мы писали о человеке, для которого футбол стал главным делом жизни, талантливым большом спортсмене, уже в молодые годы познавшем нравы и обычаи профессионального спорта. Наш рассказ коснется также описания таких городов мира, как Буэнос-Айрес и Неаполь, Мехико и Рим.

Вместе с Марадоной вы побываете, уважаемый читатель, на знаменитых стадионах, познакомитесь с клубами, в которых он играл, с его друзьями, семьей. Разумеется, авторы не смогли обойти вниманием такое крупнейшее международное событие, как XIII чемпионат мира по футболу, за матчами которого следило более миллиарда зрителей.

Итак, в путь, вслед за Марадоной!

ИГОРЬ ГОРАНСКИЙ

ОТ БУЭНОС-АЙРЕСА ДО МЕХИКО

Желтый свет уличных фонарей расплывчатыми пятнами отражается на зеркальной поверхности великолепного «мазерати». Его двухтурбинный мотор самодовольно урчит, отпугивая миниатюрные «фиаты» и «форды». Номерной знак, цифры которого известны всему Неаполю, искрится цветной гирляндой, будто на новогодней елке.

Диего, как всегда, спешит. Едва закончив тренировку и приняв душ, наскоро обершись широким полотенцем, он первым выбегает из раздевалки на улицу. Распахнув широкую дверь приземистого лимузина, он впрыгивает на плюшевое сиденье, привычной хваткой берется за руль. Запускает дворники. Струйки мыльной пены медленно стекают по ветровому стеклу. И тут же включает зажигание. Привычный, почти ритуальный маневр. Машина мягко срывается с места. Проходим, стайке вечно ждущих болельщиков не видно, кто сидит за рулем, хотя все знают: этот серебристый автомобиль цвета акулы принадлежит Марадоне. Однако на нем иногда ездят и Хорхе и Уго.

Две-три машины устремляются за ним следом, сопровождая словно почетный эскорт. «Мазерати» разгоняет толпу каких-то типов, которые вечно на улице продают всякую всячину. Квартал за кварталом остаются позади. Неважно, желтый или зеленый свет впереди. Иногда машина проносится через перекресток и на красный. Так сквозь красные футболки «Торино» он недавно пробивался с мячом к чужим воротам, чтобы наконец-то «Наполи» назвали чемпионом.

Машина мчится по городу, в котором он теперь чувствует себя не желанным гостем, а полновластным хозяином. Газеты называют его Диего-о-о-л, или Элвис Пресли футбола, или Великий лирик мяча, да мало ли как его еще назовут эти фантазеры-итальянцы! А ведь когда «Наполи» топтался на последних строчках турнирной таблицы, газеты настырно намекали: «Народ ждет от тебя большего!» Это его злило: «Нахальные итальянцы!» Пусть он стоил Неаполю почти 8 миллионов долларов. Вся команда, наверное, стоила меньше. И чего она добилась без него за последние тридцать лет? Эта «куча-мала», как он про себя называл игроков «Наполи», ни разу не завоевала первого места в чемпионате Италии. А он за три сезона сделал «Наполи» чемпионом!

«Мазерати», визжа тормозами, резко свернул за угол, влетая в жилой район Позилиппо. С Неаполитанского залива дохнуло морской прохладой, запахом рыбы, йода и нефти. Снова нога на тормозах. «Акула» паркуется на привычном месте у палисадника. Рядом застыли притихшие, но еще пышущие жаром моторов «гольф», «Фиат ритмо» и чуть в глубине — холодная «автобианчи-112», машина жены, Клаудии. Наверное, она ждет его на террасе. Мысль о Клаудии немного успокаивает, но ненадолго.

Прежде чем войти в дом, Диего взглянул на террасу, сделанную архитектором в античном стиле, во всю длину третьего этажа. На террасе непривычно пусто и безлюдно. Лишь на перилах огромная тень задремавшего пса.

Значит, Клаудиа в доме или во флигеле. Там, наверное, и Нестор — Ладильяс, старый товарищ, партнер по команде «Лос Себоллитас», а теперь его личный телохранитель и шофер.

— Клаудиа, ты дома?

Этаж, который целиком арендует Марадона, не такой уж шикарный, но и не лачуга. Три комнаты, обеденная зала, две ванные комнаты. Нужно дожидаться лучших времен и поменять все это на более просторное помещение, хотя сейчас и оно почти пустует. Отец, дон Диего, уехал в Байрес; Уго, как всегда, на сборах, живет в спортивном лагере вместе с командой. Хорхе? Ну, этот тип вечно здесь ошивается...

Сначала они снимали в Неаполе огромный номер в «Грандотеле-Ройял». Жили действительно по-королевски. Но в конце месяца пришел счет на 130 миллионов лир, приблизительно на 70 тысяч долларов. Пришлось срочно съезжать. Такие деньги платить за жилье он больше не намерен. Ему подыскивали другое помещение. Выбирали Хорхе и «мальчики». Хозяева запросили всего 100 тысяч лир в месяц.

Он снова снизу позвал Клаудию. Пятнистый дог проснулся, вытянул дугой спину, зевнул, подошел к Диего. Тот на ходу приласкал собаку, пощелкал пальцами у клетки с попугаем.

— Ну, где вы все?! — повышая голос, выкрикнул он. На зов снова никто не отозвался. Марадона вышел на улицу. У ворот его приветствовали двое полицейских.

— Вы не видели Кабесона?

Когда сердился, он всегда называл Хорхе его старой кличкой, данной тому еще во времена «Архентинос хуниорс». В ответ полицейские молча пожали плечами. Диего присел на теплую пыльную ступеньку крыльца. Не скрывая раздражения, пнул ногой камешек, почти так, как он делал это с мячом.

«Мяч, — мелькнуло в голове. — Где-то тут был мяч?» В два прыжка он влетел в переднюю, в три — вбежал по лестнице. Старенький, изрядно потрепанный, но упругий мяч мирно покоился в углу у стены. Он легонько пнул его. Мяч, коснувшись стены, откатился снова к ногам Марадоны. Еще удар, чуть сильнее. Мяч поднялся над полом. Снова удар. Отскочив от стены, мяч ударился о колено... Удар, отскок, теперь на бедро, удар, отскок, еще выше... И вот мяч уже удобно примостился на лбу, сполз по курчавому склону волос на затылок, скатился на плечо. Марадона, как в детстве, в упоении жонглировал мячом. Ему вдруг вспомнились их узкий запущенный дворик, грязная стена кухни с отбитой штукатуркой... Подбрасывая мяч, он успевал кружиться под ним, приседать, выпрыгивать под потолок, вертелся волчком. Шлеп, шлеп — раздавались равномерные хлопки на террасе...

ДАВНО И НЕДАВНО

В детстве маленький Марадона напоминал волчок. Но в отличие от игрушки он «заводил» себя сам и вечно крутился, вертелся, кувыркался, жужжал и урчал, изображая автомобили, вертолеты и паровозы. Его крепко сбита фигурка на коротких ножках постоянно требовала движения. Он замирал, лишь когда ел. Насытившись, несмотря на недовольство матери, тут же вскакивал из-за стола и возвращался к своим маленьким, но таким важным для него делам.

Диего рос в большой семье, и никто его особенно не баловал. После отца он был первым мужчиной в доме, и это любили подчеркивать родители и старшие сестры. В семье он пятый ребенок. Старше него четыре сестры: Рита, Ана, Эльза и Мария. Родился Диего в пять утра в воскресенье 30 октября 1960 года в клинике Ланус в пригороде Буэнос-Айреса. «Он мне достался легче других, — вспоминала мать, дон Далма. — В субботу я весь день прекрасно себя чувствовала, а ночью меня увезли в клинику. Он очень быстро появился на свет. В тот момент я молила только об одном: чтобы родился здоровым и стал хорошим человеком. Все это, к счастью, кажется, сбылось, и даже, я бы сказала, с лихвой».

Отец Марадоны, дон Диего, был потомственным рабочим. Он работал на мельнице «Тритумоль». Появление в семье мальчика его очень обрадовало, хотя он и не показывал виду. В день рождения сына дон Диего все время повторял слова, услышанные в клинике от врача, принимавшего роды: «Хороший малый, настоящий мужчина». И от себя добавлял: «Коренастый, сильный сопляк».

В десять месяцев он начал ходить, а в год его уже трудно было догнать. Малыш словно ветер носился по двору и, падая, разбивал в кровь коленки. Как и все дети, он любил повозиться с мячом. К трем годам Диего уже умел по нему бить левой ногой.

Первым подарком, запомнившимся ему на всю жизнь, был футбольный мяч. Его принес старший двоюродный брат Бето, когда Диего исполнилось семь лет. Это был первый собственный мяч в его жизни. Настоящий, кожаный, ниппельный, красивый и яркий, как солнце. Вдоволь наевшись сладостей, именинник уснул с ним в обнимку. Наутро, нежно прижимая к груди дорогой подарок, Диего вышел во двор. Сбежалась гурьба мальчишек. Каждый хотел потрогать обнову, поиграть с ним. Но Диего неумолимо всем отказывал. И когда один из ребят попытался исподтишка выбить мяч у него из рук, он насупившись унес его в дом. Мяч так и пролежал всю зиму в детской. Лишь изредка Диего с сестрами тихонько катал его по полу меж кроватей. Весной мяч побывал в деле. Как-то утром, когда во дворе гуляли только одни собаки, Диего подошел к стене старой кухни и стал ногой бить в нее мячом. Мяч отскакивал в разные стороны, метался, словно солнечный зайчик. Его невозможно было укротить. Диего долго упорствовал, а потом сел на землю и с досады заплакал. На другой день он снова вышел с мячом во двор. Отцу понравилось упорство малыша. Он подошел к сыну, погладил его по темноволосой курчавой головке и показал, как правильно бить по мячу. Наигравшись у стены, мальчик пошел на пустырь. Там и состоялось первое боевое крещение. Диего не поспевал за старшими и злился. Однако всякий раз, когда мяч проскакивал мимо него, он ухитрялся по-вратарски ловить его руками, крепко прижимая к груди. Товарищи роптали, объясняли, что в футбол играют только ногами и за многократную игру рукой Диего полагается удалить с поля. Он не соглашался и продолжал ловить мяч. Постепенно футбол становился главной игрой Диего. Если родители не пускали его на пустырь, он громко плакал и скандалил. И добивался своего. В конце концов мать разрешала ему ненадолго пойти поиграть. Он буквально летел к товарищам, и слезы на бегу высыхали.

«Мы могли играть часами, — вспоминал Марадона. — Иногда проводили подряд по три игры. Это были боевые матчи! Мы помнили все голы и шумно обсуждали каждый из них после игры».

Уже тогда у семилетнего Диего появились свои любимые приемы обводки, паса, ударов по воротам. Бил он в основном левой.

Приземистый «волчок» перекачивался по полю то вращаясь, то замирая, но всегда стараясь сохранить у себя мяч. «Дикие» команды стали брать его в игру. Ребята ценили ловкость Марадоны, его азарт и неутомимость. С ним редко проигрывали.

Когда Диего пошел в школу «Эскалада Сан-Мартин», его сразу включили в школьную команду, составленную из учеников младших классов, и он играл в ней весьма уверенно.

Чтобы помочь родителям, Диего вместе с сестрами лепил глиняные кувшинчики для цветов. Их сушили на солнце, раскрашивали, а затем носили на рынок. Кувшинчики покупали. Деньги все до последнего сентаво отдавали матери. Диего нравилось раскрашивать кувшины, но иногда, балуясь, он красил их в такие нелепые цвета, что сестры хватались за голову. «Что ты наделал?! Их же никто не купит!» Диего смеялся над сестрами и продолжал свое черное дело. Как ни странно, его кувшинчики раскупались наравне с другими, и мальчик гордился своими художествами.

Но иногда его трудно было усадить за работу. Душа заядлого игрока рвалась в бой, на пустырь. Он бросал кувшины недокрашенными и убегал из дома.

В Вилла Фиорито, районе, где на окраине Буэнос-Айреса жила семья Марадоны, многие мальчишки увлекались футболом. Диего одно время дружил с Гойо Каррисо, который был старше его на два года и слыл своим человеком в футбольном клубе «Архентинос хуниорс». Однажды Гойо зашел в дом Марадоны и увидел повешенные на стене над кроватью, на которой спал Диего, портреты Бочини, Беккенбауэра и Пеле. «Это твои кумиры, малыш?» — спросил он у Марадоны. Диего смущенно кивнул. «А почему здесь нет Ди Стефано, Фонтена, Копы?» Марадона впервые слышал эти имена. Гойо стал рассказывать ему о знаменитых футболистах, приведя в восторг своего юного друга. На другой день Диего уже имел цветной портрет Ди Стефано, который прикрепил к стене рядом с фото Беккенбауэра. Гойо Каррисо познакомил Марадону с Франциско Корнехо, селекционером клуба «Архентинос хуниорс», обладавшим удивительным чутьем распознавать среди юных футболистов будущих игроков высокого класса. Восемилетний Марадона стал бывать на тренировках, которыми руководил Корнехо, и до седьмого пота трудился за воротами, подавая взрослым игрокам настоящие тяжелые, как арбузы, мячи. Далеко улетевший с поля мяч он пытался вернуть обратно ударом ноги, но делал это неуклюже, всякий раз страдая от боли, что нередко вызывало нетерпеливые крики футболистов: «Ну, что ты там возишься, малыш?!»

Многие мальчишки суеились за воротами, стараясь первыми завладеть мячом и отправить его побыстрее на поле. Иногда дело доходило чуть ли не до драки. Вот эту-то ватагу Корнехо и решил превратить в детскую команду при клубе, которую называли «Лос Себоллитас» — «Луковки». Мальчикам выдали форму и позволили играть на большом поле. «Луковки» быстро обрели себя. Ребята подобрались крепкие. Через год они обыгрывали всех сверстников в ближайшей округе.

— Уже тогда, в семидесятом году, — вспоминал Франциско Корнехо, — Диего Армандо Марадона умел делать с мячом почти все. У него были прекрасная координация движений, быстрый бег и точный удар с левой ноги. Он обладал необыкновенной для своего возраста сообразительностью и сноровкой, что заметно отличало мальчика от других юных футболистов. К тому же Марадона никогда не чувствовал усталости и играл с удовольствием оба тайма. Он был ловок, проворен и крепок. Несмотря на невысокий рост, Диего всегда был заметен в игре. Как-то, наблюдая за ним, Корнехо сказал, что маленький Марадона похож на деревянную куклу-неваляшку: сколько его ни толкай, он всегда остается на ногах.

Тренер был прав. Позднее врачи определили: тело Марадоны обладает исключительно низким центром тяжести, что помогает ему даже в самых ожесточенных схватках выходить победителем. Так и

видится он мчащимся с мячом по полю, перепрыгивающим через поверженных на траву соперников. «Крепкий сопляк» становился умелым, заметным футболистом. Ему не хватало одного — удара правой, и Корнехо порекомендовал малышу почаще тренировать эти удары у стенки.

Диего мужал вместе с командой. «На поле мы напоминали машину, — вспоминал позднее Марадона, — обыгрывали всех, даже со счетом 20:0. Мечтали сыграть против юниоров знаменитого «Ривер-Плейта», которые были чемпионами Южной Америки. И однажды этот матч состоялся. Его мы выиграли со счетом 7:1. В той игре я забил потрясающий гол. А всего мне удалось им тогда забить пять мячей. Надо было видеть, как они злились и гонялись за мной по всему полю».

Болельщики, видевшие тот матч, были в восторге. «Фантастика, фантастика!» — восторженно повторяли они, покидая стадион. С той поры о Марадоне заговорили как о главной надежде аргентинского футбола. А ведь ему тогда едва исполнилось десять лет.

Как-то на поле футбольного клуба «Атланта» перед игрой взрослых команд «Архентинос» и «Бока хуниорс» на разминке появился мальчик, который стал подбрасывать мяч, поочередно играя то левой, то правой ногой. Мяч прыгал перед ним словно привязанный: на колено, на голову, на грудь, на носок стопы. Шли минуты, а малыш продолжал жонглировать мячом. Наконец на поле появились профессионалы. Заметив Марадону — а это был, конечно, он, — они не торопились начинать свою разминку и наблюдали за его упражнениями. Вскоре по стадиону понесся ропот: «Что он творит, что он творит!» Марадона продолжал подбрасывать мяч, постепенно передвигаясь с ним за ворота по направлению к люку, откуда выходят на поле футболисты. Там он сбросил с ноги мяч и нырнул вслед за ним в зияющую яму. Сверху, он слышал, раздались аплодисменты. Зрители благодарили его, восхищаясь удивительным мастерством. Аплодировали не взрослому профессиональному футболисту, а игроку детской команды, хотя и будущему чемпиону мира...

Марадона рос, росла и его большая семья. Появились на свет братья Рауль и Уго, приближалось рождение Клаудии, самой младшей сестренки.

«Отец продолжал работать на мельнице, — вспоминал Диего. — Он всегда приходил с работы усталый. Работал в две смены — утром и вечером. Зерно привозилось почти круглые сутки, и свежий помол тут же возвращался хозяину. Однако днем, пообедав, он брал меня за руку и отводил в клуб...»

Дон Диего чувствовал, что футбол для сына не только полезное увлечение, но и будущее, и делал все, чтобы мальчик продолжал играть в команде. Иногда после матчей ребят задерживали в клубе — отпраздновать очередную победу или чей-нибудь день рождения. В такие вечера Марадона засыпал прямо в раздевалке, и взрослые приносили его домой спящим. «Ну, кажется, наш футболист сегодня наигрался вдоволь» — такими словами встречала его мать.

20 октября 1976 года Марадона считает днем своего дебюта. Ему не было еще шестнадцати, когда он впервые вышел на поле сыграть во втором тайме за взрослую команду «Архентинос хуниорс», выступающую в первом дивизионе чемпионата Аргентины.

Накануне, после тренировки резервного состава, тренер Хуан Карлос Монтес позвал его к себе и сказал как бы между прочим: «В среду мы играем с «Тальерес». Приходи на скамейку запасных». Марадона, не успев как следует поблагодарить тренера, пулей вылетел из раздевалки, чтобы скрыть свою радость.

Противник, команда «Тальерес де Кордоба», попался не из легких. На 27-й минуте первого тайма команда Марадоны пропустила после удара Луиса Лидуэньи гол и битый час после этого пыталась отыграться. Суетливая игра полузащитников и нападающих «Архентинос» в центре поля и на подступах к штрафной раздражала тренера Хуана Карлоса Монтеса. В начале второго тайма он то и дело покрикивал

на них, а затем притих, уставившись на поле. Марадона, выход которого во втором тайме был заранее запланирован тренером, маялся от ожидания. Он стал даже подумывать, что о нем забыли. Игра катилась к концу, не оставляя никаких шансов на успех бело-голубым. На светящемся электротабло все еще поблескивал невыразительный желтый ноль. И рядом с ним, словно вонзаясь в сердце, пылала огненная единица. Шесть тысяч болельщиков, пришедших на стадион посмотреть дебют молодого, подающего надежды нападающего, недовольно гудели. Они были удручены проигрышным счетом и неинтересным ходом игры.

Черноголовый крепыш хорошо зарекомендовал себя в клубной команде юниоров и неплохо провел несколько игр, выступая за резервный состав взрослых. Поэтому сейчас Марадону ждали с надеждой. Но выходить впервые на поле в таком грустном матче, наверное, не стоило. Что-то подобное промелькнуло в его голове, хотя эта мысль скорее успокаивала, чем подавляла желание сыграть хоть десяток минут.

Посмотрев на центральную скамейку, Диего поймал взгляд тренера. Тот знаком попросил его подойти.

— Жиакобетти еле передвигает ноги. Замени его, малыш, и покажи этим лодырям, как надо играть в аргентинский футбол! — сказал Монтеc и одобрително хлопнул ладонью по спине Диего — так выпускают в небо дорогих, засидевшихся в голубятне голубей в надежде, что те приведут пару.

Администратор быстрым движением расстегнул молнию на спортивной сумке и вынул новенькую пеструю футболку с шестнадцатым номером на спине.

— Одевайся, малыш. Скоро тебе шестнадцать. Номер как нельзя кстати.

Администратор, видимо, был суеверен.

Марадоне не понравилось, что старшие все время называют его «малыш», и, быстро натянув футболку, слегка раздраженный подбежал к боковому судье, прося замены.

На трибунах, словно ветер в весенней листве, зашелестели аплодисменты. Марадона даже не понял, что они адресовались ему. Он бесцельно, чуть волнуясь, пробежался без мяча по сырому газону вдоль бровки поля, стараясь разогреться. Жаль, что Монтеc заранее не предупредил его о выходе на поле: он бы успел сделать разминку. Остановившись, стал следить за мячом. Взрослые возились, как дети, пыхтя и толкаясь. Мяч то и дело застревал между ног. Марадона еще чуть-чуть помедлил, а потом решительно бросился в самую гущу игроков и забрал у них мяч. Как в детстве, он сначала показался ему тяжелым. Трибуны вновь загудели с одобрением. И тогда он схитрил, как не раз хитрил у себя на пустыре. Он легонько подбросил мяч мимо набегавшего на него защитника «Тальерес» и тут же снова догнал мяч. Трибуны загудели громче. Малыш начал их развлекать. Сжавшись, как котенок, Марадона помчался дальше, к чужим воротам, но не стал резать угол, а выдал пас прямо на ногу Хорхе Лопесу, одному из трех нападающих «Архентинос хуниорс». Хорхе то ли зазевался, то ли не ждал столь точной и своевременной передачи новичка и потерял мяч, отпустив его далеко от себя. Зрители закричали, осуждая его за нерасторопность. Столь смелые действия Марадоны встревожили защитников «Тальерес», и один из них, Хуан Кабрера, стал присматривать за молодым нападающим. Диего все время слышал за спиной его тяжелое дыхание. Спустя много лет Хуан Кабрера вспомнит, что был первым «опекуном» Марадоны. И, нужно признать, весьма надежным. Футболисты «Архентинос» так и не смогли отыгаться, хотя юный Марадона делал все, чтобы добиться этого, и понравился болельщикам. «Малыш себя еще покажет», — говорили они, покидая стадион.

Оба брата Марадоны, пришедшие с отцом посмотреть дебют Диего, слышали эти реплики и гордились им.

За участие в матче профессионалов Марадона получил невесть какой гонорар. Но это были первые его деньги, заработанные футболом, и Диего торжественно вручил их матери.

После первой игры Марадоны с «Тальерес» столичная газета «Кларин» посвятила ему несколько строк: «Вышедший на поле в конце матча молодой игрок Марадона (через десять дней ему исполняется шестнадцать лет) заметно усилил атаку. Его умение владеть мячом выделяется даже на фоне игры футболистов из Кордобы, которые справедливо считаются лучшими «технарями» в аргентинском футболе. Однако даже этот ловкач не сумел протаранить железную защиту «Тальерес», и «Архентинос» вынужден был уступить 0:1».

Через четыре дня после этой игры Диего включили в основной состав команды. Произошло это в городе Росарио. «Архентинос» проводил очередную календарную игру против «Ньюэллса». Матч вновь сложился неудачно. Футболисты «Архентинос» проиграли со счетом 2:4, и Марадона, ничего не добившись, уходил в раздевалку удрученный. Но Монтес неожиданно при всех похвалил молодого нападающего за рвение и тактическую смекалку.

Как говорят, бог любит троицу. Но Диего долго не удавалось сыграть свой третий матч за взрослую команду. И лишь 14 декабря в городе Мардель-Плата, на берегу океана, он опять вышел на поле под шестнадцатым номером. В конце второго тайма Марадона заменил того же Жиакобетти.

Игра шла с переменным успехом и весьма напряженно. Столичная команда выигрывала 3:2, но южане наседали. За победу нужно было еще крепко драться. И тогда Марадона забил свой первый гол. Спустя две минуты он вышел на перехват мяча и забил второй гол. Хроникеры, скрупулезно следящие за футбольной статистикой, записали, что оба гола Марадона забил вратарю команды «Сен-Лоренсо» Луканжили. Это были его первые голы в профессиональном футболе.

Мячи, забитые Марадоной в Мардель-Плате, оказались единственными в том первом, столь памятном сезоне начала его профессиональной карьеры. А всего, включая игры мексиканского чемпионата, он сыграл 406 официальных матчей, забив, выступая за «Архентинос», «Бока хуниорс», «Барселону», «Наполи», за юношескую сборную и национальную сборную команду Аргентины, 256 голов. 63 гола были им забиты в играх за обе сборные.

— У Диего получился достойный дебют, — заявил журналистам Монтес. — И хотя ему не удалось спасти команду от двух поражений — правда никто от него этого и не требовал, — он понюхал пороху и теперь по праву находится в основном составе.

Монтес опоздал, расхваливая молодого игрока. Богатые клубы уже его приметили и готовились купить Марадону, хотя сам он весьма скромно оценивал свои возможности. «Я еще многое должен понять и освоить в игре. Самое важное — как и когда обыгрывать противника, какие изучать удары, как вести мяч», — рассуждал Марадона. И осваивал на тренировках удары, прыжки, рывки, финты и другие компоненты футбольной игры. Все маневры с мячом он старался делать на предельной скорости.

В следующем, 1977 году Марадона дебютировал в сборной страны, которой руководил в ту пору Сесар Луис Менотти. Однако пребывание Диего на поле в игре со сборной Венгрии оказалось коротким — длилось только 20 последних минут второго тайма.

В восемнадцать лет Марадона уже слыл звездой. Знаменитые зарубежные клубы предлагали ему контракты. В канун аргентинского чемпионата мира по футболу он всем отказывал. Мечтал выступить за сборную и не предполагал, что его ожидает тяжелый удар.

19 мая 1978 года, за тринадцать дней до начала чемпионата, Сесар Луис Менотти собрал в центре тренировочного поля туристского комплекса «Фонд Наталио Сальватори» всю команду и объявил, что по правилам ФИФА может включить в заявочный список только двадцать два футболиста. «Только двадцать

два игрока, — повторил Менотти, — могут участвовать в чемпионате мира от каждой национальной команды». Он медленно назвал фамилии трех футболистов, которым надлежало покинуть команду. Это были Браво, Боттанис и ... Марадона. Диего никак не ожидал услышать свое имя. Он закричал, запротестовал, затопал ногами. Слезы полились у него из глаз. Исключить его, Марадону! «Почему, за что?!» — кричал и плакал Диего. Его утешали, успокаивали, а он продолжал буйствовать.

Прошло несколько дней. Он позвонил Менотти домой и стал уговаривать вернуть его в команду, но получил окончательный отказ.

«Это было самым тяжелым поражением в моей жизни, — говорил позднее Марадона. — Быть в отличной форме, сгорать от желания выступить за свою команду и оказаться не у дел — такое нельзя пережить». Он проклинал Менотти, свой юный возраст, горькую судьбу. Лучше бы он дал согласие поехать в Англию — играть в одной из местных команд. И в знак протеста вместе со всеми своими сестрами и братьями уехал в США, в Диснейланию.

Горечь из-за отказа Менотти мучила его еще долгие месяцы, пока в 1979 году он не выступил в Токио, где сборная юниоров Аргентины стала чемпионом мира. Марадона вернулся из Японии с золотой медалью, кубком и в звании лучшего игрока чемпионата. За победу в чемпионате мира среди юниоров он получил на родине сразу две награды: Золотой Олимп и Золотой мяч — ежегодные призы, которыми награждают в Аргентине лучших, наиболее отличившихся футболистов страны. Боль из-за неудачи в 1978 году стала понемногу затихать.

Наступил 1980 год. Еще одна успешная поездка в составе сборной юниоров. Он блеснул на «Уэмбли» и в Вене, он стал звездой аргентинского футбола. Вынужденные отлучки из клуба создавали в «Архентинос хуниорс» невыносимую обстановку. Полкоманды с ним не разговаривало. Тренер требовал одного — голов. Сначала хоть один гол в матче, затем — в каждом тайме. В одной из игр на выезде он забил четыре мяча! Ждал похвалы. Но тренер лишь промямлил: «Для тебя это норма. За голы тебе платят». Он перестал посещать тренировки. Самостоятельно бегал по утрам кроссы. Назревал конфликт, а за ним «переход века». «Бока хуниорс» уплатил «Архентинос» 3 миллиона 600 тысяч долларов плюс 600 тысяч в качестве комиссионных процентов за «покупку». Его контракт предусматривал 15 зарплат по 60 тысяч долларов и 500 тысяч в, качестве страховки. Но налоги Марадона должен был платить сам. Ему, правда, вскоре прибавили по 10 тысяч за каждый товарищеский матч, так как игры за рубежом приносили клубу огромные барыши...

Была ли столь высокая плата за «покупку» оправдана? Несомненно, «Архентинос хуниорс» с юным Марадоной стала ведущей командой в Аргентине. На ее матчи ходили не только в Буэнос-Айресе, но и в других городах. Журналисты набросились на Марадону, безошибочно почуяв в нем восходящую мировую звезду. Назойливость прессы сослужила ему плохую службу. Он возненавидел пишущую братию и всегда неохотно давал и дает интервью.

«Мне непонятно, — сетовал Марадона, — почему корреспонденты газет, радио, телевидения, не сговариваясь, задают всегда одни и те же вопросы. Где родился? Где начинал играть? Какие игроки и команды нравятся? Какой самый трудный гол? И еще пяток подобных вопросов. И почти каждый советует мне побыстрее взрости. Это что, намеренная кампания? Я раньше многих познал лесть и зависть, непонимание и отчуждение. Передо мной часто закрывались двери фешенебельных светских клубов. Тренеры других команд не хотели меня признавать как игрока и учили своих подопечных лишь одному: нейтрализовать меня на поле или вывести из игры любым способом. Многие ждали, когда я оступлюсь, получу травму, и предрекали мне неудачи. Часто мне хотелось плакать. И знаете, почему это происходило? Потому что я простой парень, из рабочей семьи, недостаточно образованный. Меня упрекали в нескромности. А я страдал и бравировал.

Я стал зарабатывать немалые деньги. Нарочно сорил ими направо и налево. Пусть злятся! Хотелось насолить всем. Я покупал самые дорогие рубашки и брюки, посещал знаменитые рестораны, ухаживал за самыми красивыми женщинами, хотя любил только Клаудию.

Когда я купил первую автомашину, меня стали поучать: сначала надо было купить дом. В благопристойных аргентинских семьях, оказывается, так положено. «Самое важное в жизни — это крыша над головой», — слышал я со всех сторон.

В феврале (тогда мне было шестнадцать лет) я дебютировал в сборной в игре на знакомом стадионе «Бока хуниорс» против венгерской сборной. Меня пригласил сам Менотти. Он позвонил мне по телефону: «Марадона, Марадона, это ты? — переспросил он дважды. — Я включил тебя в состав на игру с венграми. Ты приедешь?»

Менотти лукавил, задавая этот вопрос. Он знал, что позови он в сборную любого аргентинского футболиста, и тот тут же примчится на сборы.

Я посадил деревцо в честь Беккенбауэра. А меня спрашивали, почему не в честь Ди Стефано, Сивори или уж на худой конец Пеле. Им все надо знать, но только очень поверхностно. Они не боятся повторяться в своих писаниях, как не стесняются задавать одинаковые вопросы, придумывать мне одни и те же прозвища или сочинять небылицы о моих «похождениях».

Надоело все это! Я хочу играть, а не отвечать с утра до ночи на их дурацкие вопросы, давать бесконечные автографы...»

Однако Диего сохранил у себя записку, вырезанную из бразильской газеты, в которой о нем написано: «Бедный, несчастный, богатый, счастливый мальчик. У него есть все. Не хватает только зрелости и свободы».

Журналисты создавали вокруг Марадоны ажиотаж. Молодой футболист понимал это, но не знал, как помешать их наскокам. В тот период он играл зло и отчаянно, словно стремился как следует показать свой талант.

Диего Армандо Марадона, первый номер в «Бока», в аргентинском футболе, делит с Платини первое место в международной таблице о рангах. В 1981 году состоялись исключительно удачные выступления Марадоны за национальную сборную в Европе, Америке, Японии... Только Менотти, кажется, не замечает этого. Он больше обеспокоен отъездом Ардилеса в Испанию, плохой формой Кемпеса, травмой Филлола. Как будто Марадона для него все тот же мальчик, который слезно умолял оставить его в сборной. Тренер по-прежнему хозяин в команде. Только он может включить его в состав или исключить из него.

В новом доме Марадоны на улице Виамонте все в движении. Стучит телекс, стрекочут пишущие машинки, снуют почтальоны и курьеры. Марадону обхаживают фирмы «Аустраль», «Пума», «Кока-кола». По нему тоскуют футбольные клубы «Ривер-Плейт», «Индепендьенте», испанцы, итальянцы, англичане и особенно американские менеджеры команды «Космос». Но снова канун мирового чемпионата, на сей раз в Европе, в Испании, и Марадона во имя сборной отказывается от всех выгоднейших контрактов. Дела, деньги, налоги, долги...

Голова идет кругом от всего этого. Как только Хорхе Ситерспилер, его верный импресарио, управляется со всем этим?

Секретарь, подруга Клаудии, его невесты, приносит к завтраку клочок телетайпной ленты — сводку. На ней отпечатан весь распорядок дня. Сводку каждое утро выдает домашний компьютер. В девять утра запланирована тренировка. А сейчас уже десять... В половине одиннадцатого — собрание команды. Успеть бы хоть на него. Точно ведь никогда не начнут. В двенадцать встреча с руководством и ребятами детской

команды «Лос Себоллитас», в которой когда-то начинал играть сам. В час визит на фирму, ждут новые контракты. Подготовил их Хорхе, а подписывать должен он. В два часа сеанс УВЧ, парафин, врач, массажист. В четыре надо отправляться на сборы, завтра очередной матч. В пять тренировка, и в пять же открытие автосалона, на которое он приглашен. Там будет коктейль — мероприятие в целях рекламы новых автомобилей. Ему будут что-то дарить. В шесть вечера визит страхового инспектора, это дело Хорхе, но полис, наверное, опять должен подписывать Диего. Как много таких дел, но факсимиле Марадона ему не доверит...

Диего возвращает сводку секретарю, залпом выпивает стакан апельсинового сока.

— Клаудия, я смываюсь! И, не дожидаясь ее ответа, выбегает во двор, где садовник только-только успел помыть машину.

— Пока! — кричит он всем снизу.

На сиденье машины кипа свежих газет. Его портрет в полстраницы. «Опять очередные сплетни», — морщится Марадона.

«Я устаю от плохих журналистов и бульварных газет, — скажет он в одном из своих интервью. — Мне приписывают несуществующие романы, ссоры и драки, приумножают мои долги. Несколько газет написали об аварии моей автомашины. Но сломалась не моя машина, а Уго, не в Буэнос-Айресе, а в Кордобе, и за рулем был не брат, а наш дядя...

Газеты написали, что я купил паровую яхту, а я два года не видел моря. Я не хочу быть больше звездой. Я бросаю футбол!»

А через день после выигранного матча: «Я счастлив, что у меня есть футбол, который я люблю и которому буду верен всегда». В этом — весь Марадона, юный хитрец, выдумщик, плут и забияка.

«Об одном я прошу Бога — чтобы он никогда не покидал меня в игре. И тогда я оплачу его милость голами и отличным футболом на радость людям» — это тоже слова Марадоны.

Он не хотел ехать со сборной и Менотти в Монтевидео играть в «малом чемпионате мира» в честь 50-летия победы уругвайцев в первом розыгрыше Кубка Жюля Рима. Сезар сам приезжал к нему домой и вместе с отцом уговаривал его сыграть три матча.

...«Бока» станет недостижимым в розыгрыше чемпионата Аргентины 1981 года, если в предпоследнем туре сможет обыграть «Тальерес де Кордоба», тот самый «Тальерес» из города Кордобы, второго по величине города страны, который в 1976 году был первым противником Диего в высшей лиге. Тогда команда Марадоны проиграла. Теперь «Бока» возьмет реванш. Точнее, Марадона сам станет реваншистом.

Матч удался. Диего сыграл отменно! «Тальерес» повержен. «Бока» — чемпион страны! «Ривер-Плейт» тайно предлагает ему крупный контракт, но Марадоне некогда даже принять представителя ведущего аргентинского клуба. Он перестает посещать тренировки сборной, и Менотти его отчисляет. Газеты набрасываются сначала на старшего тренера, потом на Марадону. Диего просит извинения. Менотти его прощает. Заключается худой мир, который, как известно, лучше доброй ссоры... Оба стараются не смотреть друг на друга. Марадону видят то раздражительным, то покладистым, то сердитым, то веселым. Но чаще всего подавленным, угнетенным бременем своего успеха.

Однажды он два часа в самую жару играл с мальчишками из «Лос Себоллитас» и был счастлив оттого, что ни один фотокорреспондент не узнал об этом. Однако на другой день утром Хорхе Ситерспилер вручил ему большое цветное фото, на котором Диего, голый по пояс, сияющий от удовольствия, в обнимку с мальчишками, возвращается после игры в раздевалку. Где этот рыжий раздобыл фотографию?

В детстве Диего не отличался особой общительностью, однако это не помешало ему крепко подружиться с мальчишкой постарше — Хорхе Ситерспилером с улицы Сан-Блас.

Когда Марадона впервые встретился с Хорхе, ему показалось, что он видит его будто в кривом зеркале: левая нога парня отличалась от правой заметной кривизной. Из-за этой ноги он не мог по-настоящему играть в футбол, хотя вместе с ребятами любил погонять мяч на пустыре. Хорхе был сыном водопроводчика и часто помогал отцу на работах по срочному вызову. Мальчишки знали: если на горизонте замаячит рыжая голова Хорхе, значит, случилась какая-то неполадка — или трубу прорвало, или кран потек, или водосток засорился.

Густые непослушные волосы Хорхе были предметом шуток. Но его они мало трогали, равно как и слова «рыжий», «огненный», «конопатый», которые, несмотря на рыжие волосы, не стали прозвищами. Его почему-то прозвали Кабесон, что по-испански означает большая голова. То ли за бесконечные выдумки и идем, которые роились в ней, то ли за пышную шевелюру.

Его старший брат играл в команде «Архентинос хуниорс», и Хорхе на правах родственника бесплатно ходил на ее матчи. К тому же он в свои двенадцать лет проявлял не по возрасту большую активность, «сотрудничая», как он гордо говорил, в комиссии клуба «Архентинос» по связям с прессой и днями пропадая на стадионе. У него всегда водились деньжата. Хорхе был щедрым и слыл заводилой. Он нередко покупал для своих друзей кока-колу и дешевые сэндвичи. Однажды — дело было в пятницу — он на правах старого знакомого предложил Марадоне заночевать у него дома. «Мы живем ближе всех к стадиону, а у тебя завтра игра. Легче будет утром добираться» — так объяснил он свое приглашение. Диего согласился и в последующие пятницы перед субботними играми нередко оставался ночевать у своего старшего товарища. На правах друга Хорхе на всех углах рассказывал, как сыграл Марадона, расхваливая забитые им голы и острые пасы партнерам. Ситерспилер любил футбол и из каждого матча с участием «своих», к коим он причислил и Марадону, делал событие. Дружба с Диего позволяла ему чувствовать себя хозяином в детской команде и рассказывать о событиях примерно так: «Вчера мы забили два таких гола!» — хотя оба мяча забил Диего, а Ситерспилер даже не входил в тот день в раздевалку. Или: «Нам крепко досталось в той игре...» — когда плачущего от боли Марадону всего в синяках и шишках товарищи уводили со стадиона.

Марадону нередко спрашивали, что он нашел в Хорхе, какие у них могут быть общие дела? Диего отмалчивался, хотя дела были: он целый год без особого успеха проучился в торговой школе, и Ситерспилер иной раз помогал ему решать несложные задачки. В остальном их объединял только футбол. Они почти все время были вместе — на тренировках, на играх, в поездках. И даже когда в 1977 году шестнадцатилетний Марадона в составе сборной команды юниоров Аргентины поехал в Каракас на розыгрыш первенства Южной Америки, Хорхе каким-то образом оказался в команде и не только скрасил одиночество Диего, вынужденного провести почти месяц в чужом городе вдали от родных, но и помог готовиться к матчам.

Хорхе рано узнал горе. Его единственный брат, который в течение нескольких лет играл правым защитником в команде «Архентинос хуниорс», тяжело заболел и умер. Кабесон еще больше привязался к угрюмому, но крепко верившему в мужскую дружбу Марадоне. В Каракасе Диего впервые сказал Хорхе: «Я еще многого не знаю, Кабесон, помогай мне». Наверное, с той поры и началось их сотрудничество. Сначала была элементарная опека младшего старшим, а позднее — управление всеми «светскими» и финансовыми делами восходящей звезды. Хорхе служил Марадоне верно, как преданная собака. Иногда это надоедало молодому патрону, и они ссорились.

В Неаполе Марадона предпринял попытку вообще избавиться от Ситерспилера: «Послушай, Хорхе, — сказал он, — я не хочу, чтобы ты занимался моими коммерческими делами. Ты создаешь мне одни

проблемы и совсем не приносишь песет. Так дальше продолжаться не может». Ситерспилер спокойно выслушал эти слова и на упрек ответил делом: организовал для Марадоны рекламу через итальянскую торговую палату, что принесло немалую прибыль. Диего, по горло занятый футболом, отношениями с руководством клуба, болельщиками и прессой, мало занимался финансовыми делами, и Хорхе по-прежнему оставался его верным импресарио. «Ты играй в футбол, а я буду следить за счетами», — любил повторять он. Клаудия относилась к нему как к брату.

Помимо дел, связанных с бизнесом, Ситерспилер неплохо проявил себя и как пропагандист футбольного таланта Марадоны. Несмотря на то что из Каракаса в 1977 году аргентинцы возвратились без медалей, Хорхе сделал все, чтобы представить Марадону великомучеником, выступавшим в слабой команде, которой руководил плохой тренер.

Хорхе раньше всех понял, что на Марадоне можно делать деньги. Полагают, что не без его участия Диего был продан в команду «Бока хуниорс». Эта сделка сразу резко изменила жизнь всей многочисленной семьи Диего. Отец снял другой дом, семья стала вести совершенно иной образ жизни. Хорхе разглагольствовал, что это он дал возможность семье Марадоны по-настоящему устроиться, а его братьям и сестрам заняться учебой.

По инициативе Ситерспилера, когда Диего стал выступать за зарубежные клубы, была создана торгово-рекламная фирма «Марадона продакшнс». Одной из ее первых сделок стал контракт с аргентинским филиалом западногерманской компании «Агфа», выпускающей цветную кино- и фотопленку. Затем «Марадона продакшнс» начала участвовать на паях в производстве косметики с компанией ТСУ и писчебумажных принадлежностей с фирмой «Чемпион». Хорхе вникал во все дела Марадоны. Вечно что-то придумывал, проверял, пробовал, принимал и отвергал — в общем, как он говорил сам, «крутился», иногда теряя, но чаще зарабатывая на имени Марадоны.

Вторым верным другом Диего стала Клгудиа Виллафанья. Познакомились они летом 1976 года на вечере танцев в клубе парка Ла Патерналь. Марадоне очень хотелось понравиться девушке с глазами, как спелые вишни, и скромной улыбкой. Он без устали танцевал с ней быстрые ритмичные танцы в стиле «диско», чередуя их с томными танго, шутил, пел, был находчив и обаятелен. Клаудиа призналась позже, что в тот первый их вечер влюбилась в Диего. А он шутил, что с ним это произошло немного раньше...

Дружба между молодыми людьми возникла сразу и длится все эти годы. Уже на другой день после встречи Диего пригласил Клаудию домой для знакомства с родителями. В аргентинских семьях так поступают только тогда, когда представляют невесту. Она понравилась отцу и матери. Прощаясь, дон Диего сказал ей: «Приходи к нам почаще, дочка». А донна Далма по-матерински обняла и поцеловала ее.

Марадона был счастлив, и с той поры в его жизни кроме футбола появилась Клаудиа. Став профессиональным футболистом, Диего много ездил по стране. Возвращаясь домой, он наскоро целовал мать, бросал на пол свою спортивную сумку и бежал на угол к телефону-автомату звонить Клаудии. Позднее он звонил ей прямо из аэропорта. И нередко оттуда ехал прямо к ней, не заезжая домой.

Клаудиа была серьезной девушкой. Она училась в колледже, но никогда не осуждала Марадону за то, что тот не стал продолжать учебу в торговом техникуме, разумно считая, что ее жених создан только для футбола. Клаудиа первой посоветовала Марадоне стать профессиональным футболистом. Она понимала, что футбол такое же большое и важное дело, как медицина или торговля. Диего был благодарен ей за это.

Обосновавшись в Испании, он вызвал Клаудию к себе в Барселону. И девушка жила в доме Марадоны на правах полноправного члена семьи. Когда Диего знакомил Клаудию с друзьями, он называл ее «моя невеста». Наверное, более терпеливой и верной подруги жизни Марадоне уже не сыскать. Положение невесты не могло продолжаться вечно. Однако девушка ни разу не спросила о намерениях Марадоны. Ей

нравилось всегда быть рядом со своим женихом, чувствовать себя его другом и верным советчиком в житейских делах. Как и дон Диего, донна Далма звала Клаудию дочкой...

ВОЙНА И ФУТБОЛ

Весной 1982 года в Аргентине произошли события, которые привлекли внимание всего мира. Группа генералов, управлявших страной, руководствуясь беспочвенными лжепатриотическими амбициями, решила вернуть Аргентине Фолклендские (Мальвинские) острова в Южной Атлантике, занятые ровно 150 лет назад англичанами. За желанием вернуть исконно аргентинские земли легко просматривалось стремление отвлечь ропщущий разобщенный народ от экономических проблем, которые резко обострились за годы правления военной диктатуры. Назревал «Мальвинский кризис».

Для освещения этих событий в редакции телевидения возникла необходимость направить в Аргентину своего корреспондента. Мексиканский корпункт, где тогда довелось мне работать, располагал такой возможностью, хотя Аргентина вот уже в течение десятка лет оставалась для советских журналистов «терра инкогнита» — «неведомой землей», ибо военные под любым предлогом не пускали в страну «красных» корреспондентов. За получением визы мы с кинооператором обратились в аргентинское посольство в Мехико. Шел год очередного, XI! мирового чемпионата по футболу, и в стране, футболисты которой выиграли предыдущий чемпионат, заметно оживилась подготовка к этому большому событию в международной жизни.

В апреле советская сборная собиралась в Буэнос-Айресе помериться силами с аргентинскими командами, которые еще не утратили своего ведущего положения на мировой футбольной арене. В ноте советского посольства с просьбой выдать нам визу это обстоятельство выдвигалось на передний план. «Под футбол», рассуждали мы, легче получить разрешение на въезд в страну, где правили военные.

Однако пока шли депеши в МИД Аргентины и обратно, советские футболисты успели приехать в Буэнос-Айрес, сыграть там пару матчей и вернуться домой. Поэтому советник посольства, высокий черноволосый гаучо в белом генеральском мундире, украшенном орденами и аксельбантами, встретил меня с усмешкой:

— Визу вам дали, — многозначительно сказал он, — Но вчера советская команда покинула мою страну. Стоит ли так далеко ехать без видимой на то причины?

Обрадованный приятным известием, я чуть было не ляпнул, что нам интересен и «Мальвинский кризис»... но вовремя прикусил язык:

— Дело в том, уважаемый сеньор, что нам крайне важно познакомиться с ходом подготовки чемпионов мира — аргентинской сборной, которая, как известно, сыграет в ближайшие дни еще несколько контрольных матчей, в частности с болгарами...

Судя по всему, ответ удовлетворил генерала, и мы дружески расстались. Внизу меня поджидала сеньора Алиса, сотрудница аргентинского посольства, принимавшая деятельное участие в получении виз. Она искренне сочувствовала нам, когда мы безуспешно ждали вестей из Буэнос-Айреса, и с нескрываемым удовольствием оформила наши паспорта, предварительно спросив дату отлета и номер авиарейса (формальность, необходимая для всех въезжающих в страну иностранцев). Прощаясь, Алиса пожелала нам счастливого пути и лукаво — больших «спортивных» успехов. Она тоже не верила, что нас интересует только футбол.

Мы летели на футбол, а попали на войну. Буэнос-Айрес напоминал разворошенный муравейник. Это сравнение пришло на ум еще в аэропорту «Эсейса». Залы были полны народом. Многие аргентинцы покидали столицу, опасаясь налетов английских бомбардировщиков «хариеров». Люди сновали с

чемоданами и сумками, плакали, восклицали, кого-то звали, теряли и находили. Под сводами огромного аэровокзала стоял гул, как в бане, было влажно и душно.

Всех пассажиров нашего самолета выстроили в длинную неровную очередь, которая тянулась через транзитный зал к турникету, где два пограничника в темно-синих мундирах проверяли паспорта вновь прибывших. Перед ними, нацелив переносную телекамеру, стояли операторы и бесцеремонно записывали на видеопленку лики всех прилетевших из-за рубежа. Кто-то грустно пошутил: «Ловят британских шпионов».

Пограничники долго перелистывали странички наших синих паспортов, запятнанных старыми визами в другие страны, сквозь зубы задавая формальные вопросы: с какого мы рейса, из какой страны летим, на сколько дней, хотя в формулярах, заполненных нами еще на борту самолета, все это было подробно отмечено. Отыскав страничку с аргентинской визой, пограничники, посоветовавшись, попросили нас отойти в сторону и подождать, а наши паспорта передали подошедшему клерку на дополнительную проверку. Я знал, что в ряде аэропортов, куда нас заносила судьба, з обязательную процедуру входило фотографирование паспортов очевидно на память... Наконец паспорта вернули, и мы вышли в город.

Встречавший нас в аэропорту советник советского посольства в Аргентине Виктор Николаевич Рожнов, знакомый мне еще по совместной работе в Бразилии, сообщил, что экспедиционный корпус аргентинских военно-морских сил только что высадился на Фолклендах. «Будет война, — сказал он. — Англичане просто так острова не отдадут».

Спрашивать о футболе было неуместно. По дороге в город время от времени попадались военные патрули. У заставы на выезде из зоны аэропорта многие машины останавливали. Карабинеры проверяли багажники, заглядывали внутрь салона. Искали оружие.

Наша машина с дипломатическим номером избежала проверки, медленно проползла под колючими взглядами строгой охраны вдоль обозначенного широкой белой линией длинного участка осмотра. В этом месте требовалось до предела сбросить скорость. «Если проедешь быстрее положенного, — объяснил Рожнов, — машину остановят, отберут ключи и продержат у проверочного пункта часа два. Лучше не рисковать». Наконец загородное шоссе вывело нас на широкий городской виадук, у въезда на который стояли пятистворчатые ворота — за проезд взималась плата.

За воротами сразу надвинулся город, заслонив небо серыми коробками небоскребов. Мы долго крутились по бетонным мостам, занырявая в неосвещенные короткие туннели, выскакивали на горбатые кривые мосты, пока не вырвались на широкую набережную реки Ла-Платы. Проехали темную громаду знаменитого стадиона «Ривер-Плейт», почему-то носившего английское название великой аргентинской реки. Вдоль дороги стояли фундаментальные дома из кирпича и бетона, возвышавшиеся над густой кроной гигантских деревьев.

Буэнос-Айрес — зеленый город. Вековые дубы, грабы, клены и другие растения бережно охраняются горожанами. В скверах я видел многометровые сосны, кедры, липы. Среди них выделялось чудо-дерево поэмбу с трехметровым стволом в диаметре, увесистые ветви которого, толщиной со слоновью ногу, нависали над самой землей, заслоняя от солнца изумрудно-зеленые сочные лужайки.

Машина быстро пронеслась мимо светлого нескладного обелиска — «Памятника Никому», как называют его аргентинцы, загораживающего проезжую часть самой широкой улицы аргентинской столицы — 9 Июля.

— По вечерам здесь бывают огромные пробки, — продолжал подбрасывать скудные сведения наш сопровождающий. — А вот и знаменитый на всю Америку оперный театр «Колон». В нем пел сам Шаляпин. В огромных подземных кладовых театра хранится костюм Бориса Годунова, в котором великий певец

выступал на сцене «Колона». На днях, кстати, сюда приезжают Елена Образцова и Евгений Нестеренко. Будут ставить «Хованщину»...

Удивительные сообщения буквально кружили голову. Свернув с широкой магистрали на более узкую улицу, мы вдруг увидели витрины столичных магазинов. За огромными стеклами висели шубы из лисы, песца, соболя, изделия из замши и кожи. Страна с ходу знакомила со своими богатствами. В Аргентине даже толком не знают, сколько голов крупного рогатого скота пасется на гигантских пастбищах. Кожевенная промышленность — одна из лучших в мире. В Буэнос-Айресе художники из коровьих шкур изготавливают великолепные картины.

Процедура регистрации в отделе печати МИД заняла всего несколько минут. Сотрудница, принимавшая наши паспорта, сама заполнила на машинке формуляры, пришив скрепкой к ним фотографии, скрепила печатью и затем повела нас в соседнюю комнату к заведующему отделом прессы. Молодой аргентинец предложил нам присесть на стулья, стоявшие вдоль стены крохотного кабинета, подписал формуляры, молча пожал нам руки. Когда мы вышли от шефа, девушка напомнила, что с этого момента нам разрешена репортерская деятельность в городе на срок, указанный в формуляре. Для продления следует снова вернуться в отдел печати. Эти документы, которые на время пребывания в Аргентине заменили наши паспорта, мы должны предъявлять по требованию полиции.

... Торговая улица Флорида, казалось, забыла о своем главном предназначении — продаже товаров, превратившись в массовую политическую трибуну. У газетных киосков, у входа и у окон зданий редакций газет и журналов стояли толпы людей, обсуждая поступающие сообщения с фронта, а также из Европы и Соединенных Штатов. На перекрестках старушки и юноши собирали пожертвования в Патриотический фонд Мальвин. Они торговали значками, крохотными голубыми флажками и бантиками в петлицу.

За неделю 65 тысяч граждан, ряд общественных организаций и учреждений внесли средства и сбережения в этот фонд. На 1 июня 1982 года на счете Патриотического фонда в Национальном банке Аргентины уже числилось 320 миллиардов аргентинских песо (23 миллиона американских долларов). Правительство опубликовало специальный декрет, который официально объявлял, что средства фонда будут направлены на восстановление и развитие хозяйства Мальвинских островов. После завершения военных действий большая часть этих денег была передана семьям погибших военнослужащих, а также на лечение воинов, получивших ранения в боевых операциях.

Волна патриотизма и тревоги за судьбу нации нарастала с каждым часом. На площади у Розового дворца, заметно почерневшего от пыли, — традиционной резиденции президента — постоянно толпился народ, люди напоминали знаменитые «Пикейные жилеты». Взять интервью здесь не представляло особого труда. Для советского телевидения хотели сказать буквально все. Осуждали коварство и угрозы англичан, произносили лозунги за возвращение Мальвинского архипелага. В городе поспешили выпустить серию почтовых марок. На крохотном квадратике светлой бумаги была напечатана карта Мальвинских островов, которую перечеркивала перепечатка: «Мальвинас — архентинас», что означало: «Мальвинские острова — аргентинские». Такие марки проштемпелевывались на почте. С датой тех бурных событий они представляют особый интерес для филателистов — за несколько дней, пока разгорался кризис, успели напечатать всего несколько тысяч таких марок.

Полосато-голубой аргентинский флаг, водруженный солдатами экспедиционного корпуса, уже реял над главным островом Мальвин — Порт-Стенли. «Будет война», — тревожно висело в воздухе...

Мы шли, пробиваясь сквозь толпу на Флориде, и нигде не встречали футбольных афиш. Аргентина, казалось, полностью отеклась от своего прошлого триумфа, завоеванного на футбольном поле «Ривер-Плейта». Приближение настоящей войны захватило умы самых ретивых болельщиков. О предстоящих футбольных баталиях на стадионах Испании никто и не помышлял.

Поэтому затеянный нами разговор о футболе долгое время не находил поддержки. Все ждали очередных сообщений аргентинского генерального штаба, взявшего на себя обязанность информировать нацию о событиях на Мальвинах.

Впрочем, с официальными сводками генштаба конкурировали еще и телевизионные репортажи, которые вел с архипелага репортер местного телевидения Александр Казанцев. Это был один из самых опытных оперативных репортеров Аргентины, выходец из семьи русских эмигрантов, приехавших в страну еще в начале века.

На второй день в отделе печати МИД была организована пресс-конференция, которую вел один из ближайших помощников министра, накануне срочно вылетевшего в Соединенные Штаты. То было началом «челночной дипломатии». В течение первых десяти дней министры, словно бабочки, «порхали» с одного континента на другой, в спешном порядке консультируясь друг с другом. Госсекретарь США Александр Хейг, по-моему, тогда установил своеобразный рекорд: он раз шесть побывал в Лондоне и столько же в Буэнос-Айресе. Американцы, на деле поддерживая англичан, не хотели показывать это аргентинцам.

После пресс-конференции я попросил шефа отдела печати разрешить нам слетать на Мальвины, но он ответил отказом, отшутившись, что на Мальвинах уже работает один «русский» репортер (он имел в виду Казанцева) и еще одна пара русских вызвала бы у англичан нежелательную реакцию.

Мальвинский кризис стремительно развивался, приобретая все более угрожающие большой войной очертания. Тэтчер к тому времени объявила ультиматум и готовилась послать в Южную Атлантику эскадру боевых кораблей, включая авианосец с «хариерами» на борту.

В отделе печати МИД мы узнали о последних футбольных новостях, о дате встречи аргентинской и болгарской сборных. Шеф оказался занятым болельщиком.

По его совету мы направились в Федерацию футбола Аргентины. Требовалось оформить еще одну аккредитацию.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

В федерации футбола, оформив аккредитацию, мы получили пропуска на матч аргентинцев с болгарами, массу документации о подготовке аргентинской команды и письменное разрешение посетить футболистов в тренировочном лагере.

Лагерь аргентинской футбольной команды находился километрах в сорока от города. Как добраться туда, никто толком объяснить не мог.

Под вечер позвонил Рожнов и просил быть «при параде». В Институте дружбы и культурных связей «Аргентина — СССР» предстояло торжество, на которое пригласили и нас.

Это был по-настоящему дружеский вечер. Тогда и несколько позже я заметил, что аргентинцы очень хорошо проводят время на вечерах, собраниях, на больших сборищах. Как уютно чувствовали себя все на том вечере в Институте дружбы! Люди здесь собрались совершенно разные. Многие пришли с детьми, малыми и большими. В зале на почетных местах сидели убеленные сединой ветераны, старики и старушки, чистенькие, даже нарядные. Они расточали направо и налево добрые улыбки и в ответ получали трогательное внимание молодежи. Разговор, который шел в тот день в институте, представлял интерес для всех собравшихся. Обсуждался вопрос, как проводить занятия русского языка (на курсах, как выяснилось, занималось довольно много аргентинцев в возрасте от тринадцати до восьмидесяти лет). Комплектовалась также очередная группа туристов для поездки в Советский Союз. Путевки льготные — поехать хотели многие. Предпочтение отдавалось активистам, притом собравшимся подробно объясняли, чем заслужил поездку тот или иной человек, что он сделал для развития дружбы с СССР, хорошо ли изучил жизнь советской страны, какой вклад внес в работу института. Право на поездку получил и симпатичный молодой инженер Хуан Карлос, подсевший к нам. Его искренне поздравляли товарищи. Хуан оказался разговорчивым собеседником и, хотя он не умел говорить по-русски, хорошо был осведомлен о жизни нашей страны, многое знал о достопримечательностях Москвы и Ленинграда. Мы поведали ему о наших заботах, и Хуан предложил отвезти нас в лагерь аргентинской сборной.

Назавтра в условленный час изрядно поношенный серый «фордик» Хуана Карлоса стоял у входа в нашу гостиницу. Мы, как всегда, вышли «во всеоружии», неся на себе штативы и чемоданы с кинокамерой, осветительными приборами, магнитофоном, фотоаппаратами.

Хуан Карлос быстро погнал машину по прямым улицам Буэнос-Айреса. Вскоре центр города остался позади. Гладкий асфальт сменился шершавым бетоном, а затем и брусчаткой. Мы долго ехали вдоль рабочих кварталов пригорода Буэнос-Айреса, которые по мере удаления от города становились все более неприглядными и бедными.

От других латиноамериканских столиц Буэнос-Айрес выгодно отличается планировкой, архитектурой домов. Его сравнивают с Парижем и Римом, Нью-Йорком и Мадридом. Это современный многоэтажный город с прямыми ровными улицами. И только портовые районы Сан-Тельмо и Ла-Бока несколько отличаются от остальных кварталов аргентинской столицы.

Буэнос-Айрес раскинулся на южном берегу трехсоткилометрового устья реки Ла-Платы при ее впадении в Атлантический океан. Это портовый город. Не случайно жители называют себя «портеньос», от испанского слова «пуэртс» — порт. И дыхание порта постоянно ощущается в городе. Но особенно оно заметно в Ла-Боке. Промчались годы, столетия, но здесь все как прежде: мощенные серым булыжником кривые улочки, двухэтажные дома времен колониального зодчества с балкончиками, арками, дворами,

порталами. Католические соборы, лавочки, кафе со стеклянными стенами и террасами, с зонтами над столиками. Все это привлекает многочисленных туристов.

Здесь всегда витают аппетитные запахи жареного мяса. В портовых ресторанчиках можно отведать не только нежную на вкус говядину или постную свинину, но и баранину, козлятину, зайчатину. Особым способом поджариваются хрустящие ароматной корочкой потроха.

Ла-Бока и Сан-Тельмо — типичные районы бедняков. Здесь живут портовые грузчики, мелкие торговцы, моряки, безвестные художники, бесславные поэты, студенты. Они — пристанище бродячих музыкантов, которые, не имея постоянной работы, кормятся, подрабатывая у ресторанов и кафе. Туристам обязательно показывают крохотную улочку Каме-нито в Сан-Тельмо, сплошь застроенную деревянными домишками. Это своеобразный Монмартр — выставка-продажа картин аргентинских художников. Каминито выходит на заваленную старыми ящиками, бочками, полусгнившими досками, корзинами набережную, вдоль которой на вечном причале покоятся ржавые посудины с оборванными снастями и покореженными трубами. Этот, с позволения сказать, «флот» свое отплавал и теперь стал музейным экспонатом, бутафорией, на фоне которой постоянно фотографируются туристы.

На площади Боррего по воскресеньям проводятся ярмарки. Это типичный «блошиный» рынок. Прямо на мостовой разложены предметы старины, древнее оружие и утварь, металлическая посуда, подержанные книги, старинные монеты. Я познакомился там с поэтом, который продавал авторские сборники своих стихов. С автографом поэта книжки стоили на 10 песо дороже.

Несколько лет назад район Сан-Тельмо был объявлен исторической зоной. Муниципалитет формально взял на себя охрану его достопримечательностей. Несколько домов обнесли строительными лесами. Но реставрация так и не началась. Леса постепенно стали разваливаться и растаскиваться. Впрочем, пока это мало кого здесь беспокоит. Вечерами люди собираются в дешевых тавернах, где за полночь затягиваются беседы. О чем? О жизни и войне, о генералах и президентах и уж наверняка о футболе, которым увлечены многие аргентинцы.

Наконец мы вырвались на широкое загородное шоссе, по которому автомашины неслись с огромной скоростью.

Хуан Карлос, крепко вцепившись в руль, пристально всматривался в дорогу. Есть водители, которые в пути всегда чувствуют себя не в своей тарелке, напряжены, излишне пугливы и осторожны. Водить машину — это тоже искусство, которым не дано владеть каждому. Хуан Карлос молчит, а я размышляю о предстоящей съемке.

Хочется взять короткие интервью у всех ведущих футболистов и подробнее поговорить с Менотти и Марадоной. Последнего хорошо бы показать в деле на тренировке, в кругу товарищей. Советские телезрители его практически еще не видели. Мне же приходилось изредка наблюдать за его игрой на футбольных полях Аргентины, Мексики, Соединенных Штатов. Матчи с участием Марадоны теперь часто показывают по телевидению. Я ловлю себя на мысли, что редко восхищался его игрой, вернее, манерой игры. В отличие от Пеле, Гарринчи, Беккенбауэра, Платини и Круиффа Марадона не вызывал у меня особых симпатий. На футбольном поле он похож на злого колючего зверька. Таким, наверное, был Маугли в волчьей стае. Несмотря на свои двадцать лет, Марадона уже матерый футбольный волк, коварный и жадный. Вспомните, как он охотится за мячом. Настоящий хищник. Мяч для него — добыча. В стае волков добычу отнимают зубами. У него крайне трудно забрать мяч, особенно если Марадона почует ход, ведущий к чужим воротам. Злость, спортивная злость заметна в каждом его движении. Пышная копна черных по-цыгански курчавых волос нависает над лбом, закрывая глаза и брови. Пара черных маленьких глаз напоминает горячие угли. Он молчалив и на поле, и в жизни, не умеет скрывать раздражение. Волчонок да и только...

Хуан Карлос резко тормозит и сворачивает на обочину. «Кажется, это здесь», — вслух рассуждает он. — Машина попадает на узкую дорожку и медленно катится по ней в сторону виднеющегося вдалеке парка.

Лагерь аргентинских футболистов расположен на территории богатой туристской фирмы «Фундасьон Наталио Сальватори». У тяжелых железных ворот небольшая толпа — это наши коллеги, репортеры телевидения с телекамерами, видеоманитофонами. На земле по-змеиному улеглись спирали черных проводов. У нашего брата-журналиста хорошо развито чувство товарищества, и вскоре мы узнаем, что на тренировку аргентинской сборной приехали корреспонденты бельгийского телевидения. Бельгийцы с аргентинцами в одной группе. Этим командам начинать футбольный турнир в Испании, и поэтому у них особый интерес друг к другу. И что же? По распоряжению Менотти бельгийских журналистов на тренировку не пускают.

У ворот охрана. Начинаю разговор со старшим стражем. Объясняю, что мы из Советского Союза, из Москвы. Русская команда на первом этапе аргентинцам не конкурент. Может быть, нам разрешат снять тренировку, поговорить с игроками? Охранник запирает ворота и отправляется в глубь территории выяснить, как поступить с нами. Долго не возвращается. Кинооператор по моей просьбе снимает людей, толпящихся у закрытых ворот. Бельгийцы охотно позируют, смеются. Наверное, им редко приходится выступать в такой роли. Наконец шеф охраны возвращается. Отрицательно качает головой. «Русским тоже запрещено», — смущенно сообщает он. Бельгийцы нам сочувствуют. Терпеливо молчавший Хуан Карлос вступает в переговоры с охранником и долго что-то ему доказывает, затем недовольный возвращается к нам. «После тренировки, — говорит он, — вам позволят поговорить с Менотти».

Сквозь редкие металлические прутья высокой ограды хорошо видно тренировочное футбольное поле. Слышны гулкие удары по мячу. Менотти — его длинную тощую фигуру заметить нетрудно — руководит двусторонней игрой. Порой он сам, завладев мячом, организует атаку, навешивая мячи то на ход нападающих, то под удар на самые ворота. Футболисты в голубых и белых майках стремительно носятся по полю, стараются вовсю. После прошедшего дождя на поляне широкие лужи. Брызги веером разлетаются из-под ног футболистов, скользящего по воде мяча. Слышны азартные возгласы. Идет тренировка, серьезная, ответственная и деловая. Жаль, что мы наблюдаем за ней с такой неудобной позиции. Бельгийцы не спеша начинают укладываться, окончательно решив отказаться от съемки. Садятся в машины и уезжают. Мы продолжаем терпеливо ждать. Наконец представитель охраны делает нам знак рукой, приглашая войти на территорию лагеря. Узкая асфальтированная дорожка ведет к небольшому двухэтажному дому — гостинице, где живут футболисты. Нас впускают в вестибюль, просят подождать. Из стеклянной двери появляется Менотти, подходит к нам. Узнав, с кем имеет дело, он с ходу начинает объяснять, почему нам не разрешили снимать тренировку и вообще присутствовать на ней. «Репортеры мешают работе» — таков смысл его речи. О бельгийцах ни слова. Я прошу рассказать перед камерой о подготовке команды, представить игроков, охарактеризовать коротко каждого из них. Менотти соглашается, и я включаю магнитофон. Записываю обычный в таких случаях рассказ тренера-наставника о команде, который уже слышал не раз: несколько слов о плане подготовки, о контрольных матчах, коротко о минувшей игре с советскими футболистами — она, как известно, завершилась вничью, 1:1.

— Каждая команда имеет ключевых игроков. Мой первый вопрос: кто они в команде Менотти?

— Прежде всего вратарь Филлол. Опытный игрок. Его задача не только защищать ворота, но и начинать атаки...

Большую роль Менотти отводит полузащитникам. С явным удовольствием называет Пассареллу и Ардилеса. Оба чемпионы мира 1978 года. Их игра знакома всему миру. О Марадоне Менотти пока не говорит.

— Какую роль вы отводите Диего Армандо Марадоне?

— Обычную, как и всем нападающим, — забивать голы, — отшучивается Менотти.

— Но Марадона исключительно одаренный игрок.

— Наша задача — уберечь его от травм, сохранить на весь турнир. За ним постоянно «охотятся» защитники соперников, пытаются вывести его из строя. Делают это нечестно и грубо. Мы рассчитываем в этом году на Марадону, равно как и на Кемпеса и других опытных нападающих.

— Какой тактики будет придерживаться команда?

— Тактика определяется на каждый отдельный матч в зависимости от противника, турнирной ситуации... — Менотти продолжает теоретизировать, беседа углубляется в дебри рассуждений о футболе. Тренер намеренно старается мало говорить о своей команде. Не будет же он раскрывать свои карты в канун чемпионата!

Я прошу разрешения поговорить с футболистами. Пока оператор меняет кассету, Менотти подзывает Пассареллу, Ардилеса, Тарантини. Подходит Филлол с сынишкой на руках. Он так и снялся с ним вместе, рассказывая нам о себе.

Ищу глазами Марадону — пора поговорить с ним. И не нахожу. Почти вся команда в сборе. Нет только Марадоны.

Ребята говорят, что он только что был здесь, но не знают, где теперь. И лишь швейцар, сидящий у стеклянной двери гостиницы, говорит нам, показывая в сторону парка, что Марадона гуляет там со своей девушкой.

Быстро приближается вечер. Отснято несколько роликов, переговорено, кажется, обо всем. От нечего делать мы слушаем интервью, которое дает Менотти прибывшим аргентинским газетчикам. Хуан Карлос начинает нервничать, поглядывая на часы. Он уже и так потерял с нами много времени.

Наконец будто из-под земли, из гущи темных кустов, растущих у самого дома, появляется Марадона. Не обращая внимания на мое приветствие, протянутый микрофон, он быстро, почти бегом направляется к двери гостиницы, минуя застывших в недоумении аргентинских репортеров.

— Не пускай этого парня! — громко кричит он швейцару, показывая на меня. — Никого не пускай сюда! — С этими словами футболист исчезает за недоступной нам стеклянной дверью. Швейцар, выполняя распоряжение, встает со стула и смущенно разводит руками.

Понимая, что момент упущен, я в отчаянии направляюсь к Менотти:

— Сезар, как же так?! Марадона отказывается поговорить с нами! Нам нужно его снять всего на минуту...

Менотти пожимает плечами. Жест достаточно красноречивый, говорящий, что здесь он уже не хозяин.

За годы работы на телевидении мне не раз приходилось подолгу беседовать с Пеле, Гарринчей, другими футболистами бразильской сборной, игроками иных команд. Все это были доброжелательные, покладистые ребята, подробно отвечавшие на вопросы, откровенно рассказывающие о себе. Марадона же не захотел даже выслушать моих двух слов.

— Я знал, что с ним ничего не получится, — мрачно говорит Хуан Карлос. — Что еще можно ждать от этого дикаря?! — В словах аргентинца звучит раздражение. — Марадона, насколько я знаю, дает интервью только тем, кто ему за это платит. Таков порядок, введенный его импресарио. При этом неважно, кто просит интервью — местные репортеры или корреспонденты, приехавшие с другого континента.

Несмотря на отснятые и записанные интервью с игроками аргентинской команды, нас гнетет чувство неудовлетворенности. Так бывает в конце не доделанной до конца большой работы. В Москве не поймут, почему мы упустили Марадону.

ПРИГЛАШЕНИЕ МАРАДОНЫ

В отличие от Менотти, отказавшегося в 1978 году в самый последний момент включить семнадцатилетнего Марадону в состав аргентинской сборной, Карлос Билардо, наоборот, задался целью не только иметь этого выдающегося мастера в своей команде, но и наилучшим образом подготовить его к борьбе за мировую корону. Ради этого аргентинский тренер пересек океан и появился в Италии. Позднее он говорил журналистам: «Я мог бы по почте направить Марадоне официальное приглашение в сборную и авиабилет до Мехико, но тогда получил бы чужого мне «итальянского» Марадону, а мне нужен был настоящий аргентинец, увлеченный моей идеей, игрок моей команды».

Шел к концу апрель 1986 года. Итальянский чемпионат заканчивался очередным триумфом «Ювентуса». «Наполи» оставался на третьем месте.

Марадоне надоели одни и те же вопросы настырных болельщиков: «Диего, когда наконец неаполитанская команда станет чемпионом? Когда ты приведешь нас к триумфу? Ведь тебе уже уплачено...»

Марадона только улыбался, а самых ретивых успокаивал: «Не спешите, придет и наше время».

В Неаполе Билардо встретился с Марадоной и пригласил побеседовать где-нибудь вдали от навязчивых болельщиков. Они молча ехали в машине, и на одной из портовых улиц Неаполя Билардо попросил шофера остановиться. Футболист и тренер проворно выскочили из машины и юркнули в дверь крохотной пиццерии. В ее пустом полутемном зале заняли дальний столик. Марадона облегченно вздохнул: похоже, удалось избавиться от преследования болельщиков.

Заказали пиццу. Пока накрывали на стол, Билардо приступил к делу. Он склонился к Марадоне и, глядя ему прямо в глаза, заговорил:

— Диего, ты должен серьезно отнестись к тому, о чем я сейчас скажу. Это твой чемпионат. Тебе уже двадцать пять. Возраст, вполне подходящий, чтобы возглавить национальную команду. Она будет в твоём распоряжении. А чтобы у тебя не было в этом сомнений, я предлагаю тебе повязку капитана. Другой такой возможности у тебя больше не будет. Но ты мне должен обещать, даже поклясться, что отдашь тридцать дней своей жизни, только тридцать дней великому делу. Все это время ты должен будешь тренироваться и забыть обо всем, кроме предстоящего чемпионата.

Марадона с интересом слушал взволнованные слова склонившегося к нему собеседника. Оба напоминали заговорщиков, обсуждавших план ограбления банка.

Диего размышлял: можно ли верить этому человеку, врачу, ставшему вдруг футбольным тренером?

Подали пиццу. Официант поставил на стол два больших продолговатых блюда. На пурпурного цвета поверхности пиццы лежала золотистая копченая сардина. И вдруг Билардо пододвинул к себе блюдо Марадоны и вилкой сдвинул его сардину к самому краю.

— Представь себе, что эта пицца — футбольное поле. Правда похоже?

Диего как замороженный кивнул.

— Смотри. Четыре года назад мой предшественник Сезар Менотти заставлял тебя играть здесь, на краю, где лежит сейчас рыба, в полном одиночестве. Это было ошибкой! Ты должен играть ближе к центру, чуть сзади нападающих.

Сардина, подчиняясь вилке Билардо, сдвинулась на несколько сантиметров.

— Отсюда перед тобой предстанет простор для атаки в любом направлении. Здесь легче получить мяч от своих защитников и начать с ним разгон.

Сардина снова поползла, виляя хвостом. Через несколько таких маневров рыба утратила «товарный вид», но Билардо, не думая о том, что испортил пиццу, продолжал свою необычную наглядную лекцию.

Тридцать дней!.. Марадона никогда раньше не жертвовал своими радостями и привычками. Пил вино, таскался за женщинами. Даже на сборах накануне ответственных игр он ложился спать во втором часу ночи... Лишь в день игры он был собран и абсолютно трезв. Теперь предстояло подчиняться строгому режиму целых тридцать дней!

Тренер клятвенно заверил в успехе, но взамен требовал от Марадоны поклясться выполнять все его требования.

«Кто он — проповедник или врач? — думал Марадона. — Однако ради Аргентины стоит принять его предложение».

Марадона задумался, вспоминая свою бурную футбольную карьеру. Кем он был совсем недавно, когда гонял мяч на пустырях рабочих пригородов Буэнос-Айреса? Уличным неграмотным мальчишкой, которого взяли в приходскую команду «Лос Себоллитас» скорее для того, чтобы оградить от соблазнов улицы большого города, чем увлечь футболом.

Прошло несколько лет, полностью отданных футболу, который принес немало радости и огорчений. На чемпионат мира в Испанию он поехал уже в качестве прямого наследника Пеле. Но играл там не так успешно, как от него ожидали. Впрочем, как и вся сборная команда Аргентины. Феномен Менотти на этот раз не сработал. А в отношении Марадоны сработал отрицательно. В Испании Менотти делал на него большую ставку, однако использовал чистым нападающим, а эта роль ограничивала игру Марадоны. Аргентинская сборная и ее молодой лидер ничем себя не проявили. Чемпионский титул был утрачен.

Лучший аргентинский тренер так и не нашел общего языка с лучшим футболистом страны. В футболе, где личные отношения в команде играют немалую роль, такое бывает нередко. Не случайно, создавая коллектив, тренер порой отказывается от услуг ряда способных футболистов. Так случилось и с Марадоной в 1978 году. Душевная травма обиженного Марадоны, судя по всему, не зарубцевалась за четыре минувших года и дала себя знать в Испании. И наследник Пеле так и не сумел воспользоваться своим наследством.

Однако в Европе, и прежде всего в Испании, хорошо разобрались в сложившейся ситуации. После окончания испанского чемпионата Марадона сразу привлек к себе внимание многих менеджеров. Контракт, предложенный «Барселоной», оказался самым солидным — 3 миллиона долларов. К тому же зарплата, которую с ходу положили Марадоне — 200 тысяч долларов в год, — убедила молодого футболиста подписать этот контракт. Такую зарплату ему обещали выплачивать в течение шести лет. Представлялась прекрасная возможность реабилитироваться на тех же испанских футбольных полях, на которых в играх чемпионата мира он сыграл бледно.

Жители Барселоны встретили его восторженно. Газеты проявляли огромный интерес к его персоне. В рекламно-коммерческих целях Марадону начали активно обхаживать дельцы из «Тойоты» и «Мак-Дональда». Спортивные значки, наклейки, эмблемы и плакаты с его портретом, календари, видеозаписи эпизодов игры почти в каждой спортивной телепередаче, бесконечные интервью... Испанская информационная служба усиленно создавала образ «идола», которому помешали показать свое могущество на прошедшем чемпионате мира. Его устраивала такая роль. Первые матчи за «Барселону» он провел на одном дыхании, упиваясь своей молодостью, удачью, мастерством. Он не раз замечал, как игроки «Барселоны», не участвовавшие в отдельных эпизодах матча, стояли словно замороженные,

наблюдая за его гениальным неистовством на поле. Болельщики Мадрида, Бильбао, Севильи бредили ЕГО футболом. То и дело слышалось на трибунах: «Сыграл, как заправский Марадона», «Пробил, как Марадона», «Прошел, как Марадона!», «А какой он выдал пас!», «Да это же второй Марадона!» Такими репликами сопровождался каждый удачный ход на поле какого-нибудь испанского игрока. Стопроцентные сборы на чужих полях! И все это он — Марадона!

Но счастье так коротко. Гепатит. Три месяца вне игры. Девяносто дней «офсайда». Возвратился на поле похудевший, осунувшийся, мрачный и сразу выиграл Королевский кубок Испании.

Худая тень Менотти продолжала его преследовать. Кому-то пришло в голову пригласить аргентинца на тренерскую работу в «Барселону». О приглашении Менотти стало известно в день рождения Марадоны. Ему только-только исполнилось двадцать три. Хорош «подарок»! Другой «подарок» преподнес ему баск Гойкоэчеа — перелом лодыжки. Гойко-эчеа болельщики хотели линчевать прямо на стадионе. Спасли его полицейские.

Молодые кости срастаются быстро. 8 января 1984 года Диего снова вернулся в строй. Но игра «не шла». Публика встретила его свистом. В ответ он зло погрозил болельщикам кулаком. Все газеты размножили этот жест презрения.

«Я здесь очень несчастен, — жаловался он Клаудии. — После всего, что произошло, жду только одного — когда меня куда-нибудь продадут». В чужом каталонском городе Марадоне никак не удавалось полностью освоиться. Возможно, этому мешали и натянутые отношения с Менотти. Рядом с Пцего было сорок человек, приехавших из Буэнос-Айреса, но и в их кругу ему не хватало человеческого тепла. Назревал «развод» с «Барселоной». Марадона был готов уже платить неустойку, чтобы расторгнуть контракт.

В сердцах он заявил журналистам, что готов навсегда распрощаться с футболом. Испанские игроки напоминали ему тореадоров, которые сначала травят быка, а потом хладнокровно его убивают. «Они и мне собираются пустить кровь», — жаловался Марадона.

Испанские газеты стали писать только о его расходах, капризах и похождениях. Конфликтные ситуации возникали одна за другой. Их улаживание отнимало много сил и времени. Испания больше не интересовала Марадону.

В этот момент Неаполь выплыл из-за горизонта, как спасительное судно для потерпевшего кораблекрушение. «Наполи» выложил 7 миллионов 600 тысяч долларов. Марадона в результате сделки получил 800 тысяч. В контракте были учтены также экстравыплаты. Он радовался как школьник наступившим каникулам. Условия контракта буквально опьянили молодого футболиста, и он полетел в Неаполь навстречу мечте. В аэропорту неаполитанские болельщики заключили его в объятия и на руках вынесли в город. На него смотрели, как на чудо, способное спасти «Наполи» и вывести клуб на первые ступени крутой лестницы итальянского футбольного чемпионата. Марадона старался вовсю, но пока его крепкие ноги не приносили долгожданного успеха. «Ювентус» с Платини, которого ставят Марадоне в пример, выиграл всевозможные высокие титулы и призы. Два года подряд «Наполи» занимает третье место. И в этом специалисты видят прежде всего проявление футбольной гениальности Марадоны...

Билардо, наверное, прав: двадцать пять — это пора самых больших завоеваний, возраст, который позволит ему стать легендой и войти в историю футбола победителем...

Билардо смиренно ждал ответа, копаясь вилкой в растерзанной сардине. Этот губастый, розовощекий, с добрыми глазами убедительно говоривший человек располагал к себе. Хотелось верить его идеям и страстному желанию вернуть Аргентине звание чемпиона. Похоже, тренер делал на Марадону главную ставку в своей игре. Диего понимал, что это ради него Билардо отказался от старой гвардии, столь

дорогой Сезару Менотти. Такое решение вызвало бурю негодования среди болельщиков и журналистов, поток оскорблений в его адрес со стороны многочисленных меценатов.

Однако самые крупные неприятности возникли у Билардо в Федерации футбола Аргентины. Ряд ее руководителей упрекали его за то, что он подрывает традиции аргентинского футбола, лишая его фантазии и зрелищности. Делая ставку на закрытую коллективную игру, он превращает каждого футболиста в деталь командной машины. Это была чепуха. Вряд ли Билардо полетел бы через Атлантику, чтобы уговаривать строптивого и недисциплинированного Марадону стать капитаном такой команды!

Поговаривали даже, что сам президент Аргентины Рауль Альфонсин был недоволен сложившимися между тренером и федерацией отношениями. Хотя когда кто-то из руководства аргентинским футболом попытался привлечь президента к разрешению возникшего конфликта, хозяин Розового дворца сухо ответил: «Президент республики занят более серьезными делами, чем футбол».

Марадона догадывался о трудностях тренера. Ведь не зря же Билардо исколесил добрую половину Европы, чтобы узнать, как живут его эмигранты, как играют на чужих полях за другие клубы! Диего, ждавший такого разговора с тренером, был доволен встречей. Итак, надо браться за дело всерьез.

Марадоне вспомнилась недавняя неудача аргентинской сборной в матче с норвежской командой в Осло. В той товарищеской игре впервые встретились основные кандидаты в национальную команду Аргентины. Оценка игры сборной аргентинскими газетами была уничтожающей. Пощадили только Марадону, которого сравнивали с цветком, затоптанным в грязь. Билардо тут же был предъявлен иск за этот проигрыш. В некоторых статьях даже назывались фамилии трех-четырех тренеров, которые могут его сменить в сборной. Но руководство Федерации футбола Аргентины скрепя сердце решило оставить Билардо на посту тренера — обратный ход мог принести еще более негативный эффект. Тогда-то Билардо и помчался в Неаполь к Марадоне.

Диего дал согласие.

Разговор, состоявшийся в пиццерии, некоторое время сохранялся в тайне. Но, уговорив Марадону принять участие в чемпионате, Билардо не успокоился. Аргентинский тренер понимал, что одного желания и мастерства Марадоны может оказаться недостаточно для завоевания победы. Необходимо было подготовить организм выдающегося футболиста к необычным условиям мексиканского высокогорья.

На другой день после отъезда Билардо — а это был понедельник, традиционный день отдыха итальянских футболистов — Марадона неожиданно умчался в Рим. Его подготовка к чемпионату мира началась не на стадионе, а в римском Институте спорта, на факультете физиологии и биомеханики, куда по просьбе Билардо его пригласил профессор Антонио дель Монте. Профессор был большим специалистом в вопросах адаптации спортсменов к высокогорью. По его разработкам были изготовлены «чечевицеидные» велосипедные колеса, с помощью которых Франческо Мозер в 1984 году установил в Мехико рекорд скорости в езде на велосипеде за час пробега.

— Итак, — начал беседу профессор, усадив Марадону в специальное кресло, — чтобы вы смогли успешно выступить на мексиканских стадионах, мы должны познать ваш организм. И для этого вам необходимо подарить мне пять ваших понедельников.

Марадона вяло улыбнулся.

— Вы должны понять, что ваше умение играть в футбол может быть сведено на нет физической неподготовленностью к высоте. И тогда из быстрого, выносливого бойца вы превратитесь в тряпку.

Марадона перестал улыбаться.

— Я предложу вам серию тестов, которые вы должны выполнить.

Марадона насупился.

— Первое, в чем я должен убедиться, это в том, что ваше тело имеет низкий центр тяжести. Встаньте.

Марадону все это начинало злить. Однако он нехотя встал. Словно почувствовав его раздражительность, Антонио дель Монте дружески улыбнулся и попросил Диего не сердиться.

— Чтобы победить в Мексике, вы должны быть в отличной форме. Согласны?

— Да, — пробурчал Марадона, чуть теплея.

Каждый понедельник в течение месяца он ездил в Рим сдавать тесты, в остальные дни выполнял задания итальянского физиолога.

«Я работал не над Марадоной, а с Марадоной, — писал позже дель Монте. — Более того, в этой работе принимал участие фактически весь факультет. И Марадона был не пассивным клиентом, а активным, заинтересованным участником этой работы, человеком, который стремится как можно больше узнать о самом себе.

Это очень чувствительный, с тонкой нервной деятельностью и острым умом человек. И еще я бы отметил одержимость, преданность любимому делу — футболу. Уже тогда мне казалось, что Марадона один способен победить всех. Упорство, воля, терпение сделали свое дело. Я поверил в способности этого молодого человека.

Низкий центр тяжести и крепкие ноги делали его богатырем на футбольном поле. Эластичность мышц, мощь мускулатуры удачно сочетались с прекрасной реакцией и необычайной выносливостью. В физическом плане его можно сравнить с Аполлоном. В моральном — это Овод, человек, всегда готовый сражаться за победу. Такой спортсмен нужен любой команде.

Его маленькие ноги — чудесный механизм. Марадона похож на автомашину, обладающую мощным мотором и маленькими колесами. Такой автомобиль раньше других набирает ускорение. Природа наградила его способностью быстро напрягать и расслаблять мышцы, мгновенно менять направление движения.

Во время тренировок на футбольном поле в Мексике я с коллегами следил за всеми его движениями с хронометром, и было видно, что его организм действовал, как совершенная машина. Ни один футболист, участвовавший в чемпионате, даже из привыкших к высоте мексиканцев, не сумел превзойти его ни в мастерстве, ни в спортивной форме».

После той, можно сказать, исторической встречи в неаполитанской пиццерии Марадона твердо решил строго упорядочить свою жизнь. Никаких ночных заведений, посиделок с болельщиками, посещений дней рождений и крестин. Он стал вести монашескую жизнь, избегать встреч даже с друзьями. Самые близкие из них, пытаясь помочь Марадоне, тоже меняют образ жизни. Наверное, чувство локтя помогает Марадоне пережить ряд неприятностей, которые у него возникли с итальянским клубом из-за разных слухов. Одна из спортивных газет сообщила о недовольстве Марадоны тем, что бразильский футболист Роберто Фалькао оплачивается лучше Диего, и о том, будто аргентинский «краке», добиваясь более высокой ставки, стал угрожать руководству клуба тем, что сразу же после чемпионата мира ляжет на операцию мениска. Поговаривали также о его контактах с итальянской мафией.

Марадона старался не реагировать на неприятности, все должно быть подчинено подготовке к чемпионату. Он дал слово Билардо и сдержит его.

Диего понимает, что подвести тренера — это значит подвести, предать свою страну. Марадона превращается в добропорядочного сына, беспредельно преданного семье: каждый свой гол он посвящает отцу, Диего, а каждую молитву — матери, Далме. Он очень внимателен к младшим братьям Лало и Уго,

которые тоже играют в футбол, постигая азбуку футбольной науки, а также к пяти сестрам. Вознаграждается многолетнее терпение невесты Клаудии. Все свободные вечера он теперь проводит с ней. Золотая девушка! Она очень предана ему, хотя знает о многих его похождениях, включая мимолетный роман с киноактрисой. Марадона, пересмотрев свои отношения с прессой, стоически сдерживает себя, лишь изредка позволяя грубые шутки. Особенно его раздражают одни и те же вопросы, которые задают ему корреспондентки дамских журналов, например: «Кто вам больше нравится — блондинки или брюнетки?» «За неимением блондинок сгодятся и брюнетки!» — ответил как-то Марадона черноволосой корреспондентке.

Марадона приезжает в Аргентину. Теперь он телом и душой с аргентинской командой. Он всеобщий любимец. Ребятам нравится его объективность и прямота. Диего честно признает свои ошибки и не щадит себя на тренировках. Он не строит из себя звезду, ведет себя скромно и просто. Альтруист да и только!

«Цель оправдывает средства», — любит повторять Билардо. Отбой в десять, подъем в восемь — такой режим стал правилом для всей команды. Перед сном Марадона обходит комнаты своих товарищей-футболистов и желает им доброй ночи. Капитан должен быть душой команды — так считает Билардо. Так думает и Марадона.

Аргентинские болельщики, начитавшиеся тревожных статей в газетах, проводили свою сборную на чемпионат в Мексику без особых эмоций, скорее безразлично, чем торжественно. В канун отлета в Мехико газеты опубликовали статистические выкладки, которые показывали, что восьмидесяти процентам аргентинцев не нравится состав сборной Билардо.

Марадона болезненно реагировал на холодность соотечественников. В нем зрели протест и стремление доказать правоту своего тренера. Он окончательно пришел к выводу, что предстоящий чемпионат мира должен стать ЕГО чемпионатом. Он заткнет глотки всем, кто мешал и не верил Билардо, которого он теперь считал своим другом, заставит всю страну стыдиться за неверие и просить прощения у игроков, призванных Билардо под знамена сборной...

Первая игра аргентинской сборной должна была состояться в городе Пуэбла — центре мексиканского автомобилестроения. Здесь размещены главные заводы «Фольксваген». Пуэбла от Мехико — в 120 километрах. Скоростная автомагистраль, несмотря на гористую местность, преодолевается обычно за час с небольшим. Главное — проскочить Сарагоссу, пожалуй, самую неприглядную улицу мексиканской столицы. Она начинается за международным аэропортом и тянется километров на двадцать вдоль заводских кварталов северной части Мехико. На Сарагоссе вечные пробки, заторы. Ее без конца реконструируют, перекапывают. В канун чемпионата вдоль улицы стали воздвигать гигантский бетонный виадук, по которому пойдут поезда надземки. Стройка совсем ухудшила продвижение транспорта по этой магистрали.

Над заводским районом вечно висит желтовато-коричневый смог. На выезде с Сарагоссы — гигантская городская свалка. Ее периодически поджигают. Кучи мусора вечно дымятся, как в преисподней. На свалке копошатся нищие, дети, голодные собаки. Рядом со свалкой — лачуги. Здесь селятся бездомные. Денно и ночью бесконечные потоки автомашин проносятся мимо этого мрачного места. Водители мчатся по этому участку дороги на огромной скорости, устремляясь в долину. Набранное ускорение в начале пути позволяет весь 120-километровый отрезок преодолевать словно на одном дыхании. Автомашин так и влетают в Пуэблу со стрелкой спидометра на сотом делении. Мексиканцы любят скоростные дороги. Междугородные автобусы, визжа тормозами, несутся по ним настолько стремительно, что дух захватывает. Малейшая неисправность машины или внезапно спустившаяся шина приводят к тяжелой аварии. Гибнут десятки людей.

Билардо добирался из Мехико в Пуэблу один, без команды, на посольской машине. В отеле он ни словом не обмолвился со своими футболистами о полученных в дороге впечатлениях, лишь только многозначительно сказал Марадоне: «Поскорее бы перебраться в Мехико! Добывать медали предстоит в столице». А для этого, как они понимали, необходимо выиграть первое место в подгруппе...

Игрокам же, прилетевшим в отведенный им тренировочный лагерь в Пуэбле на самолете, город понравился. Он раскинулся у подножия двух знаменитых вулканов — Попакатепля и Ицтаксиутля. Спокойные, тихие улицы, музеи, старинные здания университета, древние испанские соборы. Основанная 450 лет назад Пуэбла застраивалась испанскими конкистадорами. Это типичный город колониальной эпохи. Наверное, сама природа помогла городу приобрести тот особый облик, который и сейчас радует и привлекает туристов: удивительные по красоте и величию католические храмы, памятники и монументальные ансамбли, живописные вечнозеленые бульвары и скверы.

В центре города возвышается гигантский Кафедральный собор, построенный в середине XVII века. Его стены украшены изящными скульптурами и гербами. Чудо зодчества представляет собой металлическая решетка, окружающая здание с трех сторон. Каждая секция ажурной ограды увенчана изящной фигурой животного, птицы или парящего ангела. Испанская королева нарекла город довольно помпезным именем: Пуэбла — Город ангелов. Изображения ангелов и другие символы встречаются в городе на всех зданиях старинной архитектуры. Старые узкие улицы давно стали помехой для движения транспортных потоков. Город требует перестройки, и она идет. Но реконструкция проводится так, чтобы не затронуть старинных зданий и памятников.

В не многих городах Мексики встретишь сегодня мозаичные фасады соборов, площади, уложенные цветным кафелем, ажурные торговые галереи, которыми не устаешь любоваться в Пуэбле. Особое внимание привлекал так называемый Дом кукол, украшенный фресками из мозаики, на которых в гротескной манере изображены портреты муниципальных советников, сценки из городской жизни.

В муниципальном дворце аргентинских футболистов, приехавших на экскурсию в старый город, принял сам алькальд Пуэблы Викторiano Альварес. Из его рассказа гости узнали, что в Пуэбле проживает 1 миллион 200 тысяч человек. Это четзертый по числу жителей город Мексики. Еще во времена конкисты через Пуэблу проходила дорога, связывающая порт Веракрус на Мексиканском заливе с Мехико. Аргентинцы сочли это символичным: для них Пуэбла должна стать отправным пунктом на трудном пути к золотым медалям.

Пуэбла — город ремесленников, кожевников, обувщиков, ткачей и портних. Здесь бурно идет торговля. Близ Пуэблы находится знаменитый на всю Мексику национальный парк сафари, где в естественных условиях, на холмах и в долинах, под сенью пышных деревьев, пасутся африканские животные: носороги, львы, антилопы, зубры, страусы, зебры. У водоемов обитают розовые пеликаны, фламинго. В вольерах резвятся обезьяны. В небольших огороженных водоемах плавают крокодилы и бегемоты. Футболисты покатались на верблюдах, гигантском слоне. Пуэбла охотно показывала им свои достопримечательности.

Однако разгуливать по музеям и паркам было некогда. Завершался период акклиматизации, наступала пора интенсивных тренировок.

ГОЛЫ И ОЧКИ

Матч с англичанами оказался для аргентинцев большим испытанием. Но, пожалуй, больше всего славы и упреков, досталось Марадоне, хотя именно он стал автором двух решающих голов, удивительным образом забитых в ворота Шилтона. Об этих голах до сих пор судачит весь футбольный мир.

Вы, конечно, прекрасно помните эпизод, в котором Марадона забил гол... рукой. «То была рука Бога», — заявил он после матча, парируя наскоки журналистов. Несомненно, в этих словах было немало лукавства и плутовства, чем еще в детстве грешил Диего. Однако куда смотрел судья?

Я в телевизионной аппаратуре. По несколько раз прокручиваю видеоролик, запечатлевший спорный момент. Как назло, все снято с дальней точки. Вот Марадона выпрыгивает с поднятой правой рукой, но не для того, чтобы ею достать мяч. Просто так ему легче прыгнуть, взлететь как можно выше, чтобы опередить вышедшего на перехват длиннорукого Шилтона. Нападающий, словно растянутая стальная пружина, взмывает вверх и первым касается мяча, который сразу, меняя направление полета, устремляется в ворота. Трудно сказать, чем, какой частью тела Марадона забивает гол — рукой, головой или плечом. Зрителям северной трибуны кажется, что рукой. Сидящим на противоположной стороне — головой, а тем, кто расположился на торцовых трибунах — восточной и западной, — весь этот эпизод виден плохо. Они первыми вскакивают с мест, приветствуя гол Марадоны. Слежу за действиями судьи, который без колебания красноречивым жестом подтверждает взятие ворот. Марадона, подпрыгивая, подняв вверх обе руки, в диком экстазе несется к возбужденным зрителям.

В футбольных правилах понятие «игра рукой» трактуется многозначно. Если мяч попадает в руку игрока защищающейся команды, судья крайне редко назначает штрафной удар, не видя в этом умышленного нарушения правил. Еще реже назначается пенальти в случае, если касание происходит в штрафной площади. То, что Марадона в этом щекотливом эпизоде не «играл рукой», то есть не бил ею намеренно по мячу, направляя его в ворота, скажет каждый. Однако касание мяча «божьей рукой» резко повлияло на ход матча. А следовательно, судья, что и оговаривается в правилах, обязан был не засчитывать гол. Уверен, никто бы его за это не упрекнул, даже сам Марадона. Сколько таких голов было отменено в различных матчах за всю историю футбола! Анализ судейских решений показывает, что тысячу раз в спорные моменты судьи отменяют голы и лишь раз определяют взятие ворот. Нападающие подвергаются явной дискриминации. Как гласят те же правила игры, единственным человеком на поле, определяющим взятие ворот, является судья матча. И уж если он вдруг засчитывает гол, крайне редко его автор спорит с судьей, доказывая обратное. Не стал спорить и Марадона, а искренне возрадовался своему успеху. Не слишком ли много мы требуем от этого маленького плута?

Конечно, англичанам было обидно начинать игру с центра, но матч продолжался.

Кстати, напомним, что и наши футболисты на этом чемпионате вынуждены были, проглотив обиду, продолжать матч с бельгийцами после того, как они дважды забили голы в ворота советской команды из явного положения «вне игры». Однако ни один из бельгийских игроков не подбежал к судье и не попросил его аннулировать эти голы. И никому не пришло в голову осуждать за это бельгийцев. Критиковали лишь судей. А вот Марадону осудили и продолжают судить до сих пор.

Эти строки пишутся не для того, чтобы обелить капитана аргентинской сборной, доказать его безупречную честность. Эпизод, к сожалению, не делает ему чести. Но отказаться от гола, да еще в матче, где все футболисты играли на пределе своих нервных и физических возможностей, он просто не сумел, не

хватило характера. Зато в том же матче ему вполне хватило и характера, и мастерства забить гол, который стал не только украшением чемпионата, но и вошел в историю современного футбола.

После первого, такого странного гола обиженные англичане действуют решительно, как говорится, «на грани фол», нередко переступая эту грань. «Отыграться!» — таков, наверное, девиз английской команды в эти минуты. Оба Терри — Батчер и Фенвик — напоминают охотничьих собак: набегают, бросаются на Марадону. «Неваляшка» стоически переносит все это, увертывается от опекунов, выискивает для себя наиболее выгодную позицию. Не для того, чтобы обезопаситься, уберечь ноги, а чтобы получить мяч и начать новую атаку. Наконец это ему удается. Марадона — с мячом на своей половине поля. И вдруг, словно по выстрелу стартера, он устремляется в головокружительный слалом. На его пути вместо шатких препятствий-воротец крепкие английские ноги. Вот он оставляет позади Гарри Стивенса, за ним отскакивает, как отодвинутая пружинистая ветка, Питер Рейд. Прыжок через длинные ноги Стива Ходжа. Еще два шага — и новый часток ног в штрафной площади. На пути — Терри Батчер. Не очень-то приятная встреча! Батчер поддается на финт. Откуда здесь, в центре штрафной, главный обиженный — вратарь Шилтон? «Стремится лично свести счеты...» — думает Диего на ходу. Вот-вот он вскинет и ему свои руки... Впереди Марадона видит только белый квадрат длинных низких ворот, похожий на мишень в тире. Но кто там в воротах? Газеты завтра напишут: «Шестым, кого «объехал» в том фантастическом слаломе-гиганте Марадона, был Терри Фенвик». Еще мгновение — и мяч в сетке! Ну, вот и все! Марадона в изнеможении падает на землю. Его кто-то поднимает, обнимает, тискает, треплет, целует. Марадона видит усталую гримасу Шилтона. Он снова поражен больше всех.

Что творится на стадионе! Рев, гром рукоплесканий. Кажется что вокруг преобразилось буквально все, даже цвет трибун по которым гуляет буйный ветер флагов. Все 114 тысяч зрителей стоя приветствуют чудо-гол Марадоны.

«Это был гол из области фантастики», — скажет после игры английский тренер Бобби Робсон.

Счастливый, не скрывающий радости Билардо заявит: «Марадона доказал в игре с англичанами, что он — сильнейший игрок в мире. И это проявилось не только в его втором голе, но и во всей сегодняшней игре».

Никогда, наверное, ни один гол за всю историю чемпионатов не вызывал столько восхищения, сколько этот гол Марадоны. Одна из итальянских газет нарекла Марадону «Микеланджело от футбола». Сам он оценил свой триумф весьма скромно: «Мне понравился этот гол. Но это был всего лишь один гол. Им не завоеешь чемпионат...» Однако сердца болельщиков он завоевал.

В канун решающих матчей каждый из участников чемпионата занят своим делом. Футболисты, не щадя себя, трудятся до седьмого пота. Тренеры дни и ночи напролет разрабатывают тактические схемы игры, перестраивают боевые порядки своего футбольного воинства, ищут оптимальные составы. Врачи команд заботятся о здоровье спортсменов, решают проблемы акклиматизации.

Специалисты футбола, руководители команд, тренеры, судьи, да и сами футболисты, обычно воздерживаются давать предварительные оценки предстоящим матчам, отказываются обсуждать их с журналистами. Однако в своем кругу все разговоры в основном сводятся к... прогнозам. Притом собеседники пытаются не только предсказать результат матча, но и предугадать, кто и как в нем сыграет. И все же время от времени на страницы изданий попадают весьма откровенные суждения о раскладе сил перед чемпионатом или в ходе его. В Мехико перед чемпионатом, пожалуй, наиболее интересными стали высказывания двух известных специалистов футбола: тренера испанцев Мигеля Муньоса и наставника чемпионов мира сборной Италии Энцо Беарзота.

Прибыв в Мексику, испанский тренер перечислил шесть команд-фаворитов, которые, по его мнению, имели шансы стать чемпионами мира. Любопытно, что в составе шестерки не оказалось ни испанцев, ни аргентинцев. Муньос назвал хозяев чемпионата, команду Мексики, которая уже полтора года готовилась к соревнованиям; бразильцев, трехкратных чемпионов мира (в 1970 году они здесь же, в «высотных условиях», завоевали Кубок Жюля Риме); разумеется, чемпиона мира 1982 года команду Италии; затем лучшую команду Европы — сборную Франции и «вечных» фаворитов — команды ФРГ и Англии, с которыми, как отметил Муньос, все сборные вынуждены всегда считаться.

«Испанских футболистов, — сказал Муньос, — беспокоит мексиканская высота и жара. Пока мы так и не нашли методов для адаптации. В иных условиях я бы и свою команду причислил к числу фаворитов». Очевидно, Муньос намеренно скрывал свои честолюбивые замыслы, которые он вынашивал еще со времен испанского чемпионата.

Энцо Беарзот оказался более откровенным. «Итальянцы, естественно, будут стараться сохранить звание чемпионов мира, — сказал он. — Но если нас заставят передать Кубок мира другому владельцу, мы сделаем это достойно, в честной борьбе. Мексиканский чемпионат будет для меня пятым. Два раза я участвовал как тренер и уже третий раз — как старший тренер. Опыт накоплен немалый, но уповать лишь на него и закрывать глаза на все то новое, что произошло в футболе за последние четыре года, — значит отстать от жизни.

Думаю, что европейские команды столкнутся в Мексике с большими трудностями, чем, к примеру, в Аргентине восемь лет назад. Мы более уязвимы, чем южноамериканцы, в условиях высоты, да и наш стиль игры скорее подходит для равнинных стадионов с умеренным климатом. История чемпионатов показывает, что латиноамериканцы всегда выигрывали дома. То же самое происходило и с европейскими командами на чемпионатах, проводившихся в Европе, за исключением лишь первенства 1958 года: в Швеции тогда победили бразильцы. Но в их составе выступал сам сеньор Пеле...»

Не менее интересно высказался Беарзот и о футбольной команде, которая, как он считает, должна быть единой семьей, представлять собой маленькое совершенное сообщество». Я верю в силу своей команды, в людей, которые ее составляют. В Испании нам удалось найти тот волшебный ключ, который помог нам открыть путь к единству. На это единение можно было опираться для продвижения вперед, поиска формулы победы. Не забывайте, мы — чемпионы мира. Мы привезли сюда Кубок. Всем остальным командам НУЖНО еще его отвоевать», — сказал Беарзот. (Начавшийся чемпионат не подтвердил прогнозов. На пути финалу одна за другой выбывали латиноамериканские команды. И вскоре единственным претендентом из них на чемпионский титул остались аргентинцы. Это заставило многих нарушить обет молчания. Одним из первых высказался Марадона. Он снова напомнил журналистам — и это было похоже на заклинание, — что еще ни разу в истории чемпионатов на Американском континенте не выигрывали европейцы. «Только мы одни сейчас можем поддержать марку южноамериканского футбола. Сегодня мы близки к званию чемпионов и сделаем все возможное, чтобы стать ими. Для меня это главная цель в жизни».

Заявление Марадоны явилось сигналом для других. «Теперь у нас нет соперников», — сказал вратарь Пумпидо после победы над англичанами. «Мы здесь самые сильные», — вторил ему защитник Борджи. Бельгийцев сбрасывали со счетов, не верили и в победу команды ФРГ над чемпионом Европы французской сборной.

Мексиканская газета «Ультимас нотисиас» писала в те дни: «То, что команда ФРГ оказалась в полуфинале, следствие не ее заслуг, а удачи. Команда, забившая всего четыре мяча (без учета забитых голов в серии пенальти) и пропустившая тоже четыре, не должна была попасть в четверку лучших».

«Самым логичным финалом был бы матч Аргентина — Франция» — такой подзаголовок поместила на первой странице самая популярная спортивная газета Мексики «Овасьонес». Свой вывод она подкрепляла подборкой высказываний ведущих тренеров и руководителей команд, из интервью, взятых корреспондентами газеты накануне полуфиналов. Естественно, все с нетерпением ожидали возможной дуэли Марадоны и Платини, которую в итальянской лиге до сих пор выигрывал француз. «Овасьонес» писала, что команды Аргентины и Франции самые сильные на чемпионате.

С этим мнением согласились и в пресс-центре чемпионата. Журналисты тоже считали самым логичным финалом матч Аргентина — Франция. «Аргентинцы, — рассуждали они, — вдохновленные красавцем голом, который забил в ворота англичан Марадона, должны победить команду Бельгии».

Не удержался от высказываний и бывший тренер сборной Аргентины Сесар Луис Менотти: «Если футболисты будут действовать в рамках правил и не допустят грубых нарушений в персональной опеке Марадоны, Аргентина во второй раз станет чемпионом мира по футболу». Из Аргентины и Франции делали фаворитов...

Такая обстановка пугала одного только Карлоса Билардо. Он старался отрезвить своих игроков и болельщиков, просил их не переоценивать возможности команды. «В Испании, — напоминал он, — четыре года назад сборная Аргентины потерпела поражение от бельгийцев со счетом 0:1». «У всех участников полуфиналов, — внушал Билардо, — приблизительно равные шансы».

ВСЕ СНАЧАЛА

Все знают: финал — заключительный матч, венец чемпионата, его пик, вершина. На вершину поднимаются лишь две команды, самые мужественные, стойкие и умелые. И, наверное, самые удачливые. Одному из финалистов мексиканского чемпионата, сборной ФРГ, видимо, лишь удача помогла дойти до финала. Вспомните, как начинала западногерманская команда. 1:1 с уругвайцами, проигрыш датчанам 0:2. Все время что-то не ладилось. То не хватало уверенности, то скорости, то одного-единственного гола. Натужно ковались победы. 2:1 с шотландцами, 1:0 с Марокко. Гол за две минуты до конца игры провел со штрафного Маттеус. Наконец, нулевая ничья с мексиканцами и выигрыш только по пенальти. Игра футболистов ФРГ причинила много страданий их соотечественникам. Перед матчем с мексиканцами у руководителя западногерманской команды произошел инфаркт, а журналист В. Похам умер от разрыва сердца во время серии пенальти.

Другой финалист, команда Аргентины, ведомая своим флагманом Марадоной, подошла к финалу безгрешной, ни у кого не вызвав сомнений в своей силе и компетентности. Лишь датчане, выигравшие все три матча в групповом турнире, опережали ее по числу побед на предварительном этапе соревнований. В матчах, которые поначалу проходили в равной борьбе, победа аргентинцев достигалась благодаря усилиям и мастерству Марадоны, которому в Мексике не было равных. Достойная ничья с чемпионами мира — итальянцами. В той игре счет мячам открыл Марадона. Безоговорочная победа над болгарями и командой Южной Кореи. Марадона уверенно вел своих товарищей к вершине. Победив в шести играх при единственной ничьей, забив 11 голов, пропустив 3, команда с берегов Ла-Платы выходила на финальный матч чемпионата в роли бесспорного фаворита.

Особенно удалась аргентинцам полуфинальная игра с Бельгией. Накануне ее Марадона заявил журналистам: «Хочется верить, что защитники сборной Бельгии, которых я хорошо знаю и считаю игроками высокого класса, не станут применять против меня запрещенные приемы. И тогда зрители увидят настоящий, красивый футбол. Но если на поле проявится жестокость, то футбол на этом закончится».

До сих пор стоят перед глазами два гола, забитые в том матче Марадоной. Бельгийцы без особого энтузиазма провели игру, словно заранее зная, что не смогут сдержать неистового Марадону. Вспомним весь эпизод, который привел к первому голу в ворота бельгийской команды. Защитники сборной Аргентины Энрике и Бурручага затеяли сложную комбинацию в центре поля, как бы вызывая на ответные действия игроков бельгийской команды, а затем длинным пасом бросили в прорыв своего капитана. «Волчок» снова завертелся с мячом, обыгрывая одного соперника за другим. Мгновенно создав острый момент, он вошел в штрафную и пробил неуклюже, внешней стороной стопы, словно откинул мяч. Я никогда не видел, чтобы так забивались голы в больших, решающих матчах!

На телевидении сохранилась видеозапись всего этого эпизода. Я специально заказал время в аппаратной, чтобы просмотреть пленку. Поразительно, как Марадона забивает гол. Находясь в очень неудобной позиции, сбоку от ворот, рядом с двумя защитниками бельгийцев, которые, как овцы у водопоя, теснят его, мешая друг другу. К ним на помощь устремляется вратарь Пфафф. Марадона в этой ситуации не может видеть ворот, но наверняка чувствует, что пора забивать гол. Он еле дотягивается до мяча и кидает его налево, словно отмахиваясь от него. Ни себе, ни вам — так можно расценить его действия. Однако мяч, к всеобщему удивлению, точно летит в сетку мимо выбежавшего навстречу вратаря. Потрясающий гол!

Не менее удивительным был и второй его мяч в этом матче. Атаку Марадоны начал Кусиуффо. Его передача нашла Диего, когда тот был еще далеко, метрах в тридцати пяти, от ворот. Проход его в

штрафную площадь напоминал стремительный полет горнолыжника на дистанции слалома. Остановить его было невозможно. Обыграв защитников, Марадона перед решающим ударом сместился по инерции влево. Теряя равновесие, почти падая, он в самый последний момент под острым углом пробил, а сам, еле устояв на ногах от столкновения с защитником, понесся на край поля. Не оглядываясь назад, «неваляшка» победно вскинул вверх руку, сияя счастливой улыбкой победителя.

Едва прозвучал финальный свисток, к центру поля от своих ворот устремился бельгийский вратарь Жан-Мари Пфафф. Он нагнал Марадону, на ходу стягивая с себя мокрый от пота свитер. Марадона понял жест Пфаффа и без колебаний отдал ему в обмен свою футболку.

— Что вам сказал тогда Марадона? — спрашивали бельгийца любопытные репортеры.

— Я его плохо понял. Но по-моему: «Не огорчайся. 2:0 — это не так уж много».

«Если бы Марадона играл за нашу команду, — заявил после матча тренер бельгийцев Ги Тис, — мы бы вышли в финал. Но о таком, увы, можно лишь мечтать».

На «Ацтеке» небывалое торжество — финал чемпионата. Мексиканцы надели праздничные сомбреро с невероятно высокой тульей, кремовые, голубые, белые нарядные рубашки — гуйяберы. Зелено-бело-красные «арбузные» мексиканские флажки смешались с бело-голубыми цветами полосатого аргентинского флага. Трепетно гудят, поют, танцуют стотысячные трибуны стадиона. Бухают барабаны, зудят трещотки, медным звоном заливаются духовые инструменты. «Оркестранты», как обычно, забрались под самый козырек, опоясывающий овальную чашу стадиона, и оттуда оглушают трибуны трубным гласом.

Зрители не скрывают своих симпатий. «Ацтека» болеет за аргентинцев. Еще на подступах к стадиону скандировался незамысловатый лозунг: «Аргентина — Америка Латина!» Симпатии этих смуглых мексиканцев понятны — ведь они, как и аргентинцы, родились в Латинской Америке...

Торжественно плывет над стадионом бархатный баритон диктора-информатора. В десятый раз он рассказывает о каждой команде-финалисте, о встречах между ними. Аргентина и ФРГ играли друг с другом восемь раз. Дважды, в 1958 и 1966 годах, жребий их сводил на чемпионатах мира. В Швеции в первом матче выиграли футболисты ФРГ. В Англии зафиксирована ничья. В целом в восьми встречах баланс равный. По три победы и две ничьи имели они до мексиканского финала. Сегодняшний поединок — самый важный: впервые эти команды встречаются в непосредственной борьбе за мировой футбольный Кубок.

Я бывал на многих стадионах мира, но не помню более уютной и красивой футбольной арены, чем «Ацтека». На ней и будничные матчи выглядят празднично. Крутые склоны разноцветных многоярусных трибун украшены яркими щитами реклам, полотнищами транспарантов. Ряды подходят почти к самому краю поля. Поверхность поля неровная. Сверху это незаметно. Архитектор, пытаясь избавить травяной газон от затопления тропическими ливнями, сконструировал поле, приподняв его на метр по осевой. Края, там, где линия «аута», немного опущены. Я не раз бродил по полю и видел, как оно горбится на середине. Футболистам, однако, это ничуть не мешает подавать угловые, делать навесы с краев на вратарскую, пробиваться к воротам, чуть в гору, к голу.

«Ацтека» — один из самых высокогорных стадионов мира. Расположен он на высоте 2350 метров над уровнем моря. Здесь более разреженный воздух, чем в долинах. Специалисты по футболу утверждают, что на этой высоте мяч летит быстрее и преградить ему путь в ворота намного труднее.

Ликут, предвкушая предстоящее удовольствие от футбольной игры, зрители «Ацтеки», единственного пока стадиона мира, где во второй раз проводится финал мирового первенства по футболу. Да и публика хороша! Мексиканец идет на стадион, как на праздник, нередко со всем семейством. По этому случаю тщательно умыты и причесаны дети, нарядны, как королевы, одетые в белые, красные,

лиловые платья жены. Женские лица сияют персиковым цветом макияжа. Шары, хлопушки, флажки, гирлянды, воздушные змеи — все это реет, парит, играет над толпой.

Сегодня финал! Всенародный футбольный праздник! И 114 тысяч зрителей — мексиканцев и туристов из других стран — с нескрываемым удовольствием в нем участвуют.

«Два с половиной миллиона зрителей побывало на пятидесяти двух матчах мексиканского чемпионата», — не без гордости оповещает трибуны диктор. На испанском чемпионате число зрителей составило лишь 1 миллион 800 тысяч. Мексиканец рад, что сегодня он участник, организатор и творец прекрасного футбольного праздника.

Рев трибун нарастает. На поле выходят футболисты. Они жестами приветствуют публику, и та отвечает им громом рукоплесканий. Оркестры усиливают трубные звуки. Разминку проводит пока лишь одна западногерманская команда. Аргентинцы, верные своему правилу, разогреваются в манеже под трибунами. Они выйдут за пару минут до начала игры.

Ход матча описывался великое множество раз, на десятках языков мира. Я наблюдал за ним по телевизору в тихом номере сочинского санатория. Вышло так, что, проработав несколько лет в Мексике, сделав для редакций телевидения и радио СССР немало материалов о подготовке к чемпионату мира, организовав ряд прямых трансляций на нашу страну, я был вынужден закончить командировку за три недели до начала мирового футбольного праздника и возвратиться в Москву. Бывают и у нас, журналистов, такие казусы.

Итак, я в одноместном номере один на один с телевизором. Мысленно, конечно, там, на бушующем страстями «Ацтеке». Под рукой портативный диктофон. На столике раскрытый блокнот, авторучка. Все готово для работы. Цель — не только увидеть, но и запечатлеть для книги все важное и неожиданное, что случится на поле, захронометрировать основные эпизоды игры.

Внимательно наблюдаю за Марадоной. Аргентинцы только что появились на поле. Внешне абсолютно спокойны. Каждый охотно позирует фотографам, телеоператорам, беседует с репортерами. Создается впечатление, что группа спортсменов в бело-голубых полосатых футболках вышла на поле не бороться за золотой Кубок мира, а так, пробежаться по зеленой лужайке «Ацтеки». У аргентинцев даже нет своего мяча.

Билардо что-то говорит Марадоне. Диего передают бело-голубой вымпел — для вручения западногерманской команде. Марадона поправляет красную повязку капитана. Телекамера показывает его с очень близкого расстояния. Все те же нахмуренные брови, колющий взгляд. Ворот футболки темный от пота. Разминка была полноценная. Наконец судьи жестами выпроваживают репортеров и тренеров с поля и приглашают футболистов в центр. Сейчас начнется финальная игра. Представляю, как в эти мгновения бьются сердца спортсменов...

Каждый матч имеет свою философию, свою задачу и логику. Посмотрите, как борются за победу команды, исчерпавшие лимит ничьих. Ничья для них равносильна поражению. Стратегия в этом случае исключает ничейный счет.

Много лет назад, когда советский футбол возглавляли два флагмана, московские команды ЦДКА и «Динамо», звание чемпиона при равенстве очков определялось по разности забитых и пропущенных мячей. Футболистам ЦДКА, как показал арифметический подсчет, чтобы стать чемпионами, нужно было победить команду «Трактор» со счетом 5:0 или 9:1... И они победили с желаемым результатом!

Подобное испытание встало перед сборной командой Аргентины на пути к золотым медалям мирового чемпионата 1978 года. Чтобы обойти сборную Бразилии, команде Менотти нужно было одолеть сборную Перу со счетом 4:0. До сих пор еще бытуют предположения, ничем, впрочем, не подтвержденные,

что перуанцы намеренно сдались на суд победителя. Доказательств этому нет. Просто в отличие от соперника футболисты сборной Перу в том матче исповедовали совершенно иную философию. Победа с любым счетом не делала их турнирное положение лучше. К тому же уровень мастерства команд был далеко не одинаков. Престиж? Наверное, такой призрачный стимул ровно ничего не значил для команды Перу, и она проиграла с разгромным счетом — 0:6. Кстати, в истории встреч двух команд подобные разгромы случались и ранее. С крупным счетом перуанцы проигрывали и бразильцам, и уругвайцам — командам, которые всегда были лидерами на континенте.

И в 1978 году аргентинцам удалось решить сложную задачу — победить перуанцев со счетом 6:0, что лишало бразильцев последней надежды на успех в чемпионате.

В Мексике все было иначе. Единственной командой, которая смогла преодолеть все три фазы соревнований на пути к финалу без волнительного и весьма сомнительного определения победителя по пенальти, оказалась сборная Аргентины.

На телеэкране появляется перечень игроков, которые примут участие в матче: Пумпидо, Кусиуффо, Браун, Ружжери, Батиста, Бурручага, Вальдано, Марадона... Цепочка фамилий медленно скользит вверх за кромку телеэкрана. А я вижу только одно имя: Марадона, Марадона. Вновь капитану аргентинцев решать основные задачи. Впрочем, не только ему. Марадона скажет после матча, что победу в равной мере завоевывали все одиннадцать футболистов. И он будет прав. Финальная игра это хорошо показала. У аргентинцев сильный, ровный, сыгранный состав.

Беккенбауэр после долгих колебаний включил в начальный состав своей команды знаменитого Румменигге, до этого появлявшегося только во втором тайме. Маттеусу поручалось нейтрализовать Марадону, а точнее, «укладывать» раз за разом аргентинца на траву.

На 21-й минуте — это зафиксировано на моем диктофоне — Маттеус в пятый раз сбивает с ног Марадону. Судья показывает немецкому футболисту желтую карточку. Марадона поднимается, поправляет гетры, обиженно отходит с «лобного места». Батиста готовится бить штрафной. Навес на дальнюю штангу. Мяч долго летит над полем. Шумахер выбегает из ворот на перехват и... промахивается. «Ацтека» ахает. На мгновение в растерянности замирает группа игроков, и аргентинский защитник Браун, опережая всех, высоко выпрыгивает и бьет головой. Мяч влетает в пустые ворота. Счет открыт! Быстрый, неожиданный успех. Удача отворачивается от западногерманской команды.

Я ловлю себя на мысли, насколько вдохновенно играют аргентинцы! Они словно не замечают противника, ведут агрессивную, изобретательную, уверенную игру. Главной фигурой на поле остается Марадона. Его опекают уже не два, а три западногерманских футболиста. Тактика стара: вывести из строя основную пружину, и тогда аргентинская «машина» собьется с ритма, забуксует. Наивное заблуждение, архаизм футбольной стратегии! Если будут опекать Марадону, тогда кто же остановит Вальдано, Бурручагу, Ружжери, Брауна? А пока буксует западногерманская «машина». Уж очень медленно немецкие футболисты разыгрывают мяч, много передач поперек поля. Что это? Стремление сбить темп? Лишить аргентинцев скорости, инициативы, уверенности?..

Первый тайм за бело-голубыми. Как обычно говорят в таких случаях специалисты футбола, счет по игре. В перерыве прослушиваю звукозапись. Десять раз произносилось: «Мяч снова у Марадоны», и десять раз: «Марадона пасует партнеру». И еще такие реплики: «Прекрасная передача!», «Точный пас», «Своевременно отдает партнеру». Реплики быстрые, до предела лаконичные. И это понятно — взгляд невозможно оторвать от телеэкрана. На зеленом поле «Ацтеки» идет напряженная, очень нервная борьба. Главное — не упустить ничего важного, решающего. Заметно мало реплик, характеризующих удары Марадоны по воротам. А ведь он бил, но ни один удар не привел к голу. И, наверное, это было понятно чуть раньше, за какое-то мгновение до удара. Капитан аргентинцев, словно осуществляя тайный

тактический замысел тренеров, играет позади атакующих рядов своей команды, приковывая к себе внимание то Маттеуса, то Аллофса, то других футболистов команды ФРГ. Получив мяч, он устремляется с ним в сторону, иногда назад, и, словно привязанные к нему невидимыми нитями, «сторожа» слепо следуют за ним.

Второй тайм начинается новыми атаками аргентинцев. Футболисты в бело-голубых майках настойчиво стремятся к чужим воротам. По-прежнему выделяется Марадона. Вокруг него постоянно закручивается водоворот с мячом. Наконец в матче что-то резко меняется. Вальдано получает пас от Марадоны в глубине поля и бежит с мячом вперед. Не дав вплотную приблизиться к себе защитнику, Вальдано отдает мяч направо своему соседу, а сам устремляется на левый фланг. Одна передача, вторая. Энрике видит, что Вальдано совсем один, стремительно бежит к углу штрафной и посылает ему под левую ногу вразрез защитников ФРГ математически выверенный пас. Футбольная точность приводит к голу. Вальдано доказывает эту аксиому. Мяч мимо Шумахера влетает в ворота! 2:0.

Марадона в центре поля выше всех подпрыгивает от радости. Как ловко сыграл Вальдано, воспользовавшись той свободой, которую ему предоставили западногерманские защитники, застрявшие в центре поля, опекая Марадону! Победа? «Победа!» — скандируют трибуны. Долгие объятия футболистов в бело-голубых майках.

И все-таки футбол — игра. Ее всякий раз можно начинать заново. Рано возликовали темпераментные аргентинцы. Противник еще не сломлен. Беккенбауэр, понимая, что терять уже нечего, выпускает на поле двух нападающих — Фёллера и Хёнесса. К тому же Браун получает травму, а полноценной замены ему в аргентинской сборной нет. Он остается на поле, но играет уже не в полную силу. Рядовой угловой удар на ворота Аргентины приводит к быстрому голу, ничего не стоящему с точки зрения усилий команды. Но вес такого гола в финале не измеришь никакой гирей, даже той, что вдруг опустилась на ноги аргентинским футболистам. Эх, поскорее бы сбросить эту ношу! Нелегко это сделать, тем более что удача под занавес вновь улыбнулась «счастливчикам» из дружины ФРГ. 2:2. Мяч забил Фёллер. Копия первого гола западногерманской сборной, только на одну передачу больше, но опять головой.

Что думал в тот роковой момент Марадона? Вот он легко обыгрывает тяжелого, как куль муки, Бригеля, передает мяч вперед своим быстроногим товарищам. А те уже распластали крылья, избавились от скованности и минутной растерянности, понеслись по полю к победе...

«Я был все время уверен, что мы победим», — скажет после матча Марадона. Его уверенность передается другим игрокам аргентинской команды. «Смотрите, как спокойно действует Марадона, как ловко подыгрывают ему остальные игроки!» — самая длинная фраза, записанная мною на магнитофон. Я почему-то тоже симпатизирую аргентинским футболистам.

Мяч опять у Марадоны. Видно, как он быстро оценивает обстановку, контролируя пульс игры. Диего замечает устремившегося по центру к воротам соперника быстрого Бурручагу. В одно касание направил он мяч на ход своему партнеру. Гениально и просто! Все почувствовали: вот он, решающий миг матча. Бурручага уже один на один с Шумахером. Удар! Победный мяч в сетке!

Финальный свисток бразильского арбитра Фильо возвестил о победе аргентинской команды в XIII чемпионате мира по футболу. В седьмой раз латиноамериканская команда добивается триумфа. «Ацтека» ликует. Мексиканские болельщики, не скрывая своей радости, приветствуют аргентинскую сборную. Тысячеголосый хор скандирует: «Марадона, Марадона!..» Счастливые чемпионы мира совершают круг почета.

В раздевалке шум и гам, брызжет шампанское. Радостные футболисты, не чувствуя усталости, принимают многочисленные поздравления. Из магнитофона льется мелодия аргентинского национального гимна.

Марадона, в одних трусах, босой, спокойно восседает в кресле. На полу у его ног — аргентинские ребятишки, дети сотрудников посольства. Возятся, как котята. Подходит счастливый тренер Билардо. В который раз сегодня он похлопывает Марадону по загривку, наклоняется к нему, что-то говорит и вдруг слышит вопрос Диего: «А что дальше?» Билардо на секунду задумывается, присаживается на подлокотник кресла Марадоны, смотрит ему прямо в глаза и выкрикивает: «А теперь — все сначала!» «Да, все сначала!» — повторяет тренер. — Жизнь продолжается. Футбол начинается снова!» Все смеются. Кривя губы, улыбается Марадона.

Аргентинцы поднимаются на трибуну, неуклюже протискиваются между восторженными зрителями к правительственной ложе. Там их ждут сразу два президента — президент Мексики Мигель де ла Мадрид и президент ФИФА Жоао Авеланж, — другие почетные гости. Глаза мексиканского государства вручает Марадоне футбольный Кубок. Оба улыбаются. Президент — величественно, Марадона — трогательно. Бережно, как новорожденного, прижимает капитан аргентинцев Кубок к груди, нежно его целует. Улыбки, рукопожатия, объятия, слезы, аплодисменты. Торжественная, самая волнующая минута в жизни Марадоны. Зрители стоя приветствуют Победителей мирового футбольного первенства. Аргентинские болельщики неистово танцуют на трибуне. Нет, это не танго. Танго, пожалуй, не может выразить их бурных чувств. Это твист, шейк, рок-н-ролл, камаринская... Трудно охарактеризовать этот танец желанной победы. В руках у них изрядно помятый плакат «Прости нас, Билардо!». Его держат над головами еще с середины игры, когда Вальдано забил второй гол, и не опускали даже тогда, когда немецкая команда сравняла счет. Болельщики самокритично извинялись за недоверие, которое оказывали тренеру раньше. И одновременно выражали благодарность футболистам и тренерам за красивую игру. Капитан Марадона, как и рассчитывал Билардо, привел свою команду к триумфу!

Все это наблюдали миллионы телезрителей. Но не все видели, как праздновали победу на родине чемпионов, в далекой Аргентине.

Как только матч завершился, почти пустынный, притихший у экранов телевизоров Буэнос-Айрес взорвался неимоверным шумом. Толпы людей выбежали из домов на улицу. Звуки громко запевших труб, дудок вместе с зудением трещоток и гудками автомобильных клаксонов наполнили город оглушительной какофонией. От этой «музыки» задрожали оконные стекла. Над городом завис бумажный снег. Так бывает только в дни больших праздников. Клочки газет, многометровые мотки туалетной бумаги — все это парило, кружилось и медленно опускалось на асфальт. Автомобили катились юзом по забумаженной мостовой.

С песнями и танцами под сопровождение оркестров — никто и не знал, что в городе столько музыкантов, — ликующий народ устремился к центру, к обелиску, воздвигнутому в честь четырехсотлетия основания аргентинской столицы, где традиционно отмечаются все праздничные даты в истории страны. То, что Аргентина во второй раз стала чемпионом мира по футболу, несомненно, народ посчитал событием номер один. Забыты все горести и печали, трудности и заботы. На балконах домов бело-голубые национальные флаги. Миниатюрные флажки заполонили прилавки магазинов и киосков. В тот вечер на улице аргентинской столицы, наверное, не было человека без такого флажка в руке или в петлице костюма. Примечательно, что на многих флажках государственная эмблема — кругляш золотистого солнышка посередине полотнища — была заменена на фотографию улыбающегося Марадоны, которого возвели в ранг национального героя. В Аргентине в тот день его называли не иначе как «гением» или «чародеем». Популярность с ним делил только тренер Карлос Билардо. По телевизионному мосту Мехико

— Буэнос-Айрес с Билардо разговаривал сам президент Аргентины Рауль Альфонсин, который от имени всей нации поздравил футболистов с победой.

В тот же вечер большая группа болельщиков пришла к матери Марадоны, доне Далме. Она не ждала гостей и, как обычно, ужинала у раскрытого окна, спокойно восседавая в голубой футболке с десятым номером на спине. Толпа приблизилась к окну и стала забрасывать женщину цветами и флажками. Люди кричали: «Марадона, Марадона!» Они звали дону Далму на улицу веселиться и танцевать вместе с ними. Почтенная женщина лишь улыбалась в ответ. А люди пели и танцевали зажигательные танго. Прямо у окна дома, где жила семья Марадоны, состоялся стихийный митинг. Ораторы поочередно взбирались на стул, вынесенный из столовой, и громко выкрикивали лозунги, славя победу. Лозунги походили на куплеты патриотических песен, однако припев: «Марадона, Марадона! Виве Архентина! Да здравствует Аргентина!» — всегда был один и тот же.

Наконец на стуле оказался пожилой, в белой рубашке с галстуком и без пиджака, сеньор, который представился депутатом Национальной ассамблеи республики от Хустисиалистской партии. Он стал взволнованно говорить о значении решения аргентинского правительства приступить к строительству новой столицы страны. Некоторым показалось, что оратор слишком далеко отошел от волновавшей всех в тот день футбольной темы. Но он продолжал с жаром доказывать удивленным слушателям важность принятого правительством решения... Внезапно он предложил назвать новую столицу Марадония, что вызвало бурную поддержку толпы. Участники митинга громкими рукоплесканиями и криками встретили его предложение. Люди снова запели: «Марадония, Марадония, Марадона, Марадона!» Депутат пообещал завтра же выступить в парламенте с этим предложением.

Люди веселились всю ночь, а потом, не успев толком передохнуть, рано утром помчались в аэропорт «Эсейса» встречать чемпионов мира, команду Марадоны. Газеты утверждали, что вокруг здания аэровокзала в то утро собралось более 100 тысяч человек.

Прямо из аэропорта футболисты направились в Розовый дворец, где в Белом салоне их ждал президент республики Рауль Альфонсин. Он поздравил тренера Билардо и каждого игрока с успехом, поблагодарил за «труд и подвиг во имя патриотизма», подержал секунду-другую в руках золотой Кубок и закончил эту короткую церемонию так: «А теперь, идите к народу». И он жестом указал на распахнутые высокие стеклянные двери, ведущие на балкон.

С площади явственно доносился шум ликующей толпы. Под гром аплодисментов Карлос Билардо, Марадона, Вальдано и другие футболисты появились на балконе президентского дворца, на том самом балконе, откуда в недалеком прошлом выступали с зажигательными речами Хуан Доминго Перон и другие президенты республики. Ну что ж, сборная команда лучших футболистов Аргентины (несомненно, в те мгновения — гордость нации) заслужила такую высокую честь. Так, по крайней мере, считали десятки тысяч любителей футбольной игры, которые пришли в тот вечер триумфа на главную площадь страны. Толпа по-детски ликовала и резвилась, а спортивные комментаторы с привычным пафосом на самых высоких нотах вели прямо в эфир страстные, эмоциональные репортажи, рассказывая об этом событии всей стране.

Футболисты несколько минут потоптались на историческом балконе, послушали приветствия в свой адрес от скандирующей многотысячной толпы, улыбками, взмахами рук поблагодарили своих поклонников, а потом удалились и покинули Розовый дворец. В тот вечер Федерация футбола Аргентины устраивала грандиозный банкет, на который вместе с футболистами пригласила несколько тысяч человек. Аргентина отмечала свой триумф как большую национальную победу.

Главными героями на банкете, разумеется, были футболисты, возглавляемые своим молодым капитаном Марадоной. Но не менее популярным виновником торжества стал и тренер Билардо. Разом

были забыты все прежние упреки и подозрения в его адрес. Вчерашние противники его метода комплектования и игры команды открыто смотрели ему в глаза и во весь голос восхваляли мудрую стратегию, которая привела сборную Аргентины к столь дорогой их сердцу победе. Болельщики футбола во всем мире одинаковы. Они без меры ругают любимую команду, когда она проигрывает, и восторженно ее хвалят в период славных побед.

Более серьезные специалисты футбола ставили в заслугу Билардо создание совершенно иной по духу команды, корректной, дисциплинированной, целеустремленной. Если раньше аргентинцы соревновались с уругвайцами в количестве желтых и красных карточек предупреждений и удалений за грубую игру, то теперь уругвайцы оказались в полнейшем одиночестве, заработав одиннадцать предупреждений судей при двух удалениях с поля. Недовольный своими игроками, старший тренер уругвайцев Омар Боррас и не подумал спорить с судьей, когда тот в игре с Шотландией уже на второй минуте удалил уругвайского игрока за намеренную грубость.

Аргентинцев за прежние «подвиги» называли дикарями, особенно после отличавшейся особой жестокостью игры с англичанами на чемпионате мира 1966 года. Перед отъездом в Мексику Билардо сказал корреспондентам: «Где бы мы ни играли, везде нас освистывали, называли грубиянами. Теперь пришло время покончить с этим представлением о нас за рубежом».

Продолжая эту тему во время банкета, Билардо похвалил игроков за ответственное отношение к игре, товарищество и высокую дисциплину, достойную чемпионов мира.

Разговоры о том, что Билардо «покончит с аргентинским футболом», похоже, прекратились навсегда. Во время банкета старшего тренера окружила большая группа журналистов. По существу, это была первая пресс-конференция после возвращения на родину, и вопросы сначала задавались исключительно приятного свойства: был ли кто-либо на чемпионате, в других командах, достойным Марадоны? как удалось создать настолько сильную команду, что в финальном матче при счете 2:2 никто не сомневался в победе аргентинцев? сумеет ли тренер сохранить современный уровень игры команды в ближайшие годы? Билардо отвечал с помором, всем своим видом показывая, что задаваемые допросы ему по душе. Но когда его спросили, смогла бы сборная Аргентины выйти в финал без Марадоны, он ответил, что этого не знает.

— Марадона — футболист экстракласса, — пояснил тренер, — но он неотделим от коллектива команды. В двух аспектах Марадона неповторим: в трудолюбии и дисциплине. Он постоянно являлся примером для товарищей по команде. Он первым выходил на тренировку и последним ее заканчивал. Он всегда спокоен и терпелив на поле. А главное, Капитан сборной Аргентины оказался на удивление самым дисциплинированным игроком в команде. Он отличный товарищ. Его отношения с футболистами, тренерами, обслуживающим персоналом безукоризненны. Марадона не только Гений индивидуальной игры. Его яркие выступления на поле не могут затмить блестящих коллективных действий во имя интересов команды. Как у всех больших мастеров, у Марадоны высоко развито чувство понимания партнеров, великолепное искусство паса. При этом даже в самые напряженные моменты матчей, когда от усталости или волнения у кого-то из игроков аргентинской сборной не получалась игра, Марадона ни разу ни словом, ни жестом не показал своего недовольства товарищами.

Карлос Билардо признался, что в период подготовки команды к чемпионату ему трудно было действовать по своему плану: мешало недоверие, вмешательство недоброжелателей. Билардо пришлось проявить всю свою дипломатию, чтобы передать Марадоне повязку капитана. Даниэль Пассарелла, единственный футболист, оставшийся в команде от состава чемпиона мира 1978 года, и ряд руководителей федерации футбола были против перевыборов капитана. И хотя Пассарелла ввиду многих причин так ни разу и не выступил в Мексике, сместить его с капитанского мостика оказалось нелегко.

— Марадона должен был стать капитаном, — утверждал Билардо, — потому что в канун чемпионата он оказался самым ярким, талантливым представителем аргентинского Футбола на международной арене. Это было весомым аргументом, который так никто и не сумел оспорить. Как и ожидалось, Марадона, став общепризнанным лидером, уверенно повел за собой всю команду к вершине славы.

Каждый аргентинский футболист, в том числе и Марадона, по приезде домой получил в виде премии за победу на чемпионате чек в 50 тысяч долларов. Все — поровну. И в этом был резон, потому что каждый, кто сражался за Кубок мира в составе аргентинской сборной, отдал в меру своего мастерства всего себя игре, борьбе за победу. Так считал и Марадона.

К концу пресс-конференции, когда были исчерпаны все вопросы, касающиеся победно закончившегося чемпионата, кто-то из журналистов спросил Билардо:

— Как покончить с грубостью на футбольном поле? Билардо нахмурился, многозначительно помолчал.

— Я думаю, — наконец вымолвил он, — нам нужно сообща бороться за чистоту футбола, в том числе и всем средствам массовой информации. И тогда такие игроки, как Марадона, смогут долго играть и радовать своих поклонников.

... Очередной аргентинский чемпионат по футболу начинался 13 июля, ровно через две недели после победы в Мексике, и все понимали: наступают суровые, безрадостные будни, когда каждый тур будет и у игроков и у зрителей вызывать возмущение вандализмом на поле и на трибунах. Из-за неистовства некоторых оголтелых болельщиков зритель перестал ходить на стадионы. В 1985 году четыре человека погибли в драке, которая началась на трибунах и была продолжена на автобусной остановке. Титул чемпиона мира обязывал болельщиков вести себя на стадионах достойно. В предыдущем сезоне на матчах национального чемпионата побывало в среднем по 2 тысячи зрителей. 19 команд выходили на первые матчи нового футбольного первенства, как на эшафот, со страхом и без надежды. Истинные болельщики, обрадованные победой, завоеванной главной командой страны на стадионах Мексики, и золотым Кубком мира, который останется в Аргентине на целых четыре года, несомненно, пойдут на первые матчи. Но удержать их на стадионах весь сезон можно только корректной, красивой, захватывающей игрой, игрой, достойной Кубка мира.

Возвращение болельщика на стадионы помогло бы клубам преодолеть финансовые трудности. С пустой архибанкадой даже стадион «Ривер-Плейт» не сможет пополнить свои пустые сейфы, и тогда, возможно, отпала бы обидная необходимость экспортировать в богатые клубы Европы таких игроков, как Марадона, Вальдано, Бурручага, Браун. Защитник Браун, забивший первый гол в финальной игре западногерманской команде и уверявший, что ни за какие деньги не покинет родину, вдруг согласился на контракт за 3 миллиона долларов с клубом ФРГ «Кельн».

В футболе бывают матчи, которые не приносят ни призов, ни медалей, ни победных очков. И тем не менее о них пишут, их показывают по телевидению, они запоминаются надолго. Речь идет о футбольных матчах, организованных в честь праздников, юбилеев или прощания со знаменитыми ветеранами.

Мне довелось участвовать в проходах Гарринчи, состоявшихся на «Маракане» в Рио-де-Жанейро. 150 тысяч бразильских зрителей пришли в тот декабрьский вечер 1972 года на стадион. И я и мой соавтор были в Лужниках на проходах Льва Яшина... Помимо трогательной обстановки на стадионах, которая взволновала всех без исключения зрителей, запомнились сыгранные тогда матчи с участием больших мастеров футбола...

Несомненно, понравился любителям футбола блестящий футбольный спектакль, показанный 8 августа 1987 года на стадионе «Уэмбли». Для участия в той игре в Лондон слетелись буквально со всего

мира многие футбольные знаменитости: бразилец Жосимар, датчанин Элкьяер, француз Платини, советские футболисты Беланов, Дасаев, Заваров. Из Испании примчался лучший снайпер мексиканского чемпионата мира английский форвард Линекер. Последним и за два часа до начала игры прилетели в Лондон Марадона и Баньи, оба из Неаполя. Игра транслировалась по телевидению на 63 страны, и специалисты подсчитали, что ее смотрел 1 миллиард телезрителей.

В Англии этот матч готовился почти пять месяцев. Приурочен он был к столетию старейшей в мире Английской футбольной лиги, у которой немало заслуг перед мировым футболом. И самой главной по праву считается ее настойчивость в проведении первого в истории футбола национального чемпионата страны...

В честь столетия этой футбольной организации и было решено провести на «Уэмбли» международный товарищеский матч звезд Английской футбольной лиги и «остального мира». В назначенный день все звезды «упали» за зеленое поле английского стадиона — состоялась блестящая игра во славу мирового футбола. И произошел редчайший случай, когда красота игры затмила ее результат.

Только одно перечисление имен и фамилий футболистов, принявших участие в этом матче, доставляет удовольствие: Дасаев, «Спартак», СССР; Жосимар, «Ботафого», Бразилия; Селсу, «Порто», Бразилия; Альберто, «Барселона», Испания; Хюсен, «Фиорентина», Швеция; Баньи, «Наполи», Италия; Бертольд, «Верона», ФРГ; Линекер, «Барселона», Англия; Элкьяер, «Верона», Дания; Платини, Франция; Марадона...

Во втором тайме на замену вышли испанский вратарь Субисаррета, венгр Детари, югослав Стойкович, швед Ларссон, советские игроки Беланов и Заваров. Под стать этой команде были англичане: Шилтон, Гог, Маклеланд, Макграф, Сэнсо, Уоддл, Уэбб, Робсон, Брейди, Бердсли, Аллен...

Марадона за эту игру получил 100 тысяч фунтов стерлингов, по тысяче за каждую минуту игры, включая время интервала между таймами. Вот это гонорар! Вот это оценка игры! Пеле таких денег никогда не получал. Но руководители футбольной лиги тоже не сказались в накладе. 61 тысяча зрителей пришла на стадион, 60 телекомпаний уплатили за трансляцию матча более 2 миллионов фунтов стерлингов. Довольны и зрители. Увидеть в одной игре сразу столько футбольных звезд — такое бывает раз в жизни.

Заглядываю в тот же потрепанный блокнот, в который записывал летом 1986 года впечатления от матчей мексиканского чемпионата. В августе 1987 года в нем я сделал еще несколько записей под заголовком «Марадона на «Уэмбли».

Как он выступил в том матче?

15-я минута. Марадона бросает в атаку Линекера.

19-я минута. Линекер получает блестящий пас от Марадоны, выходит один на один с Шилтоном и... смеясь, посылает мяч прямо в руки английскому вратарю.

22-я минута. Марадона обходит одного английского защитника, второго — его сбивают. Свисток судьи молчит.

Как только Марадона завладевает мячом, на трибунах возникает тревожный гул. Что это, гул ободрения или осуждения? Скорее всего последнее, и все за тот злосчастный гол рукой в Мексике.

Марадона снова пасует вперед Линекеру. Тот чуть опаздывает на передачу. Дасаев точно бросает мяч рукой Марадоне, он передает Платини... Голова кружится от такого необычного футбольного интернационализма. Марадона головой посылает мяч в центр штрафной...

В конце первого тайма снова блестящий пас Марадоны, но Бертольд бьет чуть в сторону от английских ворот.

25-я минута второго тайма. На поле под тринадцатым номером выходит Игорь Беланов. И сразу ему предоставляется прекрасная возможность забить гол. Получив в исключительно выгодной позиции пас от Марадоны, он мимо вратаря Шилтона рикошетом посылает мяч в створ ворот, но защитник успевает преградить путь мячу, выбивая его с самой линии. И тут же промахивается Хулио Альберто. Мяч летит на угловой.

39-я минута. Марадона через себя, находясь спиной к воротам, точно бьет с угла. Шилтон ловит мяч.

В самом конце игры Беланов выдает отличный пас Марадоне, как бы отдавая долг за блестящую передачу аргентинца на 69-й минуте...

К этой сухой хронологии матча так и хочется добавить рассказ об игре очевидца, английского спортивного журналиста Стэна Хейвуда.

«Недружественная реакция зрителей на «Уэмбли», — писал он в своем отчете для советской газеты «Футбол — Хоккей», — каждый раз, когда мяч попадал к Марадоне, вызывала немало комментариев. Сколько можно упрекать его за тот гол? Надо осуждать арбитра, ухитрившегося проглядеть ситуацию. Вы ждали от Марадоны, что он станет убеждать судью, будто гола не было?»

К счастью, раздутая прессой шумиха не повлияла на игру аргентинского нападающего. Вспомните, как виртуозно и изобретательно взаимодействовал он с Платини и Линекером в первом тайме. Сколько было нестандартных ходов и ситуаций!

Открытость матча, игровая свобода лишь подчеркнули стилевые особенности игроков сборной мира. Пусть они разговаривают на разных языках, но мастера в красной форме нередко демонстрировали буквально телепатическое взаимопонимание между собой. И хотя забивала голы команда английской лиги, у сборной мира было в избытке голевых шансов.

... Кроме серии попыток Линекера запомнились голевые ситуации у Платини, Бертольда, удар Элькьяера в штангу и удар Беланова, который лишь чудом, когда мяч летел в пустые ворота, сумел нейтрализовать Маклеланд. Кстати, точно так же, как и удар испанца Хулио Альберто, когда снова мяч был выбит с линии.

После матча, естественно, английские журналисты заинтересовались мнением Марадоны на времена враждебную реакцию зрителей на «Уэмбли». Переводчиком Марадоны в этом интервью был его земляк аргентинец Ардилес, вот уже девять лет играющий в Англии. «Я не виню публику. То, что порой происходило, результат недобросовестной работы ряда журналистов...»

Тренер сборной мира Венейблс осудил поведение некоторых зрителей. Проигрыш он объяснил нехваткой времени для подготовки к игре.

С советскими участниками юбилейного матча на «Уэмбли» долго не удавалось поговорить. Футболисты — люди занятые. Однако, как только случай представился, и Бела-нов, и Дасаев охотно рассказали о той игре. Оба запомнили ее в деталях. Беланову довелось сыграть в юбилейном матче около 20 минут, Дасаеву — целый тайм.

Сидя у бровки на скамейке запасных, Игорь совсем не волновался, целиком поглощенный игрой. И поэтому, наверное, выбежал на поле в самом боевом настроении. Он потом сожалел, что сыграл так мало: «Марадону мы с Заваровым, конечно, не затмили, но могли бы быть среди лучших». По интонации чувствовалось, что это продуманные слова.

«В игру меня включил изумительным пасом Марадона, — вспоминал Беланов. — Говорят, что он ярко выраженный индивидуалист, а я еще на лавке восхищался его передачами, его контактностью. Казалось, он нитками связан со всеми партнерами. Гол с его передачи я был обязан забить. Выбежавшего навстречу

вратаря видел. Надо было ударить посильнее, тогда бы Маклеланд не успел на самой линии догнать мяч. Мне вскоре тоже удалось отблагодарить Марадону за этот пас, хотя я не мастак по этой части, но тут передачу сделал, словно на блюдечке ему преподнес. Иной раз казалось, что мяч сам притягивается к нему, словно к намагниченному...

Проиграли звезды вполне заслуженно, но с таким же успехом могли закончить матч и со счетом 3:3, если бы добавили физических усилий. Казалось, только Марадона играл с полной отдачей, но, думаю, и это впечатление обманчиво: таков уж класс этого футболиста».

Все это рассказал Беланов корреспонденту газеты «Советский спорт» по возвращении из Лондона.

Разговор с Дасаевым состоялся у меня намного позже, лишь в апреле 1988 года, когда он вместе с другими игроками советской сборной вернулся в Москву после участия в турнире четырех сборных в Западном Берлине. Там советская команда заняла второе место, победив чемпиона мира команду Аргентины со счетом 4:2.

У Рината оказалось гораздо больше воспоминаний, связанных с Марадоной. Он дважды играл против него в Аргентине, в 1981 и 1982 годах. Затем в 1986 году встречался с ним на футбольном поле американского города Пасадена. Далее — уже вместе с ним, в одной команде «остального мира» — выступал на «Уэмбли» в матче, посвященном столетию английского футбола. И вот теперь — в Западном Берлине.

К спартаковцам я приехал сразу после их поражения в четвертьфинальном матче на Кубок СССР от «Торпедо». На их базе в Тарасовке под Москвой царило невеселое затишье. Безлюдная территория, пустые трибуны. На футбольном поле, где еще только пробивалась первая трава, на беговых дорожках — ни души. Футболисты, конечно, еще переживали вчерашнюю неудачу. Однако предаваться унынию было некогда. «Спартак» готовился к двум трудным матчам на выезде. Руководство команды беспокоили травмы основных игроков: Родионова, Суслопарова, Мостового. Их вынужденное отсутствие создавало дополнительные трудности в комплектовании состава, в подготовке команды.

Мы с Ринатом сразу приступили к делу, уединившись в шахматной комнате.

— Вы, пожалуй, единственный советский футболист, который давно знаком с Марадоной, — начал я нашу беседу. — Что вы можете рассказать о своем грозном сопернике, а также о матче, в котором выступали вместе с ним в одной команде, и вообще о его роли в современном футболе?

— Наверное, следует начать с нашей первой встречи, которая произошла в 1981 году в Буэнос-Айресе, — предложил Ринат. — Двадцатилетний Марадона уже был известен как восходящая звезда мирового футбола. Наши тренеры специально поручили опекать его Сулаквелидзе. Тенгиз в целом справился с заданием, но играть ему было очень тяжело. Марадона, как солист в оркестре, вел всю игру и даже забил мне гол. К счастью, наш игрок Хорен Оганесян отыграл этот мяч, и мы завершили встречу вничью, со счетом 1:1.

Через год, в 1982 году, мы снова играли в Буэнос-Айресе против сборной Аргентины. Это было весной, накануне испанского чемпионата мира. Мы снова проигрывали 0:1. Гол забил Диас. И опять Оганесян сквитал счет. Ничья с чемпионом мира далась нам нелегко. Однако мне показалось, что в той игре Марадона сыграл не так ярко, как год назад. Наверное, он не был тогда в хорошей форме.

В Испании нам с аргентинцами встретиться не довелось. Марадона и его товарищи выступили там неудачно. Я видел матчи аргентинской сборной на чемпионате мира. Скажу откровенно, мне было жаль Марадону. Его так били, что я боялся — его вообще убьют. В игре с бразильцами нервы у него не выдержали и он ответил на грубость. Судья удалил Марадону с поля.

— Чем объяснить спад в его игре?

— В Испании Марадона был уже звездой, а против каждой звезды всегда играют особенно внимательно, жестко, порой грубо. Может быть, у него тогда не было еще опыта. Он впервые выступал на чемпионате мира. И, конечно, не ожидал, что против него будут играть так зло, и психологически не был готов к этому. Особенно жестко обошлись с ним итальянцы, а их игрок Джентиле играл против Марадоны просто зверски.

Прошло четыре года. Наступил мексиканский чемпионат мира. На этот раз аргентинцы привезли совершенно новую команду. Из прежнего состава в ней остались лишь Марадона да Пассарелла, который так и не вышел на поле. Но это был уже совсем другой Марадона — волевой спортсмен, с сильным характером. Перед началом матчей он заявил: «Этот чемпионат мира будет мой». Он сдержал свое слово. Марадона, судя по всему, извлек уроки из прошлого чемпионата и психологически был готов к любому повороту событий. К тому же в Мексике было меньше грубости. Судьи судили строже. Марадона единодушно был признан лучшим игроком чемпионата. Лучшей стала и его команда, завоевавшая Кубок мира.

Третья встреча с Марадоной произошла на футбольном поле американского города Пасадена. Марадона играл за сборную команду Южной Америки, а я — за «остальной мир». Эту игру я хорошо помню. Она была организована совместно ФИФА и ЮНИСЕФ как благотворительный матч, сбор от которого перечислялся в Фонд помощи мексиканским детям, пострадавшим от землетрясения в 1985 году.

Первый тайм проходил вяло: сказывалась жара. Игра шла в основном в середине поля. В конце первого тайма английский футболист Батчер забил южноамериканцам гол. Мы повели в счете. Во втором тайме игра оживилась. Южноамериканские футболисты не хотели проигрывать и все силы бросили на атаку. Несмотря на то, что наша команда забила второй гол — это удалось сделать итальянцу Росси — южноамериканцы наступали весь второй тайм. Они полностью доминировали на нашей половине поля. Я удачно вошел в игру, однако отстоять ворота не удалось. Первый гол забил парагвайский игрок Кабаньяс, а второй — Марадона за две минуты до конца матча. Он прошел по краю и сильно пробил по воротам. Я парировал мяч. Но его добил Марадона. Счет стал 2:2. Ничья. По условиям игры победителя должны были определить пенальти. Мы проиграли 3:4. Последний победный гол забил Марадона.

— В августе 1987 года состоялся матч, посвященный столетию английского футбола. На этот раз в сборной мира вы выступали на «Уэмбли» вместе с Марадоной?

— Это был большой праздник футбола, — говорит Ринат Дасаев. — Лучшие игроки съехались в Лондон со всего мира. Марадона прилетел на спецсамолете в своем «обычном составе»: с женой, дочерью, родителями, братьями, сестрами, в окружении группы телохранителей.

Он солидно держался на поле, играл старательно. Никаких капризов, никаких отступлений от правил. Относился ко всем внимательно, с уважением. В игре он выделялся среди всех умением держать мяч, выдать острый пас. Помните, как он дважды выводил на удар Линекера? Он был все время замечен на поле, даже когда двигался без мяча. У него особые, еще не разгаданные физические качества.

Марадона небольшого роста. Но я никак не могу понять, то ли у него лишний вес — такой он весь кругленький, с брюшком, то ли он весь сбит из мышц. Все же, мне кажется, он склонен к полноте. И тем не менее при такой массе он очень резок. У него огромная взрывная скорость, быстрый рывок. Он очень ловок в финтах. Сбить его с ног крайне трудно. Невысок, но очень прыгуч.

— У него сильный удар?

— У него очень неожиданный удар по мячу, равно как и пас, всегда скрытый и точный. Когда он ведет мяч, никто не знает, как он поступит в следующее мгновение. Пасует он любой стороной стопы, посылая

мяч в самую нужную для атаки точку поля. И вот что интересно! — восклицает Дасаев. — У него очень мягкий, гибкий голеностоп. Стопа эластична, болтается словно на ниточках, как у бразильцев. И поэтому очень трудно уследить за ним, разгадать его маневр. Он очень хорошо чувствует дистанцию. Восхищают приемы Марадоны в обводке. Он часто намеренно отпускает от себя мяч. Защитники попадают на эту уловку, бросаются навстречу мячу. А он тут как тут, успевает к мячу первым. Протолкнет его мимо защитника и бежит дальше.

— Как сыграл Марадона на турнире четырех сборных в Западном Берлине?

— Пожалуй, не так ярко, как обычно. Карлос Билардо привез в Западный Берлин не очень сильную команду. С такой командой в Мексике сборная Аргентины не смогла бы стать чемпионом. В команде много новых игроков. Марадона выглядел несколько усталым. Возможно, потому, что был конец сезона. Позади тяжелый итальянский чемпионат. И все же, прокручивая в памяти эпизоды матча, невольно возвращаешься именно к игре Марадоны. Он беспрестанно что-то выдумывал на поле, изобретал, комбинировал, личным примером вдохновлял товарищей.

У Рината под рукой свежий номер газеты «Футбол-Хоккей». В нем напечатан отчет о матче сборных СССР и Аргентины. Дасаев зачитывает слова Сулаквелидзе, которые футболист, опекавший почти весь матч Марадону, сказал автору статьи Виктору Понедельнику через несколько часов после матча:

— «До сих пор не могу прийти в себя. Марадона на поле — сущий дьявол. Он так технично прикрывает мяч корпусом, что не знаешь, с какой стороны к нему подступить». И это сказано об игре, в которой капитан аргентинцев играл не так блестяще.

И дальше в той же статье: «Марадона — левша. В спорте вести единоборство против любого левши всегда не просто, особенно в игровых видах. А если перед игроками обороны постоянно находится в движении такой мастер, как Марадона, то понятно, сколько сил приходится тратить на его нейтрализацию». Он изматывает всех своих опекунов, — добавляет Дасаев. — Все время меняет позицию, упорно ищет выгодное положение для атаки. При этом он не гнушается и черновой работы. Цепко, настойчиво действует при отборе мяча, при подстраховке партнеров.

Наши защитники не позволили Марадоне пройти к воротам. И тогда он решил попытать счастья, используя штрафные удары. В середине второго тайма аргентинцы получили право пробить штрафной в непосредственной близости от ворот. Удар у Марадоны получился неточным. У меня отлегло от сердца. Однако спустя несколько минут он все же забил гол. После его удара через «стенку» наших игроков мяч попал в голову центрального защитника Балтачи и рикошетом влетел в сетку.

— Как вы думаете, можно Марадону сравнить с Пеле?

— Я думаю, нет. Пеле играл в одно время, Марадона — в другое. На мой взгляд, Пеле стоит выше. Хотя, — как бы полемизируя с самим собой, Дасаев добавляет: — Когда я приезжал в Италию, мне рассказывали, что в «Наполи» Марадона делает «всю погоду». И это несмотря на то, что он иностранец. Итальянцы покупают за рубежом довольно много игроков, но большинство из них не оправдывает себя. Итальянский футбол по-прежнему проповедует защитный вариант игры. Футболисты нередко применяют грубую силу, что мешает иностранцам показывать свое мастерство, и они теряются на поле. Так случилось с Лаудрупом, Рашем, в какой-то мере с Румменигге. Хорошо играют лишь Марадона да бразилец Карека.

— Не за горами очередной чемпионат мира по футболу в Италии. Как там выступит Марадона?

— Трудно сказать, будет ли к тому времени вообще играть Марадона. Он как-то говорил мне: «Если не буду хорошо подготовлен, откажусь от участия в мировом первенстве». И потом впереди еще два полных сезона в итальянском чемпионате. Это тоже не простое испытание.

— Кто же заменит Марадону? Дасаев улыбается.

— Вряд ли в ближайшие годы появится второй Марадона, хотя среди молодежи в мировом футболе есть яркие игроки. Среди них бразилец Карека, француз Пасси. Он, правда, несколько неуравновешен, игра его неравноценна. Наряду с блестящими матчами он порой играет из рук вон плохо. Среди наших футболистов я бы выделил Протасова. В играх всесоюзного чемпионата он уже забил сто голов. Если он и дальше будет играть так, то побьет рекорды Олега Блохина.

Мне хочется подробнее узнать у Дасаева об игре с Марадоной в матче, посвященном столетию английского футбола.

— Как вы общались друг с другом?

— Все мы хорошо понимаем язык футбола. Иных слов и не нужно. С Марадоной мы знакомы давно. В игре было достаточно одного жеста, одного взгляда для полного взаимопонимания.

— Вы беседовали с ним до или после матча?

— Неоднократно. Мы разговаривали за обедом, в холле гостиницы. На установке перед игрой Марадона внимательно слушал тренера и, когда тот объявил его капитаном, сдержанно поблагодарил: «Спасибо за доверие».

— До сих пор о Марадоне не написано ни одной книги. Возможно, авторы решили подождать завершения его футбольной карьеры и лишь затем написать о нем книгу...

— В любом случае нужно больше писать о футболе, о знаменитых футболистах, особенно о таких, как Пеле, Марадона, Платини, — считает Ринат. — Необходимо у нас выпускать специальный журнал «Футбол». Все это очень полезно для популяризации этой игры, особенно для мальчишек, которые увлекаются футболом. Пусть наши игроки больше знают о профессиональном футболе, о профессиональном отношении к делу.

Плохо у нас и с рекламой футбола. В Москве любители футбола порой не знают, когда, на каком стадионе, в какое время состоится матч. В городе нигде не увидишь афиш. А возьмите телевидение. Почему, например, за два-три дня перед решающим матчем не побывать в командах-соперниках, не показать, как готовятся футболисты, не включить в репортаж фрагменты прежних их встреч? Такими репортажами можно не только подогреть интерес к игре, но и привлечь на стадион больше любителей футбола.

— Как вы отнеслись к первоапрельской шутке газеты «Известия» о приглашении Марадоны в московский «Спартак»?

Дасаев заразительно смеется.

— Забавная шутка, вернее утка. Валерий Лобановский, — говорит он, — ездил на жеребьевку европейского первенства по футболу. На церемонии присутствовал Платини. Наш тренер спросил у известного французского футболиста, не рано ли тот закончил играть. Может быть, сезон-другой поиграл бы еще в киевском «Динамо»? «У вас не хватит денег оплатить мой контракт», — ответил ему Платини. В профессиональном футболе совсем другие условия, в том числе и оплата игры футболистов. Оставив футбол, Плагини занялся общественной деятельностью, политикой, включился в борьбу с наркоманией. Каждый большой футболист на закате карьеры должен себя посвятить какому-то серьезному делу.

— Вы, кажется, организовали школу молодых вратарей?

— Я давно хотел создать такую школу. Но не было условий для этого. И вот теперь появилась такая возможность. Мы провели с юными вратарями несколько занятий. Однако трудностей еще много и с

помещением, и с оплатой работы тренеров, и с инвентарем. Эта школа очень нужна. Ребята встретили нашу идею с восторгом. Ко мне многие приходили домой, в манеж на тренировку. Пишут из других городов. Спрашивают, как попасть в школу.

Ринат обращает внимание на надпись на своем спортивном костюме (подарок фирмы «Роче»), вратарские перчатки которой он рекламирует. Руководители фирмы, узнав о его школе, предложили помочь Дасаеву обеспечить его воспитанников спортивными костюмами, перчатками, мячами. И все это ради рекламы своих товаров. О вратарской школе Дасаева уже написали за рубежом, а вот дома пока еще слабо ей оказывают поддержку. Дасаев вспоминает, как в детстве с мальчишками увлекался футболом в родной Астрахани.

— Сколько там было тогда футбольных полей, площадок! Всюду играли в футбол. Гоняли мяч с утра до ночи. А теперь молодые люди больше стремятся в бары, в кафе. Спортом заниматься становится все труднее, особенно в больших городах. Возьмите, к примеру, нашу вратарскую школу. Она ведь единственная в столице. Многим приходится ездить на занятия через весь город. Такие школы должны действовать в каждом районе. Преподавателей из числа бывших спортсменов хватит. В нашей спартаковской школе сейчас работают Дарвин, Ивакин. Оба — спортсмены с большим игровым опытом, известные в прошлом вратари...

Разговор заходит о профессиональном футболе. Дасаев давно придерживается мнения, что советский футбол надо переводить на профессиональные рельсы. Футбол — это профессия, такая же, как балет или цирковое искусство. В большом спорте, чтобы добиться успеха, нужно самозабвенно трудиться долгие годы.

— Сейчас в балетные школы бабушки и дедушки настойчиво ведут девчушек. Нужно, чтобы и в футбольные школы они приводили мальчишек, заранее зная, что там они получают интересную, популярную, хорошо оплачиваемую, здоровую профессию, с большим будущим и обеспеченной пенсией, опять же как в балете. Проработав 20 лет, где-то к 40 годам, любая профессиональная балерина может выйти на пенсию, которую ей предоставляет по закону государство. Такую же пенсию должен получать и футболист.

Марадона стал Марадоной только благодаря профессиональному спорту. Профессионализм в любом деле — основа успеха.

XIV чемпионат мира по футболу состоится в 1990 году в Италии. Марадоне итальянские поля так же хорошо знакомы, как и аргентинские. Последние несколько лет он в основном играет в Италии. Ценность Марадоны для национальной команды Аргентины возрастает от этого вдвойне. Кроме того, тренер, которому предстоит готовить аргентинскую команду к чемпионату, будет иметь в лице своего капитана отличного консультанта и советника по глубоко известной ему теме «итальянский футбол». И это немаловажно. Знать досконально команду — хозяина чемпионата крайне полезно не только для чемпионов мира.

Учитывая эти обстоятельства, читатель согласится, что сборная Аргентины вновь остается в числе фаворитов.

Время летит быстро. Футбол его подгоняет. Отборочные игры очередного чемпионата, как всегда, начинаются загодя, как бы приглашая футбольные команды мира до срока окунуться в горнило многоэтапной борьбы.

Трудно сказать, прижился ли Марадона в Италии. По крайней мере, самые яростные болельщики «Наполи» уже не мыслят без него своей команды, которую он впервые в истории привел к победе в национальном чемпионате. Сколько лет он еще продержится в стане итальянских тиффози? Пусть на эти

вопросы ответит эта книга и время, которое неумолимо приближает нас к очередному всемирному футбольному празднику.

ЮРИЙ ВЫБОРНОВ

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОДИССЕЯ

29 июня 1984 года авиалайнер ДС-9 компании «Алиталия» вырулил на взлетную полосу римского аэропорта Леонардо да Винчи и после недолгого разбега круто пошел ввысь. Обычный, рутинный рейс по маршруту Рим — Барселона. Никто из находившихся на борту пассажиров не мог и не должен был знать, что невольно становится косвенным участником охоты за сокровищем. Главный и единственный охотник спокойно восседал в одном из кресел салона первого класса. Это был Антонио Юлиано, известный в прошлом футболист, выступавший в конце шестидесятых годов за клуб «Наполи» и 18 раз выходивший на поле в составе сборной Италии. Время изменило его, и теперь далеко не все узнавали в погрузневшем человеке средних лет бывшего любимца. Впрочем, менеджеру «Наполи» это было только на руку. В период летнего футбольного «межсезонья» такие, как он, стараются работать без огласки и рекламы, молча, подальше от публики. Оценку их деятельности даст осень, а пока...

О чем думал во время недолгого полета Юлиано, знает лишь он сам. Может быть, оценивал ситуацию, сложившуюся на футбольном рынке, и еще раз мысленно прокручивал в голове результаты других клубов, достигнутые в борьбе за приток «иностранного капитала»... «Ювентус», самая популярная команда Италии, месяц назад стала чемпионом страны в 21-й раз. Там «штат» иностранцев укомплектован еще два года назад: блистает Платини, хорош Бонек. «Рома». И тут всё на месте: Фалькао и Серезо — внушительный тандем. Остальные фавориты только что пополнились иностранцами, и солидно. «Интер» приобрел Румменигге, «Верона» заключает контракт с Бригелем и Элькьяером, «Милан» нацелился на британский дуэт Уилкинс — Хэйтли. Да и в других клубах немало звонких имен: датчанин Лаудруп, аргентинцы Бертони и Пассарелла, бразильцы Зико, Эдиньо, Дирсеу, Жуниор — целая армада. Но нет среди них Марадоны, этого самородка, пока еще больше обещающего, чем уже давшего, но, несомненно, самого талантливого из играющих в мире футболистов. В «Барселоне» он явно не прижился, жесткий испанский футбол ему не по нутру, жалуется. Вроде бы говорил, что не прочь переехать в Италию... Слова. А на деле? И как отреагирует на предложение «Наполи» руководство «Барселоны»? А конкуренты? За аргентинцем охотится пол-Европы. Готовы раскошелиться. Правда, тут «Наполи» тоже намерен идти до конца. В кармане миллиарды. Если бы в данном случае все зависело только от них...

Самолет приземлился в Барселоне точно по расписанию. Терзаемый сомнениями, подталкиваемый надеждой, Юлиано взял свой чемодан и смешался с толпой.

24 часа спустя в директорате клуба «Наполи» раздался телефонный звонок. Торжествующий Юлиано произнес только два слова: «Марадона — наш».

14 миллиардов лир убедили руководство «Барселоны». Операция «Марадона», которой Неаполь намеревался потрясти футбольный мир, успешно завершилась. Кстати, это была самая крупная сумма, когда-либо уплаченная итальянскими клубами за приобретение игрока. Неаполь бушевал в приступе неопишуемого восторга. Ну а Юлиано, разумеется, вернулся домой героем. Забегая вперед, скажу, однако, что «крестный отец» Марадоны почивал на лаврах явно меньше, чем рассчитывал: прошел всего год, и клуб отказался от услуг Антонио Юлиано. Но тогда, летом 84-го, это был его праздник...

5 июля трибуны неаполитанского стадиона «Сан-Паоло» собрали столько зрителей, сколько могли вместить — 70 тысяч. В тот день не было никакой игры. Но был Марадона. Его представляли городу. Он стоял в центральном круге, в белой футболке и голубых тренировочных брюках (цвета «Наполи»), а вокруг бушевало людское море. Неаполь не работал. Те, кто не смог прийти на стадион, сидели у телевизоров и радиоприемников. «Диего! Диего!!» — ревели трибуны. Повинуясь эмоциям, он произнес тогда свои первые слова на итальянском языке: «Добрый вечер, жители Неаполя, я счастлив быть с вами». А затем,

приветствуя тиффози, он побежал вдоль трибун. «Это был незабываемый прием и незабываемый для меня день, — скажет позже аргентинец. — Я словно открывал новую страницу своей биографии, а заодно открывал новый для меня мир». В какой же мир попал Марадона?

ИТАЛИЯ. ФУТБОЛ. «НАПОЛИ»

Италия эффектна, неоднозначна, многолика и капризна.

За ее нарядным фасадом — бесконечное брожение человеческих эмоций.

Здесь все непостоянно и в движении.

Меняются правительства и цены, вкусы и моды, рекламные вывески и отношение к окружающему миру. Незыблемой остается разве что любовь к спагетти, вину и красивым женщинам.

Жизнь — игра: сегодня — студент, завтра — безработный, послезавтра — предприниматель, а в четверг — в тюрьме за злостные спекуляции.

Гигантский общественный водоворот делает свое дело: одних затягивает на дно, других выносит на поверхность.

И в этом вихре непостоянства, взлетов и падений есть одна область социальной активности, которая не знает кризисов, застоя, банкротства. Она работает бесперебойно, словно хорошо смазанный и отрегулированный механизм.

Это футбол.

Вы назначили свидание и опоздали на 15 минут? Значит, пришли раньше времени. В приглашении на пресс-конференцию или симпозиум значится: «Начало в 10.00»? Приезжайте в половине одиннадцатого и явитесь как раз кстати. Только футбольные матчи начинаются без опоздания — одновременно в десятках городов.

Вы прочитали в солидной газете, что заседание парламента по такой-то проблеме состоится 5-го числа? Примите к сведению, но накануне обязательно проверьте. Секретарь, поднявший трубку, удивленно ответит вопросом на вопрос: «А откуда у вас такая информация, синьор?» Можно ли представить себе нечто подобное в футболе? Каждый итальянец, даже тот, кто в силу незрелого возраста едва научился произносить название любимой команды, знает, что игры чемпионата проводятся только по воскресеньям и нарушить железный порядок может разве что стихийное бедствие. За последние годы переносов матчей было менее десятка, в основном зимой, из-за сильных снегопадов, когда поля становились попросту непригодными для игры.

Итальянцы — большие любители спорить и кого-нибудь разоблачать. Авторитетов нет. Объектами уничтожающей критики, как устной, так и газетной, являются все и вся: бюрократы, окопавшиеся в министерствах, система налогообложения, торговцы, взвинтившие цены, правительство, неспособное положить конец безработице, жаркое лето без капли дождя, бесконечные автомобильные пробки на улицах. И игроку футбольной команды, если он себе не враг, в голову не придет публично обвинять судью, не давшего «сто процентного» пенальти, или собственного тренера, вздумавшего заменить его за 15 минут до финального свистка. Иначе — денежный штраф или дисквалификация. Что до арбитров, то они вообще хранят обет молчания — никаких комментариев, никаких интервью.

Если житель Апеннин совершил действие, выходящее за рамки закона, то его, естественно, ждет суд. Только ждет порой очень долго. Запутанная система итальянского правосудия, об изменении которой уже устали говорить, допускает содержание обвиняемого под стражей до шести лет — именно столько может продолжаться следствие. Нарушителям дисциплины на футбольных полях приговора надо ждать всего три дня. По средам специальный футбольный арбитраж в лице дисциплинарного комиссара раздает вердикты — кому сколько причитается пропустить игр. Все быстро, четко, конкретно.

Итальянские журналисты часто с юмором говорят: «Будь у нас все так отлажено, как в футболе...»

Это верно.

Итак, кальчо. Он же — футбол.

В высшей лиге чемпионата страны («серии А», как она называется в Италии) участвуют 15 команд. С сезона 1988/89 года их стало 18. Призеров в нашем понимании этого слова нет. Нет и медалей. В верхних этажах турнирной таблицы борьба идет за звание чемпиона и право попасть в европейские кубковые турниры, в нижних — за то, чтобы не оказаться «хвостовым вагоном», то есть не войти в число трех последних, которым предписывается расставание с высшей лигой. Команда-победительница получает щедрое денежное вознаграждение, а также скудетто — специальный знак отличия в виде щита с изображением трехцветного национального флага. Скудетто пришивается к футболке, и, таким образом, в течение всего следующего сезона соперники видят, с кем имеют дело. Коли речь зашла об эмблемах, то есть в Италии еще одна — позолоченная звезда. Ее имеют право носить на форме, причем постоянно, игроки тех клубов, что выигрывали первенство 10 или более раз. В стране их сейчас три. Абсолютный рекордсмен здесь — туринский «Ювентус», самая популярная команда Италии. На ее флаге — 22 скудетто, на 10 больше, чем у миланского «Интера», который, в свою очередь, опережает на одну победу земляков и извечных соперников — футболистов «Милана».

Эти клубы принадлежат к элите итальянского кальчо. На протяжении всей истории чемпионатов страны, берущей начало в 1898 году, они постоянно фигурировали среди главных претендентов на первое место. Правда, в разное время на футбольном небосклоне вспыхивали и другие звезды. В начале века не было равных «Генуе», в предвоенный период страх на соперников наводила «Болонья», а после войны в течение четырех лет подряд никого не подпускала к трону великолепная «Торино». Некоторые специалисты и по сей день считают ту команду абсолютно лучшей за всю историю итальянского футбола. И может, быть бы туринцам сегодня не семикратными чемпионами, а носить звездочку на гранатового цвета майках... Но 6 мая 1949 года, возвращаясь домой после товарищеских игр в Португалии, вся команда погибла в авиационной катастрофе.

Так или иначе, ярких калифов на час в Италии было немало. Но все же дань традиции, помноженная на спортивные достижения, всегда привлекала пристальное внимание к троице «Юве», «Интер», «Милан». Как правило, игры между ними становились центральным событием сезона. Однако не только они. Особую страсть болельщиков Италии вызывают так называемые дерби — матчи между коллективами, представленными в высшей лиге одним городом. Раньше традиционных пар всегда было четыре: в Риме — «Рома» и «Лацио», в Милане — «Интер» и «Милан», в Турине — «Ювентус» и «Торино», в Генуе — «Генуя» и «Сампдория». Правда, за последние годы количество «дерби» сократилось наполовину: к вящему удовольствию тиффози «Ромы» и «Сампдории», «Лацио» и «Генуя» скатились в «серию Б», где пребывают уже несколько лет.

... Утро воскресного дня в Милане. До начала «дерби» остается еще четыре часа, а к двухъярусному восьмидесятитысячному стадиону «Сан-Сиро» устремляется поток автомобилей. Кто за кого болеет — видно за версту. Из окна машин свешиваются флаги, шарфы, платки, а то и вообще куски тряпок, но цветов любимого клуба. Две армии болельщиков сходятся в одной точке города, пока еще мирно, лишь обмениваясь презрительными взглядами и едкими репликами. В дни таких игр наряды полиции и карабинеров усиливаются в несколько раз. За два часа до стартового свистка судьи трибуны, что за воротами, практически заполнены. Там места подешевле, там располагаются самые горячие тиффози — ультра, как они сами себя называют. Слева — феерия черного и синего цветов — царство болельщиков «Интера». Справа — красно-черный оплот «Милана». А посередине на дорогах местах неторопливо усаживаются любители футбола позажиточнее и постепеннее. Тут поменьше флагов и лозунгов, хотя

страсти в ходе матча тоже бушуют вовсю. Ну а что касается ультра, то, едва мяч вводится в игру с центра поля, начинается и их соревнование. «Ми-лан!!» «Ми-лан!!» — ревет правая трибуна. «Серия Б!! Серия Б!!» — грохочет ответ с черно-синей стороны. Это приверженцы «Интера» с издевкой напоминают оппонентам о том, что «Милан», при всех его титулах и регалиях, в 80-е годы дважды пережил позор перехода в низшую лигу. Тем временем игра идет своим чередом. Итальянские команды в последние годы отказались от бесславного «катеначчо», хотя тяга к плотной обороне сохранилась, особенно при игре на чужом поле. В гостях желанным результатом, независимо от соперника, является его величество очко. Впрочем, это отнюдь не значит, что в атаке нельзя преуспеть и вдали от родных стен. В итальянских командах разрешено выступать иностранным футболистам, причем почти все они — нападающие. А высококлассные — все. Ясно, что разреженная оборона постоянно атакующего соперника предоставляет волю фантазии, чем такие мастера, как Марадона, Диас, Раш, Польстер, Гуллит, прекрасно могут воспользоваться. В целом клубный футбол на Апеннинах зрелищен, техничен, темпераментен. Игру подчас портит чрезмерно жесткая манера обороняться, граничащая с грубостью.

Но вернемся в Милан. По правой трибуне полыхнуло красное пламя, затем раздался оглушительный взрыв. Не надо даже смотреть на поле, чтобы понять — мяч в сетке «Интера». Монотонное течение матча прервано, его температура резко возрастает. Теперь рисунок игры не меняется: атаки черно-синих и редкие вылазки «Милана». Защищающаяся сторона пускает в ход все средства, дабы удержать победный счет, причем неожиданно ее игроки начинают получать «тяжелые» травмы, картинно валиться на поле, будто сраженные наповал. Разумеется, подобное явление наблюдается повсеместно, но артистизм итальянцев поистине безграничен. Справедливости ради надо сказать, что местные арбитры не скупятся на желтые карточки, когда видят (или чувствуют), что за «полетами» и гримасами «боли» кроется обыкновенная симуляция.

...В конце концов «Интеру» улыбается счастье. Незадолго до окончания встречи мяч залетает в сетку ворот «Милана». Теперь наступает праздник слева. Ничейному результату рада и ... полиция. При таком исходе повода для восторга или страдания нет ни у кого, и болельщики большей частью расходятся мирно. Отдельные потасовки и словесные перепалки между враждующими фракциями — не в счет. Но если игра определила победителя — добра не жди. Неконтролируемые эмоции выходят наружу, как пар под давлением. Достаточно небольшой искры, и вот уже в районе стадиона разгорается костер беспорядков. Драки, поножовщина, свалки... Увы, насилие — не только, конечно, на «Сан-Сиро», а на всех итальянских стадионах, стало столь же неотъемлемым атрибутом бытия, как жареная индейка на рождество. В стране запрещены прямые телетрансляции матчей чемпионата, чтобы больше народу ходило на «живой» футбол. Первая передача, где даются фрагменты самых интересных моментов всех игр тура, идет в эфир через час-полтора после окончания игр. И комментаторы из разных городов к чисто футбольной информации нередко добавляют: «После встречи, к сожалению...» И тут уже ясно, о чем пойдет речь.

Таковы отдельные штрихи к портрету итальянского футбола. И пока, как вы заметили, уважаемый читатель, не сказано ни слова о команде, к которой летом 1984 года «причалил» аргентинский чудомальчик Диего Армандо Марадона, о «Наполи». Объект всепоглощающей, неумной любви и презрительных шуток, главная команда итальянского юга...

В 1905 году магнат Амедео Салси организовал в Неаполе первую футбольную команду — «Нэйплс футбол клуб». В соответствии с названием она была чисто английской и по составу — дань тогдашней незыблемости британской марки. Из итальянцев в клуб в виде исключения допускались дети аристократов.

Но снобизм плохо совместим с нравом неаполитанцев. В ответ почти тут же была создана «народная» команда «Спортивный Неаполь», в которой «чтобы духу английского близко не было». Вскоре она сменила название и превратилась в «Интернационал». Так, соседствуя и враждуя, два клуба шли каждый своей

дорогой вплоть до 1922 года, когда в результате их слияния на свет появился «Интернейплс». Спустя еще четыре года родился «Наполи». Под таким названием команда стартовала в первом общенациональном чемпионате Италии в 1929 году (до этого первенство разыгрывалось по региональному принципу) и заняла в нем почетное пятое место, пропустив вперед лишь «Интер», «Геную», «Ювентус» и «Торино». Это было начало долгого пути, отнюдь не усеянного розами. Были взлеты, прекрасные игры и конфузы, какие могут произойти только в Неаполе. В 1957 году команда провела один из лучших матчей в своей истории — на чужом поле, против будущего чемпиона, «Милана», забив уже в первом тайме пять безответных мячей. Но в том же сезоне были сплошные неприятности... на своем стадионе. После игры с «Болоньей», закончившейся со счетом 3:3, 10 тысяч болельщиков выбежали на поле... наказать виновника — судью. Стадион был дисквалифицирован на две игры. Однако это не охладило пыл тиффози. Вылазки продолжались. В результате почти все оставшиеся игры сезона «Наполи» был вынужден проводить на нейтральных полях. Это настолько выбило коллектив из колеи, что вскоре последовало поражение от «Ромы» — 0:8! Едва-едва, да и то по счастливому стечению обстоятельств, удалось отстоять место в высшей лиге. Правда, такое счастье сопутствовало «Наполи» далеко не всегда. Четырежды южане расставались с группой сильнейших, но всякий раз выплывали на поверхность. Чего команде ни разу не удавалось, так это достичь вершины — стать чемпионом. Ее высшими достижениями до 1984 года были два вторых места — в 1968 и 1975 годах. В футбольных кругах Италии выработался стереотип отношения к южному клубу: яркий неудачник, команда веселая, но беспорядочная и неорганизованная, как всё на юге. И хотя в ней в разное время выступали такие мастера, как Дзофф, Сивори, Альтафини, Юлиано, все в Италии знали: эти до чемпионства не доросли и вряд ли когда дорастут.

А как изводились болельщики! Нет на Апеннинах более трогательных существ, чем поклонники «Наполи». Футбольная страсть поглощает их целиком, без остатка. Неаполь, поделенный в социальном плане на две неравные части — миллионеров и бедняков, забывал о классовом различии при одном слове «кальчо». Трущобные люди и накрахмаленные аристократы братались на «Сан-Паоло» после каждого забитого командой гола. Безработные соглашались на любой поденный труд, чтобы заработать не на обед, а на заветный билет, увидеть своими глазами «Наполи».

В начале 50-х годов «Наполи» приобрел у «Атланты» шведского центрфорварда Хассе Йенссона. За огромную по тем временам сумму 70 миллионов лир. Вскоре во время одной из игр швед был резко атакован защитником и как подкошенный рухнул на траву. И тогда над стадионом пронесся истошный вопль: «Конец неаполитанскому банку!!» Спонтанный крик болельщицкой души означал: «Какие деньги пропали!» С тех пор, когда профессионал, за которого клубу пришлось уплатить баснословную сумму, получал травму, выражение о крахе неаполитанского банка не раз обходило по кругу стадион, став крылатой фразой.

Но что там банк! Сколько инфарктов и сердечных приступов было зарегистрировано на «Сан-Паоло», когда в ворота «Наполи» влетали мячи! Увы, необузданная поддержка тиффозерии не прибавляла любимцам очков. Так и плыл бело-голубой кораблик «Наполи» по бурным водам футбольного моря, обходя рифы, но ни разу не став флагманом эскадры. Постепенно смирились тиффози, хотя в душе каждый из них лелеял тайную надежду: а вдруг? Но все понимали: для этого должно произойти нечто такое, что переменит судьбу команды.

И вот июнь 1984 года.

Город ликовал. Он упивался своим счастьем легко и беззаботно, как это умеют делать только неаполитанцы.

«Диего, подари нам мечту!» — зывали аршинные буквы, написанные на стенах домов.

Неаполь верил. Он ждал чуда.

ЧУДА ПРИДЕТСЯ ПОДОЖДАТЬ

Чудеса в футболе иногда случаются, но они все-таки не могут возникнуть из ничего. Нужна основа.

«Наполи» образца 1984 года такой основой еще не располагал, хотя кроме Марадоны в составе команды появился сильный полузащитник, член сборной Италии Сальваторе Баньи. Нельзя сказать, что по подбору игроков клуб заметно уступал более титулованным соперникам. Просто для специалистов, болельщиков, футболистов других команд, а главное — в сознании самих же спортсменов «Наполи» этот коллектив продолжал оставаться провинциальным середняком, в котором отсутствовал один из важнейших компонентов, необходимых для конечного успеха. В Италии его называют фактором непобедимости, причем значение ему придается очень большое. Что это такое? Суть фактора заключается в следующем: даже сильная команда, располагающая талантливыми игроками, не сможет стать первой, если в ее рядах не будет нескольких футболистов с большим опытом, а главное — познавших вкус побед на самом высоком уровне, никого не боящихся, но заставляющих бояться себя. От них психологическая уверенность, такая философия победителя, передается всей команде. Причем этот комплекс превосходства кроме того, что давит на Противника, помогает набирать очки даже тогда, когда игроки не находятся в лучшей спортивной форме. Их все равно боятся.

Если приводить примеры из нашего футбола, то в индивидуальном порядке ярчайшим представителем философии победителя можно считать Льва Яшина, для меня и по сей день никем не превзойденного. За долгую и славную карьеру он парировал многие сотни мячей. Но кто подсчитает количество тех ударов, что так и не состоялись? Не состоялись только потому, что форварды соперников опасались бить наобум, выискивали только верный шанс, раздумывали, колебались и... упускали момент! Своим огромным авторитетом, непоколебимой уверенностью Лев Яшин заставлял нервничать чужих нападающих и вселял уверенность в защитников московского «Динамо» и сборной СССР.

Другой пример — командный — киевское «Динамо». На протяжении многих лет оно не просто было сильным клубом. Его авторитет так давил на соперника, что, дабы не дразнить льва, многие команды еще до игры были согласны на очко, хотя объективно могли бы рассчитывать на большее, особенно играя у себя на поле. Никто не подсчитает, сколько очков киевляне добыли одним своим именем!

Но вернемся к «Наполи». Как я уже говорил, фактора непобедимости у него и в помине не было. Если что и было, то только комплекс неполноценности. И даже Диего Армандо Марадона при всей своей исключительности не мог являться примером. Его дебют в настоящем деле, на чемпионате мира 1982 года, не стал откровением. Он лишь посеял сомнения — не слишком ли рано стали именовать аргентинца вторым Пеле? Не внесло ясности и двухлетнее испанское танго Марадоны. Выступая за «Барселону» два сезона, он забил всего 22 гола. Сторонники и поклонники Диего оправдывали это тем, что в Испании он не столько играл, сколько залечивал травмы и лишь поэтому пока не занял трон, по праву ему принадлежащий. Так что множество авансов аргентинцу предстояло отрабатывать именно в Италии, в «Наполи», куда он пришел не только помогать побеждать, но и учиться побеждать.

— Почему вы выбрали Неаполь? — спросили его на первой пресс-конференции.

— Мне кажется, что по духу, характеру, темпераменту город мне очень близок. Я чувствую, что здесь я очень нужен, — ответил тогда Марадона.

Он дипломатично умолчал о баснословном гонораре, который определялся контрактом. Найдись тогда клуб щедрее, может быть, аргентинец благословлял бы другой итальянский город? Впрочем, это уже из области догадок и предположений. А фактом остается то, что осенью 1984 года Марадона в

футболке с десятым номером и с капитанской повязкой на рукаве вышел на поле в составе команды «Наполи».

Экзальтированные тиффози зачарованно смотрели на плотную, словно литую фигуру, ежесекундно ожидая чего-то сверхъестественного. И Марадона дарил им мгновения упоения. Рассказывать о том, что увидели итальянские болельщики, нет смысла. Благодаря телевидению игру аргентинского чудо-мальчика сегодня хорошо знают во всем мире. Приведу лишь цитату из статьи в газете «Тутто-спорт», появившуюся в октябре 1984 года. «Каждый тренер рад иметь в своей команде крайнего нападающего, обладающего таким рывком, с помощью которого он легко оставляет за спиной любого защитника. Каждый тренер счастлив, если на месте центрального нападающего у него играет футболист с отменно поставленным ударом и превосходным голевым чутьем. Любой тренер спит и видит в своей команде диспетчера, умеющего мгновенно оценить обстановку и обладающего высокой культурой паса. Покажите мне того тренера, который не мечтал бы заполучить игрока, способного на крохотном пятачке изящно расправиться с двумя-тремя соперниками. Тренеру «Наполи» не нужно искать столько исполнителей. У него есть Марадона, который один прекрасно умеет делать все!»

Но даже этого не всегда хватало для утоления жажды победы. Первый же матч «Наполи» в чемпионате закончился конфузом. Игра состоялась в Вероне.

Еще год назад встреча «Верона» — «Наполи» затерялась бы среди второстепенных: кого трогало соперничество двух середняков? Теперь же взоры болельщиков и специалистов обратились к городу на берегу реки Адидже. С одной стороны — дебют Марадоны в команде, чьи амбиции хорошо известны. С другой — крепкий коллектив, только что пополнившийся звездами европейского футбола — датчанином Элкьяером и Бригелем из ФРГ.

«Верона» не оставила соперникам никаких шансов. Счет 3:1 даже не отражает в полной мере превосходства хозяев поля. Впрочем, тогда еще никто не мог предположить, что успех «Вероны» стал началом блистательно проведенного чемпионата, завершившегося месяца спустя завоеванием ею первого в истории скудетто.

Но тогда, в сентябре, неаполитанцы ведь еще не знали, кому они проиграли. И первый блин вышел комом.

Трудно сказать, что больше удручало армию болельщиков «Наполи». То, что очков не набрали или то, что Марадона не забил.

Не забил? Тогда это казалось противоестественным.

Он забил во второй встрече, на поле «Сан-Паоло». Подхватил мяч, выкатившийся из сетки ворот «Сампдории», и принялся его целовать. Впоследствии это стало традицией.

Стадион напоминал извержение Везувия. Лава аплодисментов нескончаемым потоком неслась по переполненным трибунам, и казалось, ей не будет конца. Марадона очень любит такие мгновения.

Но не только из них состоят 90 игровых минут. В любом матче есть моменты, которые доставляют горечь, обиду, боль.

Даже всезнающая статистика не может ответить, на какой минуте своей итальянской одиссеи Марадона получил первый удар по ногам. Без риска впасть в ошибку можно утверждать, что произошло это значительно раньше, чем был забит гол в ворота «Сампдории».

Достается Марадоне вообще предостаточно. Такова, увы, незавидная доля всех нападающих экстракласса, против которых у защитников в наборе явный дефицит легальных средств. Когда Марадона в

ударе, над командой соперника сгущаются тучи. И зачастую они проливаются дождем не только голов, но и желтых, а то и красных карточек защитникам противоборствующей команды.

Но хитрые итальянские либеро и стопперы быстро нашли свои контрмеры. Марадона не отличается ни ангельским характером, ни железными нервами, ни библейской смиренностью. Он не исповедует непротивление злу насилием и, получив удар по щеке, вторую не подставит.

В игре на поле он редко теряет равновесие физическое.

Душевное — до удивительного легко.

Так что любителям футбола оставалось лишь гадать, когда последует первое удаление с поля десятки «Наполи».

Произошло это 19 ноября 1984 года — в матче на выезде, понятно: в Неаполе в ту пору ни один судья не решился бы на подобный шаг, если ему жизнь была дорога.

Играли в Асколи.

Шла 73-я минута. Счет был 1:1, и хозяева поля, поначалу явно побаивавшиеся соперника и не случайно пропустившие гол уже на 8-й минуте (Пенцо с подачи Марадоны), постепенно сбросили с себя психологические оковы, выровняли игру и в начале второго тайма сравняли счет. Подбадриваемые публикой, футболисты «Асколи», увидев, что сам черт (или Марадона) им не так страшен, во второй половине матча завладели инициативой, заставив гостей больше думать о безопасности собственных ворот, нежели о возможности выигрыша.

За 17 минут до финального свистка арбитр предложил покинуть поле Марадоне и опекавшему его Николини.

Из отчета о матче спортивного журналиста Франческо Деньи: «Аргентинец рванул к мячу с высоко поднятой ногой и опередил Николини. Сыграл Марадона в этом эпизоде опасно. Защитник «Асколи» с угрожающим видом приблизился к сопернику. Марадона вытянул вперед руку в попытке остановить разгоряченного Николини, а тот неожиданно рухнул на траву. Судья Чулли, находившийся далеко от места происшествия, не видел эпизод в деталях. Он остановил игру и побежал совещаться с судьей на линии, после чего без колебаний вытащил красную карточку и отправил обоих действующих лиц в раздевалку. Это наказание было, на мой взгляд, чрезмерным, особенно в отношении аргентинца, который после игры нелестно отозвался о действиях бокового судьи».

Из интервью защитника «Асколи» Энрико Николини: «Я был наказан за то, чего не совершал. Марадона сыграл против меня грубо. А затем еще и ударил рукой в лицо. Я попытался объяснить судье, что произошло. Но он и слушать не стал. Посмотрим вечером видеоповтор. Но нарушения правил я не совершал. Могу поклясться».

Из интервью Марадоны: «Я не могу понять причину моего удаления. Думаю, что оно связано с неверной интерпретацией эпизода боковым судьей, который, очевидно, объяснил главному арбитру, что Николини будто пытался ударить меня с разбегу головой, а я ответил ударом кулака. Все это произошло так быстро, что я и сам не могу восстановить в памяти детали эпизода. В одном уверен: я действительно пытался оттолкнуть соперника рукой, но это не было ударом. В любом матче подобных моментов возникает немало, не думаю, что они должны наказываться столь строго».

Защитник «Асколи» зря божился, что он абсолютно ни в чем не виновен. И насчет вечернего видеопросмотра он сказал сгоряча, ибо замедленные кадры ясно показали, что Марадона если и пытался отмахнуться от защитника, так действительно отмахнуться. Удара в лицо не было. И если уж надо было наказывать кого-то из двоих, так это Николини — за симуляцию. Впрочем, все это выяснилось вечером. А

для тех, кто смотрел игру на стадионе, и для судей эпизод оказался скоротечным, и вряд ли можно предъявлять судейской бригаде серьезные претензии. Зато случившееся в игре «Асколи» — «Наполи» стало своего рода пробой тактики: как избавиться от Марадоны. Я уверен, что любой или почти любой итальянский тренер не будет особенно гневаться на своего подопечного, если в результате его действий произойдет удаление этого игрока вместе с Марадоной. Это все равно что с шахматной доски исчезнут белый ферзь и черная пешка. Кому выгоден такой «размен» — очевидно.

Несколько слов о видеопросмотре. По воскресеньям, после очередного тура чемпионата Италии, футбол вытесняет с телеэкранов все другие темы. Одна из наиболее смотримых и популярных передач называется «Спортивное воскресенье». Идет она с десяти часов вечера по первой программе государственного телевидения. В ней дается обзор игр тура, показываются все голы и опасные моменты, приводятся интервью тренеров и игроков. В передаче есть постоянная рубрика «Рapid». Сюда попадают все спорные моменты матчей: назначенные или неназначенные пенальти, незасчитанные голы, удаления, положения «вне игры». Каждый эпизод просматривается в замедленном режиме два, три, пять раз — столько, сколько нужно для того, чтобы определить, прав был судья или ошибся. Тот или иной эпизод снимается, как правило, с нескольких точек, и в результате в большинстве случаев собравшиеся в студии — а это спортивные обозреватели, футболисты, тренеры — приходят к конкретному выводу. Был в Италии нашумевший случай, когда проигравшая со счетом 0:1 команда бурно выражала свое негодование судейством. По свежим следам это мнение разделяло и большинство журналистов. Дело было так. В начале второго тайма при счете 0:0 арбитр не дал явного на первый взгляд одиннадцатиметрового удара в ворота гостей. Через 10 минут столкновение в штрафной площади хозяев поля, и под протесты игроков и негодующий рев толпы судья назначает пенальти в ворота местной команды. Гол! Но высшей степени наэлектризованности обстановка достигает за несколько минут до окончания игры, когда красивая комбинация хозяев поля завершается голом, который арбитр... не засчитывает. Можно только вообразить, что творилось на стадионе, когда судья дал финальный свисток. Разъяренная публика жаждала крови. Команда гостей смогла покинуть пределы стадиона лишь через полтора часа после окончания игры. Причем в ее автобус тайно поместили и судью, не без основания опасаясь за его безопасность. Первая экспресс-информация была однозначно разгромной: арбитр отдал победу тем, кто ее не заслужил. И вот вечерний «Рapid»: стремительный проход нападающего замедлен видеолентой, и тут же становится отчетливо видно, что нога защитника чисто выбивает мяч в сторону, после чего форвард, споткнувшись на скорости об эту ногу, летит кубарем метров пять. «Нет пенальти», — говорит ведущий Карло Сасси. «Нет», — уверенно отвечает Омар Сивори, постоянный гость рубрики.

Другой эпизод. Одиннадцатиметровый в ворота хозяев. На первый взгляд совершенно необоснованный. Передача с правого края, на которую явно не успевает центральный нападающий. К тому же, пытаясь дотянуться до мяча, он спотыкается и картинно падает. Недоуменные взгляды в студии. «Отмотайте изображение назад», — дает команду Карло Сасси. И вот мяч возвращается на правый фланг, Центрфорвард бежит назад, и вскоре картина проясняется. Еще в то мгновение, когда правый крайний только приготовился делать прострел, его партнер попытался рвануться на свободное место в центре. Тут его откровенно придержал один из защитников. Потерянного мига хватило, чтобы форвард не успел к пасу справа. Зрители и большинство наблюдателей увидели, точнее, запомнили финал эпизода: передачу с фланга и опоздавшего к ней нападающего. А тем не менее судья был абсолютно прав. И «Рapid» все поставил на свои места. Как и в случае с незасчитанным голом. В момент удара по воротам нападающий подыграл себе мяч рукой. Не слишком, правда, заметно...

Пришлось прокрутить видеопленку четыре раза, и только в одном случае, при съемке из-за ворот, камера ясно показала: нарушение было.

Так была восстановлена справедливость и спасена репутация судьи.

Разумеется, данный пример не претендует на широкие обобщения. Тут все сложилось в пользу судейских решений, но ведь бывает и наоборот. И все же, как показывает практика «Рапида», судьи ошибаются гораздо реже, чем это кажется во время игры зрителям с трибуны стадиона. Более того, судьи оказываются правыми в абсолютном большинстве случаев. Но смысл видеоистины не только в этом. Она ставит все на свои места, помогает избежать нездоровой полемики, снимает напряжение даже в тех случаях, когда арбитр был не прав, ибо открытое признание негативного факта всегда оборачивается меньшими неприятностями, чем его замалчивание. «Рапид», наконец, имеет и воспитательное значение, поскольку коллекционирование промахов одного и того же судьи не может не сказаться на действиях специальной комиссии, которая занимается назначением арбитров на матчи итальянского чемпионата. Кстати, сейчас в практику вошло новое любопытное правило. Комиссия назначает не одного судью, а двух. Кому из них выходить на поле, определяет жребий, поэтому футболисты, у которых, разумеется, есть свои «хорошие» и «нехорошие» рефери, могут сетовать на везение или невезение, но им некого упрекать в злом умысле.

Одним словом, такая гласность применительно к футболу всецело оправдана. Ибо, освещая все, что происходит на зеленом прямоугольнике поля, она в значительной степени гасит страсти, бушующие за его пределами.

Речь идет, естественно, о нездоровых страстях. Но чем погасить отчаяние честных неаполитанских болельщиков, когда их любимая команда с Марадоной во главе плетется в хвосте турнирной таблицы?

Парадоксально, но факт. В том сезоне все так и было.

Был момент, когда над «Наполи» нависла вполне реальная угроза вылететь из высшей лиги. И лишь ценой немалых усилий в середине второго круга, когда команда заиграла мощно, удалось предотвратить сползание на дно. Южане завершили турнир на восьмом месте, набрав в тридцати играх 33 очка, забив 34 мяча и пропустив 29. И это при отличной игре Марадоны! Кстати, капитан «Наполи» стал самым результативным в команде — на его счету оказалось 14 голов. Он был очень рад тому, что сумел перекрыть свои испанские достижения, и заявил по окончании сезона: «Это моя первая победа в Италии».

Вторую пришлось ждать довольно долго.

Сезон 1985/86 года «Наполи» провел уже лучше, чему способствовало пополнение команды рядом сильных футболистов из других клубов. В частности, сменил Верону на Неаполь вратарь чемпионов Италии Гарелла, чья фантастическая игра в предыдущем первенстве приводила в отчаяние форвардов соперников. Из «Лацио» пришел известный центрфорвард Джордано, из «Сампдории» — талантливый полузащитник Реника. Одним словом, команда переставала быть Марадоной плюс остальное. Это уже была довольно неплохая команда плюс Марадона. И трудно сказать, куда бы привели неисповедимые зигзаги футбольного мяча, если бы не ошеломляющий старт «Ювентуса». Ведомый Мишелем Платини, подгоняемый возмущением тиффози, потерявших сон от прошлогоднего шестого — когда такое было! — места, обуреваемый жаждой реванша, туринский клуб учинил подлинный переполох в чемпионате, выиграв на старте восемь матчей подряд без разбора, на каком поле. Вступил в действие фактор непобедимости. Всем стало ясно, что чемпионская корона переедет в Турин. Так и произошло. Однако этот сезон стал переломным и для «Наполи». Во-первых, команда финишировала третьей, пропустив вперед кроме «Ювентуса» еще и «Рому». Но главным поводом для радости неаполитанских тиффози стал матч 3 ноября 1985 года в Неаполе между хозяевами и лидером, у которого, как я уже говорил, к этому дню была полная корзина очков: 16 из 16. Неаполитанцы имели 10 очков и четвертое место в таблице. На южной, обращенной в сторону Везувия трибуне (может быть, именно поэтому там собираются наиболее горячие поклонники бело-голубых) вывесили плакат: «Наполи», покажи нам, чего ты стоишь!» И «Наполи» показал. «Ювентус» ничего не смог поделать с обороной соперника, а когда с середины второго тайма всем своим

видом «предложил ничью», хозяева взорвались серией атак, одну из которых завершил точным ударом... ну конечно Диего! Гол Марадоны оказался решающим. «Ювентус» получил первый ноль в таблице, «Наполи» кроме двух очков — аттестат зрелости. На длинной дистанции чемпионата это было, конечно, событием локального значения, но оно стало отправной точкой для будущих успехов. Фактор непобедимости еще не утвердился, но комплекс футбольной неполноценности стал понемногу преодолеваться, и все от младенцев до стариков знали, что исцелителем застарелого недуга является пришелец из далекого Буэнос-Айреса.

Марадономания разрослась буйным цветом с первых дней его пребывания в городе.

«Господь сошел на бrenную землю!» — восторженно восклицали неаполитанцы, давая волю своему неумному темпераменту и необузданной фантазии. Неаполь спрятал свои оспины и морщины за транспарантами, флагами и портретами, с которых на прохожих смотрело улыбающееся лицо кумира. Город словно забыл, для чего живет. Казалось, что все проблемы можно отбросить подальше одним сильным ударом мяча. Многотысячные толпы разгуливали по улицам и площадям, скандируя: «Дие-го! Дие-го!» Как грибы после дождя, выростали клубы друзей Марадоны. Отряды ультраболельщиков дежурили во всех точках его возможного появления, чтобы при случае взять автограф, просто увидеть живого Диего, крикнуть ему: «Ты велик!» Загрустил вечный покровитель Неаполя Святой Януарий — неужели придется потесниться на священном троне?

Лето и осень 1984 года — это пиршество, карнавал, буйство. Прибыл добрый волшебник, выходите, люди, из дома, гуляйте, танцуйте, пейте вино, веселитесь до упада, отбросьте сомнения и озабоченность — с нами Марадона! И нашлось в этом неповторимом городе множество людей, искренне поверивших в то, что симпатичный черноволосый аргентинец одним мановением руки, вернее, одним взмахом левой чудно-ноги, одним ударом с лета под перекладину вознесет «Наполи» и весь Неаполь на вершину величия...

Неаполь. Живая легенда Италии, рожденная греческой колонией, а в IV столетии до нашей эры завоеванная Древним Римом. О его эволюции пишут научные труды, на его проблемах оттачивают перья итальянские журналисты всех рангов. Неаполь. Прошлое и настоящее, спутавшееся в один клубок. Это давно не курящийся Везувий и давно утративший лазурные цвета Неаполитанский залив. Это переплетение интересов крупного капитала, сломавшего давние социально-экономические структуры, насильственно внедрив модель развитого севера в столицу юга. Это город заводов, фабрик, которые не могут обеспечить всех работой, город богатых традиций и неповторимого колорита, где еще поют удивительные неаполитанские песни, где бродят стайками знаменитые скуныици — мальчишки из бедных кварталов, готовые обменять и продать все что угодно. Город, где варят лучший в стране кофе и жарят лучшую в стране пиццу, где бойко переругиваются через улицу полнотелые, напичканные красноречием неаполитанки, укрывшись от соседки трехъярусными брустверами из белья, где ветер гоняет тучи пыли и мусор, где напрасно надрываются воем клаксонов в бесконечных пробках автомобиля, где народу тесно в домах и он существует вне их, наполняя улицы удивительным говором. Это город роскоши и удручающего убожества, оплот неграмотности, база спекулянтов и наркоманов, вотчина местной мафии — каморры. Это родина Эдуардо де Филиппо и Энрико Карузо, город многих тысяч тружеников. Это город, где богатство не выставляют напоказ, а бедности не стыдятся показать, где человеческие отношения застыли на уровне сороковых годов, словно зажатые, задавленные бетоном сегодняшней социальной структуры. Неаполь... Нагромождение противоречий и парадоксов. Столкновение взаимоисключающих друг друга истин, и при всем этом он остается для многих итальянцев пусть замутненным, расплесканным, заплеванным, но все же родником, в котором они видят свое отражение, свое начало, свой вчерашний день...

— Знаете ли вы, в какой город попали? — спросили Марадону на одном из приемов.

— Знаю, — ответил тот. — Здесь живут прекрасные люди, которые очень любят футбол.

В этом Марадона не ошибался, полагая, очевидно, что его игра и восторг зрителей будут служить прочной гарантией безоблачного бытия. Но Италия мало чем отличается от любой западной страны. Быть в фокусе всеобщего внимания — значит, по сути дела, лишиться права на тайну личной жизни.

Все смаковалось, пережевывалось, обрастало деталями, подробностями, зачастую невероятными. Каждый шаг суперзвезды становился событием в жизни города. Марадона съел свои первые спагетти в такой-то trattoria... Марадона ищет себе дом в районе Позиллипо, в тихом месте, подальше от шума и глаз... И правильно делает, Диего нужен покой... А вы слышали, синьор, какой штаб он привез с собой? Там человек сто — с секретарями, финансистами, телохранителями... И ползли по городу слухи и пересуды, а там пойдешь разбери, что правда, что нет.

Частично поводы для разговоров давал сам аргентинец. Прекрасно зная, как и куда нужно направить мяч на футбольном поле, он практически не представлял среду, в которую попал. С этим связана одна курьезная история. Через несколько дней после приезда в Неаполь состоялась традиционная пресс-конференция, на которой руководство команды перед началом очередного сезона представляло новых игроков. Народу в зал набилось видимо-невидимо. В центре внимания, ясно, он, Марадона. Сыпятся вопросы. В какой-то момент одному из римских газетчиков пришло на ум спросить: «А знает ли синьор Марадона, что город, в который он прибыл, славится мафией?» Марадона задумался, последовала долгая пауза. Возмущенные столь неприличным вопросом представители команды и местные журналисты так зашикали, что незадачливому корреспонденту пришлось ретироваться. А неделю спустя Диего Армандо Марадона, которого буквально засыпали всевозможными приглашениями, побывал на крестинах одного зажиточного неаполитанца. Попал он туда случайно, по настойчивым просьбам «друзей». На следующий день газеты запестрели аршинными заголовками: «Марадона в гостях у каморры». Оказалось, что крестины проходили в семье одного из боссов местной мафии. Ну, посмеялись болельщики между собой и призвали: «Диего, будь осторожен в выборе знакомых».

Но в Италии быть осторожным — значит не выходить из дома. Репортеры зря хлеб не едят, а газетам нужны сенсационные сообщения. Появляется в газете фотография: где-то на балконе запечатлены стоящие рядом звезда футбольная — Марадона и звезда эстрадная — известная танцовщица Хитер Паризи — и подпись: «Любовные похождения Диего в Италии». Что дальше — неважно. Был ли там флирт или просто в какой-то момент случайно оказались рядом два человека — это детали. Важно вытащить на свет еще один пикантный случай. Сам Марадона впоследствии говорил: «Никакой любовной интрижки не было, с Хитер мы были и остаемся добрыми друзьями». И опять — можно верить, можно нет. Главное, есть повод пополюсовать мозги читателям, а газете — реализовать тираж. Возможно, тогда и зародилась в Марадоне, по его же словам, неприязнь по отношению ко многим представителям и органам информации Италии, импульсы, которые со временем приняли характер настоящей войны. Но об этом позже. Пока же все это были булавочные уколы. Они причиняли боль, но она быстро забывалась, как только десятый номер «Наполи» выбегал в составе своей команды на поле «Сан-Паоло» и плотная стена приветственного рева трибун служила ему охранной грамотой. Но не только на «Сан-Паоло». В первое время овации и улыбки адресовались аргентинцу и в других городах Италии. Тогда еще «Наполи» как конкурент не был опасен, очков у соперников на их полях отнимал немного, а Марадону до поры до времени воспринимали не столько как игрока Неаполя, сколько как чудо, принадлежащее всей Италии.

Чудо играло. И как!

Бари. 37-я минута второго тайма. Счет 1:1. Атака «Наполи». Баньи отдает мяч Марадоне, получает ответный пас и, заметив рывок партнера, вновь посылает мяч капитану. Передача не очень удачная: мяч летит не на ход Марадоне, а прямо в него. Доли секунды — и траектории их движения уже не пересекутся. На полном ходу, словно в фигурном катании, аргентинец резко наклоняет туловище вперед, а пяткой «не

своей», правой, ноги «ловит» мяч, пробрасывает его над собой и опешившим вратарем, догоняет почти на линии ворот и тихонько закатывает в сетку.

Неаполь. Игра с «Лацио». К 70-й минуте счет уже достаточно солидный в пользу хозяев — 3:0. Марадона забирает мяч на своей половине поля, обыгрывает двух соперников и устремляется по месту центрального нападающего к воротам. Неподалеку от штрафной к нему с разных сторон бегут два защитника. Аргентинец резко тормозит и неуловимым движением, без замаха, отправляет мяч под перекладину. Закрытый партнерами вратарь даже не шелохнулся.

Много можно перечислять эпизодов, в которых аргентинец демонстрировал поистине филигранное мастерство. Но из всех его мячей, забитых за первые два сезона в Италии, пожалуй, особняком стоит гол, проведенный на своем стадионе в игре против «Вероны», той самой «Вероны», что первой обидела Марадону, — помните 1:3? Прошел год, многое изменилось. «Наполи» в турнирной таблице стоял выше чемпиона и в данном матче хотел доказать, что такое положение закономерно. Забегая вперед, скажу, что доказал с лихвой. «Верона» была разгромлена со счетом 0:5.

Где-то в середине первого тайма, когда преимущество «Наполи» в счете было шатким, произошел этот, ставший теперь энциклопедическим, эпизод. Хозяева поля, отбив натиск гостей, завладели мячом. Марадона ленивой трусцой продвигался вперед, пересек среднюю линию, и в этот момент ему последовала передача. До ворот было метров сорок, пути к ним перекрывали защитники, и сама ситуация не таила в себе ни малейшего намека на опасное развитие атаки. Аргентинец имел массу логичных продолжений: поиграть с мячом в свое удовольствие, отдать пас назад, подождать подкрепления или, на худой конец, попытаться с помощью дриблинга прорваться в одиночку. Но Марадона, очевидно, видел, что все эти варианты пресны и, главное, неопасны для противоборствующей стороны. И еще кое-что увидел капитан «Наполи», пока мяч летел к нему: голкипера «Вероны» Джулиани, спокойно дежурившего у линии вратарской площадки. Остальное было делом техники. Высочайшей, разумеется. Приняв мяч, Марадона подбросил его перед собой, затем ударил... Что дело неладно, Джулиани понял тогда, когда мяч уже преодолел половину пути. Он попятился, побежал назад, прыгнул... Куда там! По крутой дуге мяч плавно спланировал под перекладину — в ту точку, которая вратарю была недоступной. Хорошо, что человечество изобрело телевидение. Благодаря ему тем же вечером каждый желающий мог раз двадцать по разным программам посмотреть на это творение Марадоны. Глаз не уставал. «Такое бывает раз в сто лет!» — восклицала наутро одна из газет. Кто знает, может быть, и чаще. Но спорить не хотелось.

Конечно, далеко не во всех матчах Диего удавались подобные фокусы. Ряд встреч он провел неровно и нервно. Однажды пришлось покинуть поле за грубую атаку соперника без мяча. Но уровень его игры вместе с крещендо всей команды вселял в болельщиков «Наполи» оптимизм. После восьмого места в предыдущем первенстве третье считалось не только достижением, но и плацдармом для последующего штурма футбольного Олимпа.

В местных тиффози тоже произошли изменения.

Они уже не ждали чуда от Святого Януария.

Они требовали от Марадоны и его товарищей первого скудетто. Хотя и сознавали, что дело это чертовски трудное.

ИГРОК И СРЕДА

Осень 1986 года была соткана для Марадоны из положительных эмоций. Триумф сборной Аргентины в Мексике во многом был связан с прекрасной игрой ее капитана, которого Неаполь, разочарованный бесцветным выступлением своей сборной, встретил громом фанфар. Правда, из-за океана Диего привез не только полную бочку меда, но и ложку дегтя: общее впечатление от игры аргентинца смазал, конечно, незабываемый гол в ворота англичан, после которого в ряде итальянских спортивных изданий появились язвительные сравнения: «Марадона — второй Пиола». Для того чтобы читателям стало ясно, о чем идет речь, позволю себе небольшое отступление.

В середине тридцатых годов в сборной Италии появился нападающий Сильвио Пиола — игрок необычайно одаренный, а главное, исправно делавший то, что полагается делать центрфорварду, — забивающий голы. Достаточно сказать, что в период с 1935 по 1946 год (с перерывом из-за войны) Пиола провел 34 матча за национальную команду Италии и забил в них 30 мячей — показатель выдающийся. Не случайно в списке бомбардиров сборной всех времен Пиола и по сей день занимает третью строчку. Больше забивали только Джузеппе Меацца (33 гола в 53 играх) и Луиджи Рива (35 в 42). Так вот, из всех 30 мячей Пиолы в историю под номером один вошел тот, что был забит 13 мая 1939 года в Милане во время встречи Италия — Англия. Везет британцам на курьезные голы... Правда, та игра была товарищеской. Вот как вспоминает ее старейшина итальянской спортивной журналистики Антонио Гирелли в своей книге «История итальянского футбола».

«Англичане открыли счет. Произошло это после классической контратаки и удара Лаутона на 19-й минуте. Мощи и организованности соперников наша команда могла противопоставить разве что тактический авантюризм да ставку на случай. Ход игры показал, что подобные аргументы иногда бывают весомыми. После перерыва сольный проход Бьявати завершился взятием ворот. Не успел еще стихнуть восторженный рев на трибунах, как Пиола во второй раз заставил вратаря Вудли вытаскивать мяч из сетки, причем забил он его... кулаком. Законные протесты англичан не переубедили судью Баувенса, и гол, неправильность которого была столь же ясной, как небо над Миланом, был засчитан. Возбешенные гости всей командой ринулись в наступление, и за 12 минут до финального свистка им удалось восстановить равновесие в счете и частично справедливость. После встречи Пиола божился, что мяч был забит головой, по всем правилам. И лишь годы спустя он сознался в содеянном прегрешении. Ну а его ловкость рук с того памятного дня вошла в анналы футбола, и уже много лет подобные голы именуются в Италии «ручонкой Пиолы».

Сорок семь лет спустя «ручонка» Марадоны оказалась куда как более ценной — ведь повлияла она на результат не какого-то тренировочного матча, а четвертьфинальной игры чемпионата мира... Деготь в ложке был густым и черным. Итальянские корреспонденты состязались в подборе эпитетов и острот. «Трудно сказать, что лучше удастся Марадоне — игра ногами, головой или руками, — ядовито философствовала туринская «Стампа». — Если до последнего времени мы считали Марадону недостаточно универсальным, то матч с Англией показал, что это было заблуждение: он опасен и в борьбе за верховые мячи. И остается только удивляться, почему Марадона так редко использует этот свой козырь: удар по мячу кулаком при попустительстве судей».

Сам аргентинец с явной неохотой и крайне редко касается этой темы. Однажды, примерно полгода спустя после мексиканского чемпионата, он попытался в интервью журналу «Плейбой» объяснить суть происшедшего: «В футболе, как и в жизни, есть множество истин. Мне действует на нервы, когда некоторые журналисты, чье мнение является лишь одной истиной, часто пытаются не обращать внимания

на наличие других мнений и, стало быть, истин. Например, когда я забил тот гол англичанам рукой, кое-кто написал, будто с моей стороны это было издевкой над футболом, что я проявил неуважение к игре, сделавшей меня богатым и знаменитым. Так вот, кто так писал, никогда сам не играл в футбол. В пылу борьбы некоторые вещи, в том числе и нарушения правил, происходят помимо твоей воли. Они являются частью игры, такой же неотъемлемой ее частью, как, скажем, ошибки судей. Когда я тянулся рукой к мячу, я делал это не по злему умыслу. Рука пошла вверх, чтобы достать мяч на той высоте, на которой мне не дано достать его головой. Это был импульс, инстинкт, порыв, жажда гола, и я сам понял случившееся лишь тогда, когда ко мне бросились с поздравлениями мои товарищи по команде...»

Так говорит Марадона. Очевидно, искренне.

Но он объясняет динамику лишь первого акта спектакля. И тут трудно что-либо возразить. В пылу борьбы, тем более на мировом первенстве, чего не бывает. Вопрос в другом. Мог ли Марадона честно тут же на месте признать: гол не по правилам — и сказать об этом судье? На данную тему в Италии, как и во всем мире, спорили до хрипоты. Резонное возражение: а кто-нибудь другой в аналогичной ситуации поступил бы иначе? Очевидно, нет. Но, по моему глубокому убеждению, это обстоятельство не может быть оправданием. О других поговорили бы с неделю и забыли, потому что тех, других, много, а он, Марадона, один. Он обязан был помнить, что все, что он делает, оценивается особыми мерками, на все его голы и финты ведется особый счет. Но и на ошибки — тоже.

Помните, уважаемые болельщики со стажем, Чили, 1962 год? Последний для советской команды матч группового турнира с уругвайцами. Проигравший заказывает билеты домой, победитель выходит в четвертьфинал. Сильный удар Численко — мяч в сетке. Попал он туда «не по правилам»: проскочил в ворота сбоку под плохо натянутой сеткой. Арбитр без колебаний показал на центр, боковой судья тоже ни в чем не усомнился. И хотя уругвайцы в приступе отчаяния — а они были правы! — изо всех сил пытались доказать обратное, выглядело это жестом обреченных: видели ли вы когда-нибудь, чтобы судья, засчитав гол, отменил бы его под давлением пострадавшей стороны? И не отменил бы.

К Численко подошел Нетто. «Был гол?» — «Нет». И капитан сборной СССР жестами объяснил арбитру смысл происшедшего. Мяч не был засчитан.

Рыцарство на футбольном поле? Очевидно, оно так же безвозвратно кануло в Лету, как и сами рыцари в железных латах. На все есть судья. А если он чего-то не заметил, значит, ничего и не было.

Но был ведь второй гол в ворота Шилтона, виртуозное соло с мячом маэстро Марадоны. Были два красавца гола бельгийцам за подписью того же автора. Был, наконец, победный финал и Кубок ФИФА в руках капитана аргентинцев...

В Неаполь он вернулся триумфально. Количество портретов и плакатов на стенах домов удвоилось. Неаполитанцы ликовали: «НАШ Марадона всем показал, чего он стоит!»

В этом городе живут своеобразные люди. Душевные, темпераментные, открытые, гостеприимные. Но при всем этом им абсолютно не чужды такие порывы души, которые в словаре обозначаются глаголами «обмишугить», «провести», «надуть». Не со зла, а просто так, весело, с улыбкой. Даже обижаться на них трудно. Ну, живут они так.

Несколько лет назад в свой первый приезд в Неаполь я как-то купил арбуз. Собственно, даже не в самом городе, а на дороге, когда уже возвращался в Рим.

Стоят у обочины горластые неаполитанские Мальчишки, почти невидные за арбузной горой. Каждому продавцу лет по двенадцать.

В Неаполе многое не рекомендуется покупать, особенно не в магазине и особенно те вещи, где кроме оболочки должна быть еще сердцевина, начинка, суть. Их-то иногда внутри не оказывается. Но арбуз? Вечером к нам должны были прийти гости, а зеленые полосатые красавцы стояли как на подбор — килограммов по десять каждый.

При моем приближении мальчишка надел на лицо дежурную улыбку: «Возьмите вот этот, синьор. Замечательный арбуз!» Жестом я показал, что сам выберу, — знаю, мол, вашего брата."Выбрал, осмотрел со всех сторон, расплатился. Парнишка впихнул покупку в целлофановый мешок, и на том мы расстались. Дома торжественно выкатываю арбуз на стол, а в нем зияет дыра, от которой слегка исходит тот самый запах, что мы называем «не первой свежести». Когда юный жулик успел подменить выбранный мной арбуз на «брак» — одному богу известно. Но факт налицо. Посмеялись, конечно... Разве можно обижаться на неаполитанцев?

«Ручонку» Марадоны восприняли в Неаполе чуть ли не как признак родства душ. Играет как дьявол да еще может всех оставить с носом!

Тем временем «Наполи» готовился к третьему сезону «новой эры», эры Марадоны. В команде вновь произошли изменения. Главным приобретением стал талантливый двадцатидвухлетний полузащитник Де Наполи, купленный у «Авеллино», с такой фамилией где же еще играть? Техничный, обладающий хорошо поставленным ударом, Де Наполи к тому времени уже обратил на себя внимание тренеров сборной, играл в Мексике, — правда, без особого блеска. Впрочем, вся реконструированная и значительно омоложенная команда Италии там моря не зажгла.

Перед началом нового сезона большинство обозревателей отмечало: тренер «Наполи» Оттавио Бианки подобрал наконец ровный состав, в котором не стало слабых мест. Отличный вратарь Гарелла, сплав опыта (Брусколотти и Феррарио) и молодости (Филарди и Феррара) в обороне. Мощная средняя линия, где к постоянной троице Баньи — Де Наполи — Реника могли подключаться Сола, Мурро или Романо. И, наконец, немногочисленная, но бронебойная артиллерия впереди — Марадона и Джордано. Не нашлось места в основном составе чемпиону мира 1978 года аргентинцу Даниэлю Бертони, и он был продан клубу «Удинезе». Таким образом, «Наполи» оказался среди грандов единственной командой, имевшей одного иностранца вместо разрешенных в то время двух. Но этим единственным все же был Марадона!

В запас попал высокорослый, физически мощный центральный нападающий Карневале, который должен был быть дублером либо Марадоны, либо Джордано. Забегая вперед, скажу, что эта роль в «Наполи» ему явно не пришлась по душе, и в середине сезона он несколько раз резко высказался по адресу руководства клуба, напоминая, что приехал к берегу Неаполитанского залива не загорать на пляже, а играть в футбол. Впрочем, ничего, кроме неприятностей, крик души Карневале не принес. Утешением ему стали несколько игр и забитых мячей в решающей фазе чемпионата, которые заодно смягчили тренеров.

Вообще же в Италии, где игра закована в жесткие тактические схемы, фигура «главного запасного» весьма популярна. Каждый тренер, вынашивая игровые идеи, знает: у него на поле выйдут один вратарь, четыре защитника, четыре полузащитника и два нападающих. Идеальный вариант: иметь у себя не только одиннадцать хороших игроков в основном составе, но и по крайней мере троих на скамейке запасных. По одному из каждой линии. Учитывая, что в целом итальянский футбол не блещет суперкорректностью, что травмы здесь — явление нормальное, тренеры изо всех сил стараются заполнить это «штатное расписание». Понятное дело, спортсмены, которым уготованы футболки с номерами от двенадцатого и больше, нечасто появляются на поле. По этому поводу одни — молодые — предпочитают молчать, другие — опытные — ворчать, но от их желания и воли уже ничего не зависит. Они попали в клуб, стали его собственностью, и как с ними поступать — на то есть мнение тренера и воля президента.

Профессиональный футбол — это бизнес, а футболисты — товар, с помощью которого данная индустрия обязана получать прибыль. Все остальное — производное от этой писаной истины. Я хочу здесь особо подчеркнуть, что приведенная выше констатация отнюдь не мой критический взгляд на основу и суть популярного вида спорта. Это оценка, которую дают игре сами итальянцы — от простых болельщиков до руководителей футбольной федерации. Более того, она давно утратила всякий негативный оттенок и является аксиомой. Других критериев, ни социальных, ни нравственных, не существует. Попросту говоря, никто в Италии не представляет, что структура футбольного механизма может быть какой-то иной.

Футболист — товар? Да, это так. Но товар особый, дефицитный, высшего качества. Даже те из спортсменов, кто не так часто вступает в игру и большую часть чемпионата томится на скамейке запасных, зарабатывают столько, сколько не привидится среднему итальянцу в предновогоднем сне. И пока профессиональный футболист играет, он не стеснен в средствах и живет безбедно, ну а если играет хорошо, тогда — миллионер.

У нас долго бытовало мнение, да и сейчас оно еще до конца не изжито, будто на Западе, и в частности в Италии, изнеженные и высокооплачиваемые профессионалы берегут ноги. Что ж, отчасти это так, ибо ноги футболиста так же ему необходимы, как певцу голос, штангисту сила, космонавту мужество. Они — его орудие труда, и было бы противоестественно, если бы он относился к ним без заботы. Но при этом игрок любой лиги обязан отдавать игре все, на что он способен, выкладываться в каждой встрече, так как это непреложный закон профессионализма, нарушив который он ставит под сомнение свой высокий заработок. Законы спорта на Западе суровы. Не отдался полностью игре, бережешь себя, не отработал выданных авансов — пересмотр контракта в худшую, естественно, сторону. Играешь с полной выкладкой — рискуешь получить травму, а там лечение, потеря формы и заработка, а то и перевод в низшую лигу. Вот почему, и не зря, те мастера, которым удается долгое время успешно проскакать между Сциллой и Харибдой — довести до возрастного предела свою карьеру, те игроки могут считать себя счастливыми и баловнями судьбы. Печальные примеры досрочного расставания с высшей лигой, в том числе выдающихся зарубежных мастеров Зико, Фалькао, Румменигге, лишний раз свидетельствуют о том, что никакое славное вчера не является гарантией стабильности, особенно если яркий талант по тем или иным причинам стал затухать... В целом же, характеризуя отношение к игре членов итальянской футбольной лиги, можно со всей категоричностью утверждать, подавляющее их большинство не страдает отсутствием самоотдачи, недостатком азарта, жажды борьбы и победы.

Каждый итальянский профессиональный игрок занесен в специальную картотеку, которая хранится у руководства лиги. Туда же сдаются юридически оформленные контракты клубов с футболистами, после чего последние поступают в полную зависимость от клуба. Их можно продать, обменять, отдать в долг, придать в качестве дописка к деньгам при заключении новой сделки. Причем все эти понятия не режут слух. Это элементарные торговые операции, суть которых — усилить свою фирму, ослабить конкурента, а в результате — быть впереди, срывать призы, собирать полные трибуны народа и пускать в оборот полученную прибыль.

Совместимо ли это с нормами морали? И как быть с чувством преданности своей команде? Может ли оно вообще быть?

Мораль проста, поскольку измеряется лирой. Не той, что влечет поэтов, а той, на которой выведено много нулей в правом верхнем углу. Смотри на них и не забывай, что твоей исключительности завидуют 99 из каждых ста итальянцев.

Преданность клубу? Да. Тому, в котором ты выступаешь сегодня. А если завтра придется стать приобретением другого хозяина, то ты обязан будешь с таким же прилежанием служить другому клубу.

Таков профессионализм. Единственный мыслимый тут образ существования игры, гарантия ее марки, залог ее качества.

Чемпионат страны на Апеннинах традиционно финиширует в мае. Но и после этого футбольные страсти не остывают — они меняют форму и превращаются в околофутбольный ажиотаж — начинается «кампания приобретений». Для этого существует специальная биржа. Она находится в Милане, и ее коридоры наводняют менеджеры, агенты, просто «разведчики». Их задача — прощупать конъюнктуру, вынюхать, кто кого намерен уступить, ну и, конечно, при этом обскакать конкурентов. Особое внимание уделяется тем футболистам, у которых истекает срок действия контракта. Борьба за них — если, конечно, уровень их игры соответствует нужному стандарту — идет «до последнего патрона» и приобретает характер настоящего (хотя конечно же неофициального) аукциона. Масла в огонь добавляют газеты, на страницах которых в этот период буйным цветом расцветают как сенсационные откровения с долей правды, так и откровенные «утки», которые летают из номера в номер, будоражат болельщиков, а затем умирают прямо в полете.

Впрочем, все, что происходит на бирже, — это больше показно разрисованный фасад огромного здания проффутбола. Серьезные дела вершатся вдали от шумных миланских коридоров. Вдали от глаз и объективов телекамер, в отдаленных гостиницах или на тихих приморских виллах и заключаются взаимовыгодные сделки. За чашкой кофе, в неторопливых беседах президенты клубов и генеральные директора решают судьбы своих «крепостных».

Некоторые из этих судеб удивительны.

Двадцатисемилетний нападающий сборной Италии Альдо Серена играет в серьезный футбол одиннадцать сезонов. Я нарочно представляю его как члена национальной команды, поскольку клубная принадлежность Серены заслуживает особого разговора. Он дебютировал в любительском коллективе крохотного городка Монтебеллуно в сезоне 1977/78 года, причем весьма успешно. Талантливый парень — его особенно отличает прекрасная игра головой у чужих ворот — заметили, и уже следующий сезон он начал не где-нибудь, а в самом «Интере». Правда, в роли «скамеечника». Сыграв за черно-синих всего два матча, Серена год спустя перебирается в «Комо». И начинается одиссея. «Бари», «Интер», «Милан», снова «Интер». И везде — один год. В конце 1984 года его на три сезона отдают в долг команде «Торино». Такая биржевая операция, кстати, в Италии довольно распространена. Дающий клуб по-прежнему обладает всеми правами на футболиста и по завершении трехлетнего периода может востребовать его обратно. Для берущего клуба выгода состоит в том, что не надо слишком раскошелиться. Приобретение во временное пользование обходится значительно дешевле, нежели покупка насовсем. Замечу по ходу, что мощные в финансовом отношении команды Италии охотно пользуются таким приемом, особенно когда в их рядах появляется избыток классных футболистов. Но отдают они их не в ведущие клубы (дабы не усилить конкурентов), а в периферийные коллективы высшей лиги. Резон очевиден: там отданные в долг неопасны, зато имеют постоянную игровую практику в течение всего чемпионата. Но вернемся к Альдо Серене. Итак, он сменил Милан на Турин. То ли радость оттого, что прекратились бесконечные скитания, то ли здоровая атмосфера в коллективе, то ли влияние Луиджи Радиче, тренера, с которым Серена провел предыдущий сезон в «Интере», подействовали, но только остается фактом, что жилось новобранцу в «Торино», судя по его многочисленным интервью, весьма неплохо.

Прошел год. Началась новая кампания приобретений. И «Интеру» вдруг позарез понадобился полузащитник «Ювентуса» и национальной сборной Марко Тарделли, тот самый, чей гол в ворота сборной ФРГ в финальном матче чемпионата мира 1982 года закрепил и, по сути дела, предопределил победу итальянцев. А при чем здесь Серена, спросите вы? Как оказалось, очень даже при чем. «Юве» в принципе не возражал уступить чемпиона мира, но взамен потребовал... Серену, права на которого принадлежали

миланскому клубу. Правда, его руководство в данном случае не могло в приказной форме отправить Серену из «Торино» в «Ювентус». Тонкость заключалась в том, что для проведения операции необходимо было согласие «Торино», а также самого спортсмена. С клубом договорились быстро, тем более что отдали ему за сходную цену полузащитника Сабато. Сложнее обстояло дело с Альдо Сереной. Поначалу он встал в позу, заявил, что по уши сыт бегами из команды в команду, что наконец нашел клуб, где ему приятно играть, так что оставьте его в покое и баста. Нужно сказать, что позиция футболиста встретила в спортивной Италии сочувствие и поддержку, тем более что все прекрасно понимали: дело его проиграно. Действительно, нужно обладать невероятной наивностью, чтобы предположить, будто один игрок может воздвигнуть препятствие на пути сразу двух клубов, да не просто клубов, а суперклубов — «Интера» и «Ювентуса». Обработка Серены напоминала психическую атаку, где главное место было отведено посулам, уговорам и обещаниям. Альдо сдался. Два года он провел в «Ювентусе», отыграл здорово — это и есть патриотизм в профессионализме, — стал постоянным членом сборной Италии. И вот в преддверии сезона 1987/88 года «Интер», на этот раз согласно ранее взятым обязательствам, в четвертый раз облачил «своего» Серену в черно-синюю футболку. Во время церемонии представления новичков Серена, судя по всему искренне, произнес: «Кажется, я снова в «Интере». Надеюсь, надолго». Что ж, этот умеренный оптимизм теперь имеет под собой почву. Серена вернулся в Милан в расцвете сил, а о таком тандеме в нападении (кстати — редкий случай — чисто итальянском), как Альтобелли — Серена, может мечтать любой тренер. Руководство «Интера» довольно. Спокоен и сам футболист пока он забивает голы, он нужен.

Марадоне такие перипетии не угрожали.

Его контракт с «Наполи» тогда действовал до конца сезона 1989 года. «Долгожительство» Марадоны в неаполитанском клубе поначалу никто и не обсуждал, иначе оказался бы в смешном положении. Более того, к вящему удовольствию местных тиффози, аргентинец не раз давал понять, что не прочь продлить контракт еще на пять лет и таким образом посвятить «Наполи» всю свою оставшуюся футбольную жизнь.

Впервые знак вопроса над этим встал в августе 1987 года.

Это были одиннадцать дней в психологическом плане, пожалуй, самые трудные для аргентинского чудо-мальчика.

8 августа он выступил за сборную мира в матче против команды Английской лиги. Советские любители футбола видели эту игру и запомнили, вероятно, что, едва мяч попадал к Марадоне, трибуны ошестинивались густым, сочным свистом и гулом.

Это можно было предвидеть. Англичане впервые получили возможность расплатиться с Марадоной за его «ручонку» в Мексике.

Аргентинец отнесся к свисту философски. «Свистите, свистите, я все равно остаюсь Марадоной», — заметил он по окончании встречи.

Через день, перелетев из Лондона в Милан, Диего вышел на поле во втором тайме в товарищеском матче с командой «Брешиа». На сей раз реакция трибун менее понятна и более неожиданна. Ведь еще не отдохнув как следует после матча в Лондоне, Марадона появился на поле, зная, что публика заплатила деньги главным образом за то, чтобы посмотреть на него. И столь враждебной реакции зрителей он никак не ожидал. Свист, брань, оскорбительные реплики. Даже вечно невозмутимый тренер «Наполи» Бианки и тот взорвался: «В этот город играть контрольные матчи мы больше не приедем!» Диего и на сей раз проявил выдержку и в послематчевом интервью даже шутил: «Я понял, что части публики я разонравился оттого, что слишком много выиграл в Италии. Что ж, постараюсь вызывать антипатии и дальше». Вместе с тем, оценив складывающуюся ситуацию, аргентинец сказал своему пресс-атташе о желании на время

воздержаться от интервью и «исчезнуть со страниц газет». Клуб с этим согласился, не желая травмировать лидера и капитана.

13 августа. «Наполи» выезжает в ФРГ на товарищеский матч с «Гамбургом». Для Марадоны этот день — бальзам на раненую душу. Горячий прием местных болельщиков, аплодисменты трибун и осторожный намек руководства западногерманской команды по окончании встречи: «Если бы Диего по истечении контракта с «Наполи» мог бы играть у нас...» Кажется, тучи ушли. Окрыленный капитан возвращается в Неаполь, где на 19 августа намечен тренировочный матч с аргентинской командой «Росарио сентрал». Дебют на своем поле в новом сезоне «Наполи» не удастся. Имея игровое преимущество, команда ничего не может поделать с цепкой обороной гостей. Более того, в одной из контратак аргентинцы открывают счет. Концовка игры проходит в отчаянных попытках хозяев поля добиться хотя бы ничьей. Так не хочется проигрывать первую игру сезона перед своими болельщиками! И за три минуты до финального свистка арбитр, словно желая помочь неаполитанцам, назначает пенальти, впрочем достаточно обоснованный, в ворота «Росарио сентрал». К мячу подходит Марадона. Несильный удар... и вратарь гостей в броске парирует мяч на угловой. Оставшиеся три минуты встречи проходят под непрерывный свист трибун. Такого в его «родном» Неаполе еще не бывало. И нервы капитана не выдерживают. На традиционной послематчевой пресс-конференции он заявляет: «Публика ничего не поняла. Она не желает проявлять понимание и выдержку. Позавчера я говорил: команда только начинает подготовительный этап и результаты пробных игр не имеют особого значения. Реакция зрителей вызвала во мне горечь и разочарование. Впрочем, с 1989 года им меня больше освистывать не удастся, поскольку, как только кончится контракт, я отсюда уеду».

В прошлом, и об этом читатели узнают из следующей главы, у Марадоны уже случались конфликты с местной публикой, но до столь откровенных заявлений дело не доходило. Неаполь вскипел. Обеспокоенное руководство «Наполи» выступило со специальным заявлением, в котором подчеркивало: «Один неудачно сыгранный, да еще неофициальный, матч не может и не должен перечеркнуть годы упорной и успешной работы». Через день опомнился и Марадона. Сменив гнев на милость, он сказал, что его заявление было импульсивным и поспешным. Ну а когда в первой официальной игре года, кубковой, на одной из трибун был поднят громадных размеров плакат с надписью: «Марадона! Мы тебя любим. Ты вечно наш!» — аргентинец оттаял окончательно, и вопрос о возможном уходе из команды сам собой исчез из повестки дня.

Странное дело. Произошло ведь это всего два месяца спустя после триумфально завершеного сезона, когда «Наполи» нежился в непривычных для себя теплых лучах славы.

Я начал эту главу с событий осени 1986 года.

А закончил летним конфликтом 1987-го.

В промежутке был девятимесячный период, в котором «Наполи» и с ним Марадона выиграли все, что можно было выиграть.

ТРИУМФ

Чемпионат, стартовавший 14 сентября 1986 года, итальянская печать назвала «турниром очищения».

Очищаться и впрямь было от чего.

Закончившийся летом суд по делу о махинациях футбольных и околофутбольных дельцов, которые за соответствующую мзду обеспечивали «нужные результаты» и таким образом срывали куш на подпольных ставках, хотя и не до конца был последователен и строг, все же основательно потряс мир профессионального футбола. Свыше пятидесяти тренеров, игроков и менеджеров были дисквалифицированы на сроки от одного года и до пяти лет. Понесли наказание и целые команды. Так, клуб высшей лиги «Удинезе» был оштрафован на 9 очков. И хотя его милостиво оставили в группе сильнейших, старт не с нуля, а с минус девяти практически предопределял судьбу клуба. Уже в середине второго круга стало ясно, что ликвидировать гандикап команде из Удине будет не по силам. Точно такой же приговор был вынесен столичному «Лацио» — участнику «серии Б». Поплатились за договорные игры и другие клубы. Так, «Виченца», завоевавшая накануне право перехода в высшую лигу, была оставлена второгодником в первой, а «Перуджа», как наиболее активно проявившая себя в «антифутболе», прямым ходом и без станозки была отправлена из первой лиги в третью.

К 14 сентября все «призы» были розданы, и до хрипоты наспорившиеся специалисты, журналисты и любители футбола постановили: все, хватит, перейдем от игр вокруг футбола к игре в футбол.

Как же расценивались шансы конкурентов?

Черный тотализатор, существующий параллельно с тотализатором государственным и по-прежнему спокойно процветающий, несмотря на только что бушевавший скандал, принимал ставки в таком соответствии.

Вероятность победы «Ювентуса» расценивалась 1 к 2,9.

«Ромы» — 1 к 4.

«Интера» — 1 к 7.

«Наполи» не виделся в качестве главного претендента на скудетто. Тем, кто решился поставить на южан, тотализатор обещал в случае их успеха тринадцатикратный выигрыш.

Не делали многообещающих заявлений и сами футболисты и тренеры «Наполи». Смысл их высказываний сводился к тому, что «надо удержать прошлогодние позиции (третье место), а там, как Бог даст».

И лишь Марадона, завоевав звание чемпиона мира, стал оптимистом. «Я был бы лицемером, — сказал он в беседе с корреспондентами, — если бы не произнес вслух то, что думаю. А думаю я, что «Наполи» сейчас не слабее любой из участвующих в чемпионате команд. Если мы хотим рассчитывать на успех, нам надо, во-первых, научиться не проигрывать на чужом поле, а во-вторых, не терять очки в матчах с так называемыми середняками и аутсайдерами».

Первый же тур частично подтвердил сомнения и надежды Марадоны.

«Наполи» играл с дебютантом высшей лиги, клубом «Брешиа», на его поле. Борьба была упорной и равной. В середине второго тайма Марадона получил пас по месту левого полусреднего, обыграл защитника и ударом любимой левой ноги отправил мяч в дальний от вратаря угол. Все было сделано с такой гениальной простотой, что после встречи тренеры «Брешии» не сочли возможным сослаться на

невезение или ошибку защиты. Сказали только: «Без Марадоны на поле счет бы так и остался не открытым».

В том-то и дело. Без.

Кто теперь сомневался в победе неаполитанцев на своем поле над обреченным «Удинезе»? Десятки тысяч тиффози шли на «Сан-Лаоло» в предвкушении фейерверка. А возвращались домой — оскорбленные в лучших чувствах. Хозяева поля играли так, словно выигрыш был им заранее запрограммирован.

И были наказаны.

Хорошо еще, что при счете 1:1 гости промахнулись из положения, когда не попасть в ворота было невозможно. Марадона в сердцах бросил столпившимся у кромки поля журналистам: «С такой игрой!..»

Следующие два тура прошли спокойно. «Наполи» сделал запланированную ничью в Авеллино и красиво победил у себя «Торино» — 3:1, причем по ходу встречи пришлось отыгрывать пропущенный на первых минутах мяч. После четырех туров иметь 6 очков — прекрасный результат. Удручало поклонников «Наполи» только одно: «Ювентус», почти как в прошлом сезоне, имел 7 очков из 8. А когда «Юве» разгоняется, пойдй его догони!

Пятый тур — ликование в стане голубых. «Наполи» побеждает в гостях (!) сильную «Сампдорию», а «Ювентус» делает вторую ничью подряд, на этот раз во Флоренции, и обе команды становятся вровень — по 8 очков. Но теперь неутомимые неаполитанцы строят смелые планы: в следующем туре туринцы едут в Асколи, где вообще играть трудно, а «Наполи» принимает у себя аутсайдера «Аталанту». Тут ясно — 2 очка. А если «Юве» проиграет...

О футбол! Ты многолик и непредсказуем. И тем прекрасен.

«Асколи» — «Ювентус» — 0:5. «Наполи» — «Аталанта» — 2:2.

Вечером того дня я позвонил в Неаполь своему давнему знакомому Доменико, журналисту по профессии и страстному болельщику «Наполи» по призванию. После длинной тирады, в основном состоявшей из междометий, восклицаний и выразительных эпитетов, последовала сентенция: «Все, к черту этих недоумков во главе с Марадоной, провались они пропадом, чтобы я еще раз пошел на стадион тратить свое здоровье! Как были деревенской командой, так ими и остались. Баста, с ними все ясно. Это же надо, обзавелись! И чем! Комплексом неполноценности на своем поле. «Аталанту» не обыграли! Нет, заканчиваю с этим, пока инфаркта не заработал!!»

Мы поговорили минуты три, и, когда разговор зашел о делах, он сообщил, что через несколько дней приедет в Рим.

— Каким ветром?

— Как каким? Ты забыл про воскресенье? — Он искренне возмутился моей темнотой.

В следующее воскресенье в Риме играл «Наполи».

Мы договорились встретиться на набережной Тибра в полдень, то есть за три часа до игры. Подъехав к месту встречи, я быстро осознал свою ошибку. Нестройными колоннами с юга на север — к Олимпийскому стадиону неслись машины и автобусы с неапольскими номерами. Автомобиль как средство передвижения мало устраивает неаполитанцев. Он для них — средство самовыражения. Окна машин раскрыты. Внутри салона остается только та минимальная часть туловища, которая необходима для «зацепки», все остальное свешивается наружу, кричит, визжит, мяукает, свистит, дудит, трезвонит, размахивает голубыми флагами, шапочками, шарфами. Я мгновенно оцениваю незавидное свое положение. Стою у машины с римским номером, и потому все, что едет мимо, выражает мне свое

искреннее сочувствие и на пальцах объясняет, сколько «мы» сегодня получим. Проезжает автобус. От залихватской песни его пассажиров дрожит парাপет набережной, остается удивляться, как выдерживает старенький кузов «фиата». Две девицы в одинаковых майках с улыбающимся Марадоной на груди шлют в окружающее пространство воздушные поцелуи. Я неосторожно поднимаю вверх правую руку с двумя пальцами в форме буквы V (победа!), и караван взрывается диким раскатом восторга. В ответ мне выставляются десятки таких же V, и могучий хор, от которого по Тибру начинает гулять волна, швыряет сентенцию: «На-по-ли... е-е... вин-че-ра!» Победит, значит. В самом жалком положении находятся те бедолаги, кто ведет машину. Тремя из четырех конечностей они поневоле прикованы к педалям и рулю, изводятся страшно, но и в этой почти безвыходной ситуации ухитряются напоминать о себе воем клаксонов, помноженным на немислимые манипуляции свободной рукой.

Неаполь едет на футбол.

«Ма-ра-до-на! Ма-ра-до-на!»

Они безобидны, неаполитанские ультра. В них нет агрессивности, стремления унижить поклонников соперника. Они лишь изливают свои чувства беспредельной любви к «Наполи» и хотят, чтобы все это слышали.

На Олимпийском стадионе, куда в конце концов мы с Доменико добрались, естественно, был аншлаг. В столице, когда играет «Рома», трибуны вообще никогда не пустуют, а тут «Наполи», южноитальянское «дерби».

Честно говоря, повода для оптимума у тиффози Неаполя в тот день не было.

Положение в турнирной таблице после шести туров было таково: «Ювентус» — 10 очков, «Наполи» — 9, «Рома» и «Интер» — по 8. И вот предстояла очная дуэль двух пар лидеров: «Рома» — «Наполи», «Юве» — «Интер».

Объективно расценивая ситуацию, большинство обозревателей полагали, что «Рома» свой матч по меньшей мере не проиграет, ну а «Ювентус» одолеет извечного соперника из Милана, тем более что, приезжая в Турин, «Интер» редко увозит хотя бы очко. Таким образом, общее мнение сводилось к следующему: после седьмого тура лидерство чемпионов Италии должно упрочиться.

Многие итальянские болельщики, идя на стадион, берут с собой портативные радиоприемники. Они слушают их, чтобы в течение полутора часов находиться в курсе событий на других стадионах. На сей раз поклонники «Ромы» и «Наполи», болея каждый за своих, с нетерпением ждали вестей из Турина и единодушно желали успеха «Интеру». Без особых, правда, иллюзий.

К середине первого тайма все шло как по-писаному. «Ювентус» у себя открыл счет. «Рома», правда, ничего не забила, но давила без передышки, и мне, пришедшему главным образом посмотреть в деле Марадону, поначалу было скучновато, поскольку «Наполи» почти всей командой откатился к своей штрафной, а аргентинец, затаившийся у центральной линии поля, мяча почти не получал. В тех же случаях, когда он отходил в глубокий тыл и пытался начать контратаку оттуда, отдать пас было некому.

Где-то с 20-й минуты игра стала выравниваться. Гости осмелели, и в обороне «Ромы» стали появляться трещины. Вот мяч у Марадоны. Он получает его на месте левого крайнего, но еще на своей половине поля и вдобавок стоя лицом к своим воротам. Его атакует защитник. И десятый номер «Наполи», не поднимая головы, вдруг делает передачу метров на сорок направо, куда на свободное место рвется Де Наполи. Приняв мяч, полузащитник гостей тут же делает нацеленный навес на штрафную площадку, куда врывается... Марадона. Если бы я не следил в эти секунды за Диего, я бы не поверил своим глазам. Когда он успел туда попасть? Неторопливо обработав мяч и сделав пас партнеру, он мгновенно преобразился. Рывок, чудовищное ускорение — и аргентинец, оставив далеко за спиной опекуна, несется к воротам

соперников. Он получает мяч в одиночестве, но под углом к воротам. Возможно, тут надо было сыграть проще: остановиться, осмотреться... Но, владея безупречной техникой удара из любого положения, Марадона принимает другое решение. Он бьет с лета, и мяч, едва не задев крестовины, уходит на свободный. Сокрушенный вздох двадцати тысяч неаполитанцев и посвист пятидесяти тысяч римлян. Рядом мается Доменико: «Какой момент, надо же! Такого случая уже не представится...»

Но мой приятель ошибался.

Я опять внимательно слежу за действиями капитана «Наполи». Где он играет? Везде. К несчастью соперников, он опасен в любой точке поля. Очередная атака «Ромы» захлебнулась. «Наполи» владеет мячом. Марадона на месте правого инсайда безучастно пешком трусит к воротам хозяев поля, которые защищает опытный Танкреди. Игра сместилась на левый фланг. Лишь на мгновение ослабил бдительность Ригетти, стоппер римлян, но это мгновение стало роковым. Пас слева в центр, Джордано не мешкая переводит мяч правее, и там уже никем не контролируемый Диего становится обладателем прекрасной позиции метра в десяти от ворот. Следует несильный удар с подрезкой, и мяч влетает в сетку. Танкреди бессилен — 0:1.

Откровенно говоря, я не верил, что «Наполи» увезет из Рима два очка. И начало второго тайма как будто подкрепляло мои сомнения. Хозяева поля рванулись на штурм, заставив защиту соперника и вратаря Гареллу трудиться в поте лица. После одной из таких атак кто-то из футболистов «Наполи», разряжая обстановку, сильно выбил мяч за пределы поля. И в этой игровой паузе совершенно неожиданно и противоестественно прозвучало то, что можно сравнить разве с грохотом горной лавины. Стадион зарычал во всю мощь семидесяти тысяч пар легких. Я посмотрел на Доменико, а он показал на сидевшего рядом парня с приемником в руках. Все стало ясно. В Турине «Интер» сравнял счет. И то, на что поклонники «Наполи» могли рассчитывать как на чудо, стало обретать реальные очертания. Гол Альтобелли за шестьсот километров от римского Олимпийского стадиона придал дополнительные силы игрокам в голубых майках. С этой минуты в их действиях появилась уверенность. Марадона продолжал выделять свои трюки, окончательно деморализовав римскую команду. Игры так и закончились. «Наполи» догнал «Ювентус». И на автостраде Рим — Неаполь до поздней ночи продолжался импровизированный карнавал возвращавшихся домой невероятно счастливых неаполитанцев.

«Эта победа сняла с нас психологический груз, — скажет на следующий день Марадона. — Мы почувствовали себя в состоянии обыграть любого соперника».

Но главное испытание было впереди. Через две недели «Наполи» предстоял вояж в Турин, в гости к самой «старой синьоре», как полушутливо именуют в Италии «Ювентус».

До этого в очередном туре лидеры, словно готовясь к поединку между собой, сделали ничьи. Причем неаполитанцы опять на своем поле. Утешением было то, что очко у них отобрал не кто-нибудь, а сам «Интер», перед тем, как вы помните, проделавший то же самое с «Юве».

11 ноября лидеры встретились на туринском стадионе. Он вмещает 71 160 зрителей. А если бы вмещал 700 тысяч, то и в этом случае свободных мест не было бы.

«Ювентус» — я уже говорил об этом — самая популярная команда Италии. Клубы черно-белых разбросаны по всей стране. Есть они и в крупных городах, и в мини-поселках.

Но в этот ноябрьский день за «Наполи» болела вся «остальная» Италия. Поклонники «Ромы» и «Фиорентины», «Интера» и «Бари» — все на один день объединились под знаменами голубого цвета.

Стенка на стенку.

В те часы, когда игрался этот матч, мне по долгу службы пришлось находиться в видеомонтажной итальянского телевидения. Сказать, что там кто-то работал, было бы явной натяжкой. Простаивал, разумеется, и я, впрочем, каюсь, без особого сожаления.

А восторгу потом было! Даже не столько потому, что «Наполи» победил. «Ювентус» проиграл!

Гости выиграли безоговорочно. Это была одна из тех игр, когда побежденным невозможно сослаться на травмы, неуккомплектованность состава, судейские ошибки, собственные промахи.

Проверку на зрелость «Наполи» выдержал.

А ведь игра складывалась для южан неблагоприятно.

Во встречах такого значения и накала, когда даже буйные итальянские тиффози на трибунах нервно молчат (почти молчат), очень часто все решает один мяч. На 60-й минуте при счете 0:0 он был забит в ворота неаполитанцев.

Все? Конец надеждам?

Словно вспенились воды Неаполитанского залива — это «Наполи» рванулся на отчаянный приступ неприятельской крепости. Душой всех атак был Диего Армандо Марадона. Оборона «Ювентуса» зашаталась. На одном дыхании гости забили три мяча подряд в ворота невинного Таккони. Капитан «Наполи» не стал автором хотя бы одного из них, но все комбинации, обидевшие «старую синьору», были разыграны при его непосредственном участии.

«Наполи» взял 2 очка, проявив высокое мастерство и огромную волю к победе.

«Наполи» доказал, что есть в нем и Джордано, и Баньи, и Де Наполи, и другие умеющие забивать голы.

«Наполи» показал, чего стоит Марадона.

По моему глубокому убеждению, первый круг этого первенства был для аргентинца абсолютно лучшим периодом за все время, что он провел на апеннинских берегах.

...А на площадях Турина звенела тарантелла. Десять тысяч болельщиков, приехавших из Неаполя, и неизвестно сколько тысяч представителей «пятой колонны» — неаполитанцев, эмигрировавших на север в поисках заработка, праздновали лидерство любимой команды.

Странное дело — их не били.

Италия в административном плане делится на области и провинции. Но есть у страны и другое, неофициальное, деление: на две части — север и юг. Первый — развитой, промышленный, зажиточный, современный. Второй — отсталый, бедный, во многом архаичный — в общем, придаток, который тянет Италию назад.

Неаполь — неофициальная столица юга.

И вот эта «дремучая цивилизация» вдруг удивила футбольный мир Италии своей спортивностью. За весь чемпионат до и после матчей с участием «Наполи» в стане болельщиков не произошло ни одного серьезного инцидента. Ни в Неаполе, ни в других городах.

И только-то? Для Италии подобное явление — из ряда вон.

Я уже упоминал об этой проблеме.

Во время многих игр стадионы похожи на военный объект.

Кольцо вооруженных карабинеров и полицейских.

Автомобильные патрули на подъездах к стадиону.

Ревущие над толпой вертолеты.

Агенты в штатском.

Не помогает.

Противоборствующие фракции болельщиков, рассевшись по своим местам, только, кажется, и ждут, когда судья даст финальный свисток.

Впрочем, терпения на 90 минут хватает не всегда, и тогда свалки происходят прямо на трибунах.

Где нет культуры, там культ кулака.

И вот вам прекрасное место для того, чтобы дать волю животным инстинктам, — стадион. Тут противников искать не надо. Они, одетые в шапочки другого цвета, сами тебя найдут.

На следующее утро газеты сообщат, в каком городе кто бил, чем бил, кого бил. Сколько раненых и задержанных. А телекомментатор искренне воскликнет: «Что же мы за люди такие?!»

Действительно. Ведь в следующее воскресенье, в день очередного тура, в любой газете можно будет прочитать аршинные заголовки вроде: «Марадона против Платини. Дуэль непримиримых!», «Асколи» должен свести счеты!», «Рома», берегись!», «Такой-то тренер: Марадона? Пусть только сунется», «Интер» — «Милан» — дрожит земля!»

Конечно, подобные стимуляторы не первопричина насилия. Но они — его невольное поощрение...

Так вот, Неаполь. Нет, там не призывали превратить стадионы в пансионы для благородных девиц и вести себя так, как на церковном молебне. Болели не щадя голосовых связок, размахивали флагами, гремели трещотками, освистывали судей за ошибки. Но, радуясь победе своих; не глумились над поклонниками проигравшей команды. А по-детски, до слез переживая проигрыши «Наполи», не требовали сатисфакции у торжествующих сторонников победителей. Одним словом, и в счастье, и в беде оставались людьми.

Есть, есть еще чистая вода в том самом замутненном, расплесканном, заплеванном роднике...

После каждого тура, комментируя игры с участием коллективов высшей лиги, Паоло Валенти, ведущий популярной телерубрики «Девяностая минута», с нескрываемым удовлетворением неоднократно замечал: «Неаполь всем нам преподает уроки гуманизма и порядочности».

А как же «цивилизованный», «европейский» Милан, где выходцы с юга служат полицейскими, официантами и носильщиками? Где два синьора, чинно беседующие о своих делах, скажут с пренебрежительной ухмылкой: «Джузеппе? Что с него взять! Неаполитанец...» Во время одной из игр с участием «Наполи» местные ультра подняли в верхнем ярусе трибун полотнище. На нем было написано: «Милан приветствует чемпионов из Северной Африки!» Справедливости ради надо сказать, что расистская выходка хулиганья вызвала такую бурю возмущения, в том числе среди поклонников миланской команды, что экстремистам от футбола пришлось во избежание неприятностей срочно убирать свою поделку.

На другой день об этом случае говорили и писали все. Причем так, словно всем друг перед другом было стыдно. Итальянцы считаются нетерпимыми к расизму. И для многих было прямо-таки обескураживающим найти его проявления у себя дома. Но из песни слов не выкинешь...

И вот пример совершенно обратного свойства. В предпоследнем туре первого круга «Наполи» приехал во Флоренцию. Не проиграв к этому моменту ни одной встречи, он лидировал в чемпионате, опережая «Интер» на 2 очка. Соперник — «Фиорентина» — был не из самых трудных, поскольку команду постоянно лихорадило и удачные матчи чередовались с откровенными провалами. Но интерес к этой игре

у местных болельщиков был велик. Не только потому, что против лидера все играют с полной отдачей, но и по другой, и главным образом именно по другой, причине: после долгого перерыва на поле должен был выйти любимец флорентийской публики Джанкарло Антониони. Его ценили за умную, техничную игру, за рыцарство по отношению к сопернику, за преданность клубу — в «Фиорентине» он сыграл пятнадцать сезонов подряд! Преданность в профессионализме? Да, он играл в родной команде столько, сколько мог сам и хотели хозяева клуба. После сезона, о котором идет речь, они расхотели... И бывший игрок сборной, сыгравший за нее 73 матча, забивший 7 голов и совершивший круг почета с Кубком мира в Испании, был вынужден податься в Швейцарию...

Но вернемся к игре «Фиорентина» — «Наполи». Антониони играл впервые после тяжелой травмы — двойного перелома в области голеностопного сустава. Вскоре после стартового свистка судьи на трибуне, что была полностью заполнена приехавшими поклонниками «Наполи», взвился плакат: «Антониони, спортивный Неаполь приветствует тебя!» Всего повидали любители футбола Италии, но такого еще не было. И надо же случиться, что в первом тайме ворота, защищаемые Гареллой, оказались напротив этой самой трибуны, что уже на 7-й минуте арбитр назначил в эти ворота штрафной удар, что к мячу подошел Антониони. Не будь в воротах сетки, мяч наверняка попал бы в приветственный плакат — он был как раз в нижнем ярусе прямо за воротами. Но мяч попал точно в угол... Воздадим еще раз должное тиффози «Наполи». Плакат они потом, правда, убрали, но автору гола аплодировали. Выше этого, поверьте, ни один болельщик Италии подняться не может.

Я останавлиюсь на этом матче потому, что получился он какой-то странный и странным образом повлиял на дальнейший ход чемпионата. В любом процессе есть критические моменты, которые меняют его ход в лучшую или худшую сторону. Игра во Флоренции словно стала зеркалом, заглянув в которое и футболисты «Наполи», и Диего Армандо Марадона поняли, что время эйфории и полоса сплошных удач остались позади...

Если есть на свете футбольная Фемида, то в тот день она явно забыла дома свои весы и беззастенчиво подыгрывала «Фиорентине». В конце первого тайма на табло уже светились цифры 2:0, причем второй мяч побывал в воротах «Наполи» после несогласованных действий в обороне. При всем этом счет как минимум должен был быть равным. Марадона, Джордано, Баньи, даже защитники Брусколотти и Феррара в упор расстреливали ворота «Фиорентины», но вратарь Ландуччи парировал все, что можно было парировать. И что нельзя — тоже.

Вторая половина встречи. По-прежнему хозяева, стараясь удержать преимущество, исполняли медленное танго, а Марадона и его товарищи шли вперед под лихую мелодию атаки. На 51-й минуте счет стал 1:2. Джордано от лицевой линии прострелил вдоль ворот. В забитой как минимум восемнадцатью игроками обеих команд штрафной площади только Марадона и мог отыскать микропространство, где он встретился с мячом, летящим на высоте пояса, мгновенно скоординировался и внешне незаметным движением лево ноги поймал Ландуччи на противоходе, «положив» мяч в тот угол, откуда сделал шаг, только один шаг, к центру ворот, голкипер. Его отчаянный прыжок в последний момент только еще более украсил гол.

Все, что происходило на поле оставшиеся минуты матча, походило на отчаянную схватку «Наполи» с фортуной. Атаки бело-голубых накатывались на Ландуччи одна за другой. Казалось, эти волны вот-вот захлестнут «Фиорентину»... Но минуты неумолимо уходили, а счет не менялся. В очередной раз замирал стадион: удар... мимо. И шумно вздыхал с облегчением.

На 75-й минуте Баньи таки закатил мяч в ворота. Но судья гол не засчитал. Мгновением раньше кто-то из форвардов «Наполи» нарушил правила.

82-я минута. Марадона выводит Баньи один на один с вратарем. Тот отчаянно бросается навстречу, но полузащитник «Наполи» технично перебрасывает мяч через Ландуччи. Гол? Перекладина...

Если и правда в этот день богиня удачи не была расположена к гостям Флоренции, то она сделала все, чтобы их поражение, в целом обидное и, что называется, не по игре, приняло гротескную форму. За минуту до конца игры мяч по-прежнему чертил замысловатые фигуры у ворот хозяев поля. Последний отчаянный штурм. Мяч попадает к Марадоне. Он у правого угла штрафной. Скорее пас к воротам, где двадцать человек своих и чужих, где свалка, борьба, но где есть единственный шанс нанести удар. Один, только точный, удар. Но передача Марадоны не находит адресата. В воздушной дуэли побеждает кто-то из защитников, и мяч отбит на несколько метров. Другой защитник в падении сильным ударом посылает мяч подальше от ворот, к Центру поля.

...Трудно винить голкипера «Наполи» Гареллу, что в этот момент он оказался в странной для вратаря точке футбольного поля. Поначалу, чтобы не заснуть в воротах, он бродил по вратарской площадке, потом по штрафной, а затем как-то незаметно для себя приблизился к центральному кругу. Откуда, очевидно, рассчитывал получше видеть картину боя, развернувшегося у неприятельских ворот.

А вот что делал у средней линии поля нападающий «Фиорентины» Монелли в тот момент, когда остальные десять его товарищей по команде стояли насмерть на последнем рубеже обороны?

Он рисковал получить от тренера нагоняй за «прогул», за уход от борьбы, за наплевательское отношение к команде...

А стал героем матча.

Отбитый мяч опустился точно ему в ноги.

Он взглянул вперед. Увидел остолбеневшего Гареллу. А вдалеке — пустые ворота.

Сделав несколько шагов, Монелли ударил.

Мяч, пролетев метров пятьдесят, ударился о землю, подскочил, прыгнул вперед, заскакал по траве, уже совсем «пешком» заполз в ворота и, едва-едва докатившись до сетки, остановился.

Поражение, кроме того, что получилось смешным, лишило «Наполи» единоличного лидерства. «Интер» свой шанс не упустил — обыграл «Аталанту» и по очкам сравнялся с соперником.

Марадона «не переварил» флорентийскую неудачу. После игры, злой и раздраженный, он сказал только: «Проигрывать таким образом — абсурдно, я до сих пор не верю в случившееся».

Окружившие его корреспонденты рассмеялись.

И может быть, зря.

Отношения с ними у Марадоны к этому моменту оставляли желать лучшего.

Раздвоение продолжалось. Жизнь на футбольном поле и вне его напоминала две параллельные, а потому никогда не пересекающиеся прямые.

Одна — полная удовлетворения.

Другая — с привкусом горечи.

Но особенно противным этот привкус стал незадолго до того, как «Наполи» утвердился в роли явного лидера.

В один прекрасный день — хотя его скорее нужно назвать черным — некая молодая неаполитанка Кристиана Синагра, доселе никому не известная, благополучно разрешившись от бремени в местной клинике, заявила: «Это сын Диего Армандо Марадоны».

Что тут началось! Сенсация сама свалилась в руки. И какая!

Правда? Неправда? Что это за Синагра? И каким образом она вообще могла попасть в круг знакомств футбольного маэстро? И пока молодая мать, ставшая вдруг знаменитостью, давала интервью и рассказывала о своем «романе» с Диего, толпы пишущей братии ринулись искать правду к самому Марадоне.

Взбешенный аргентинец предложил всем, кому это интересно, общаться с ним через адвоката. Наиболее дотошных Корреспондентов он попросту послал куда подальше. Итальянская пресса не любит, когда с ней обращаются неучтиво. История Синагры обрастала подробностями и деталями. Правда, при этом не забывали употреблять слово «якобы». На всякий случай. А вдруг все же «утка»? Шум затих через несколько недель. Неспортивная игра окончилась вничью, точнее, ничем. Если применить здесь юридическую терминологию, то, исходя из презумпции невиновности, Марадону следовало оправдать за недоказанностью, за недостаточностью улик. Что в общем и было сделано.

Но осталось ведь недоказанным и обратное! А там пойдешь разберись, что правда, что нет. Да и кто будет разбираться? Обыватель хочет острых ощущений? Он их получил сполна.

В любом случае Марадоне можно было только посочувствовать.

Он сузил круг друзей и знакомых. По вечерам исчезал из поля зрения: уезжал в немногочисленные «верные» рестораны или дискотеки, где его не могли достать поклонники или журналисты.

Марадона, я уже говорил, обидчив и самолюбив.

Критику он воспринимает болезненно, даже если она справедливая. Миллионы итальянцев каждое воскресенье видят аргентинца в деле, в игре. Тут все как на ладони. Отыграл неважно — неопровержимый факт.

После удачных игр — а их, без сомнения, большинство — о нем пишут: «Марадона выиграл матч», «Марадона спас команду». Это ему льстит, и в ответ он старается держаться скромнее: «Один. Марадона ничего не может. В том, что мы сегодня победили, заслуга всех».

Но бывает и другое. Фразы наподобие «Марадона сегодня был ничем не лучше остальных» колющие. Они словно напоминание: разве не для того ты получаешь немыслимые деньги, чтобы творить чудеса?

Но творить их постоянно, в каждом матче — невозможно.

Хотя, по совести говоря, весь первый круг чемпионата это ему удавалось. И даже злополучная игра во Флоренции, казалось, является случайным эпизодом, кратковременной остановкой на долгом пути. Тем более что в очередной встрече «Наполи» разгромил «Асколи» и стал «зимним чемпионом», как в Италии именуют команду-победительницу первого круга.

Второй начался неудачно. В первой же игре против «Брешии» Марадону подстерегали неприятности. Прошло лишь несколько минут, и он оказался на земле, грубо сбитый защитником. Потребовалась медицинская помощь. Но после обезболивающего укола аргентинец вернулся на поле. В начале второго тайма — еще один жестокий удар сзади по ногам. На этот раз врачи были бессильны. Марадону уносят на носилках под аплодисменты трибун. С этого дня и до конца турнира он постоянно будет играть с недолеченными травмами. Но пока «Наполи» идет уверенной поступью, это не так заметно...

Тем временем наступление бело-голубых продолжалось. «Удинезе» — «Наполи» — 0:3, «Наполи» — «Авеллино» — 3:0, «Торино» — «Наполи» — 0:1. И лишь внимательный взгляд специалистов отмечал: даже в выигранных встречах игра лидера стала чуть менее яркой, чуть более натужной. Стала исчезать та легкость и непринужденность, при которой футболисты без видимых усилий переигрывают соперника.

Теперь для победы приходилось затрачивать все физические силы. А в ряде эпизодов ворота «Наполи» оставались «сухими» лишь благодаря невероятным промахам нападающих противника.

Но широкая зрительская аудитория в первую очередь замечала другое: увеличивавшийся разрыв между лидером и ближайшими преследователями. Он достиг 6 очков. И хотя до финиша соревнований оставалось еще одиннадцать туров, шансы «Наполи» на скудетто расценивались очень высоко. Тем более что и в стане конкурентов дела обстояли не блестяще — каждый из них переживал затяжные спады в игре. И тут чья-то неизвестная рука швыряет камень в машину Марадоны.

Разумеется, сам по себе факт неприятный. Но по итальянским меркам — ничего из ряда вон выходящего. Подобное случается частенько, и стоит ли усматривать в хулиганской выходке особый смысл?

У Сальваторе Баньи крадут автомобиль. Затем второй.

Кому надо трепать нервы игрокам «Наполи»? «Да это не нервотрепка, а предупреждение», — говорят в Неаполе. И по городу ползут тревожные слухи: да, есть люди, которые не хотят победы команды в чемпионате и сделают все, чтобы ей воспрепятствовать. Это каморра, местная мафия.

Помните ставки на подпольном тотализаторе? То, что за кулисами этого бизнеса стоит мафия, в Неаполе знают даже дети. Но зачем же «отцам» города лишать триумфа команду, за которую они сами отчаянно болеют? Кстати, в начале восьмидесятых годов произошел один курьезный случай, когда известный мафиози поплатился за неумную страсть к футболу. Долгое время он благополучно скрывался от правосудия, но когда подходил к концу футбольный сезон, желание посмотреть на своих любимцев взяло верх над осторожностью, и он явился на стадион. Карабинеры арестовали незадачливого болельщика прямо на трибуне. А по дороге, словно забыв, куда они едут, задержанный в наручниках горячо доказывал конвоирам, что лучше «Наполи» в мире нет команды...

Так вот, тотализатор. Вряд ли его организаторы, принимая ставки на «Наполи» в размере 1 к 13, рассматривали свою команду как серьезного претендента на титул чемпиона и за деньги особенно не волновались. Однако когда стало ясно, что бело-голубые не шутят и на всех парах несутся к первому в своей истории скудетто, бизнесмены встревожились. Им не надо было заканчивать университетов, чтобы понять: за 20 миллиардов лир, которые в целом поставлены на «Наполи», придется выплачивать 260 миллиардов. Мероприятие, после которого можно утешаться разве тем, что бедность — не порок. Но беднеть каморристы не собирались и потому стали думать, как дать понять притким Марадоне и компании, что для чемпионства они еще не доросли.

В дело была вовлечена прокуратура. Чем она конкретно занималась, знать никому положено не было. Гоняться за мафией — то же, что и за ветром в поле. Лишь значительно позже, к концу чемпионата, в печать просочились слухи о том, что произошла ошибка и «люди чести» отнюдь не собираются отнимать у «Наполи» столь вожаденного скудетто. Не исключено, что слух пустила сама мафия, дабы никто не сомневался в ее «честной» любви к своей команде.

«Уточненный вариант» тотализаторного дела представили так: большая группа эмигрантов с юга, проживающая в северных городах Италии и болеющая за «Ювентус» и «Интер», якобы раззадорила «боссов» Неаполя заявлениями вроде того, что «слабо вашим неаполитанцам тягаться с «грандами» итальянского футбола». Оскорбленная в своих патриотических чувствах каморра тут же отреагировала: ставим миллиард против тринадцати на «Наполи». Вызов был принят, но, что самое во всей этой истории смешное, денег для того, чтобы расплатиться в случае своего поражения, у северян... не было. Вот тогда-то они — они, а не неаполитанская «патриотическая» мафия — стали якобы ставить палки в колеса лидеру.

Какая версия из двух ближе к правде, так никто и не узнал. А когда «Наполи» стал чемпионом, дело попросту было забыто. Но история со ставками, несомненно, подтверждает уже утвердившуюся истину:

мафия как социальное явление, как образ жизни давно перестала быть «визитной карточкой» итальянского юга. Она вполне вольготно живет и «работает» на респектабельном севере страны.

Повлияли ли тогда сообщения о закулисных маневрах вокруг «Наполи» на саму команду?

Ее юрист Винченцо Синискальки заявил: «Мы сигнализировали полиции о всех случаях, происшедших с нашими игроками, а точнее, вокруг них. Поставили также в известность прокуратуру. Но, если говорить конкретно, пока не видно прямой связи между этими инцидентами и слухами о подпольном тотализаторе».

Марадону тогда прямо спросили, получал ли он от кого-либо угрожающие письма. Ответ был отрицательным.

Шум вокруг возможного вмешательства мафии в ход чемпионата совпал и без того не с самым лучшим для «Наполи» периодом. Ряд футболистов выглядели уставшими. Давил психологический груз: «ВЫ ДОЛЖНЫ СТАТЬ ЧЕМПИОНАМИ». Это «должны», как впоследствии вспоминал аргентинец, часто заставляло выходить на поле взвинченными до предела. Неаполь не простил бы, если скудетто, которыми заранее стали украшать улицы города, вытащили бы у «Наполи» из кармана. В очередном матче против «Сампдории» на своем поле команда не походила на саму себя. Гости, особенно в первом тайме, переигрывали «марадонцев». Серезо открыл счет. Он же еще дважды ухитрился не забить из таких положений, когда мячу, казалось, деваться было некуда. Наказание за расточительность последовало в конце тайма.

Гол забил Марадона, причем забил низко летящий мяч... головой, находясь в окружении двух высоченных стопперов «Сампдории» Верховода и Пеллегрини. Весь эпизод выглядел весьма забавно. Думал ли тогда Диего, что следующего гола ему придется ждать... 620 минут игрового времени?

Ничья с «Сампдорией» особо не встревожила. Вышедшая, правда ненадолго, на вторую строку в таблице, «Рома» держалась на почтительном отдалении в 5 очков.

Но игра «Наполи» тускнела.

В следующем туре — вымученная победа над аутсайдерами, командой «Аталанта», — 1:0, затем нулевая «гроссмейстерская» ничья на «Сан-Паоло» с «Ромой». После этого предстояла поездка в Милан, где кандидатов в чемпионы должен был экзаменовать «Интер».

Положение в таблице после 22-го тура было таково: «Наполи» — 34 очка, «Рома» — 29, «Интер» и «Ювентус» — по 28.

Всю неделю накануне матча Марадона практически не тренировался: давала о себе знать старая травма. Участие аргентинца в игре оставалось под сомнением вплоть до воскресенья. Лишь утром, незадолго до отъезда на стадион, личный врач Марадоны аргентинец Рубен Дарио Олива, пять дней подряд колдовавший над божественной левой, заявил: «Играть можно». Но было ясно, что ждать чудес от Диего нереально.

Тем не менее в первом тайме «чемпионы из Северной Африки» (а именно на этой игре горстка молодчиков вывесила печальной известности плакат) непринужденно переигрывали хозяев поля и имели несколько отличных моментов, увы, неиспользованных. То ли из-за легкости, с которой давалась игра, то ли из-за желания обезопасить себя от случайностей (а ничейный исход матча все игроки «Наполи» считали удачным), но после перерыва гости почти отказались от активных действий. Инициатива перешла к черносиним. Они надолго обосновались на половине поля южан, хотя извлечь что-либо реальное из этого им не удавалось. Более того, во время одной из редких контратак «Наполи» чуть не грянул гром. Пытаясь разрядить обстановку, защитник «Интера» Ферри решил отыграть мяч своему вратарю. Сделал это он так

неловко, что вместо Дзенги мяч попал к Марадоне, стоявшему между защитником и вратарем. Аргентинец с лёта перебросил мяч над обреченным голкипером. Описав крутую дугу, мяч опустился... за ворота.

Хохот, свист, шикание миланских болельщиков.

Решив, очевидно, что в этот день даже святой Януарий не в силах расколдовать ворота «Интера», неаполитанцы бросили все попытки перейти в нападение и решили играть на ничью.

Но футбол иногда восстает против подобных компромиссов.

За 5 минут до конца встречи поданный в штрафную «Наполи» мяч отскочил к защитнику «Интера» Бергоми, стоявшему у угла вратарской. Этот игрок, давно и прочно занимающий место в составе национальной сборной Италии, помимо того, что он просто хороший защитник, еще и опасен для вратарей соперников. Об этом помнят футболисты сборной Греции. В октябре 1986 года она проиграла итальянцам — 0:2, и оба мяча тогда неотразимыми ударами издали забил Бергоми. А тут до ворот «Наполи» — рукой подать. Вложив в удар столько сил, сколько у него оставалось, Бергоми пробил. Гарелла увидел мяч только тогда, когда он вылетел из сетки...

Свое второе поражение в сезоне тренеры и игроки «Наполи» восприняли очень болезненно. В раздевалке царил подавленное настроение. Даже вечно невозмутимый старший тренер Бианки на послематчевой пресс-конференции не выдержал. На ехидный вопрос кого-то из корреспондентов: «Знаете ли вы, в чем причина сегодняшней неудачи?» — Бианки запальчиво ответил: «Если это знаете вы, то позвоните мне домой по такому-то номеру». Мрачным выглядел и Диего Марадона. Бросил только короткую фразу: «Когда не тренируешься недели, на большее рассчитывать нельзя».

Он конечно же сознавал, что победа над «Интером» практически открывала «Наполи» врата в рай. И особенно переживал оттого, что именно ему судьба предоставила шанс распахнуть их настежь, шанс, которым он не воспользовался.

Травма? Кто о ней вспомнит, когда 2 очка безвозвратно потеряны?.. Даже свои болельщики обиженно притихли. А миланские? Радостно опьяненная выигрышем толпа окольцевала главный выход, приготовив изрядную порцию улюлюканья и оскорбительных выкриков...

Со стадиона Марадона выбрался через черный ход. Шмыгнул в вызванное по телефону такси, и через мгновение машина растворилась в лавине автомобилей.

«Гадзетта делло спорт» в понедельник утром констатировала: «Марадона сыграл против «Интера» так же, как он играл все последние матчи. С той лишь разницей, что на этот раз он ухитрился не забить уже почти забитый гол».

Нужно ли говорить, что такие слова не способствовали хорошему настроению аргентинского чемпиона...

Обнаружилось вдобавок, что незыблемое доселе турнирное положение «Наполи» вдруг стало вселять определенные надежды в преследователей. Как говорят в таких случаях итальянцы, «чемпионат вновь открылся». «Рома» и «Ювентус» в тот день свои игры выиграли и приблизились к лидеру «Наполи» по-прежнему шел впереди каравана с 34 очками но разрыв в 3 очка с «Ромой» и в 4 с «Интером» и «Юве» уже не казался глубокой пропастью, тем более что до финиша оставалось семь туров.

Ответ на многие вопросы должна была дать очередная встреча. Календарь свел на «Сан-Паоло» «Наполи» и «Ювентус».

Марадона против Платини.

Уже знали, что Мишель заканчивает свою карьеру. Последний сезон в Италии сложился для него неудачно. Лучший бомбардир трех подряд чемпионатов Италии (с 1982 по 1985 год), обаятельный, корректный, всегда улыбающийся француз захандрил. И было от чего. Не «шла» игра. Не давались голы. Но матч в Неаполе он провел с большим подъемом, как в лучшие годы. И хотя гости все же проиграли, болельщики «Наполи» проводили Платини аплодисментами. У местных тиффози вообще было восторженное состояние. Отодвинут на 2 очка «Ювентус». Оконфузилась «Рома», проиграв уже, по сути, команде первой лиги «Удинезе». Не пошел дальше нулевой ничьей «Интер». В ту ночь Неаполь спал крепким, здоровым сном. Бело-голубой фрегат вновь ускорил ход и оставил неприятельскую эскадру за кормой...

Посредственная игра Марадоны на этот раз не стала предметом споров и обсуждений.

Впрочем, что такое для Марадоны посредственная игра?

Я видел в видеозаписи второй тайм встречи «Наполи» — «Ювентус».

Два удара по воротам издали — оба раза мяч пролетал впритирку с боковой стойкой, один удар в падении головой каким-то чудом парировал вратарь. Пять-шесть передач метров на тридцать пять-сорок, находивших партнеров на противоположном фланге, несколько стремительных рывков, обострявших положение у ворот Таккони, несколько обычных фокусов с мячом, в результате которых защитник соперника последнее мгновение единоборства проводит уже на четвереньках. Вот и все. А в остальном — играл как все. Если бы все в футболе всегда играли так же «посредственно»!

Но для Диего это действительно был не лучший, далеко не лучший матч.

Его игра измеряется своими, особыми мерками. И Марадона знает об этом. Поэтому некоторые его обиды на критику трудно оправдать.

Тот матч с «Ювентусом» состоялся 29 марта.

А 2 апреля счастливый Марадона принимал поздравления. Но не по поводу его футбольных подвигов. Из Аргентины раздался телефонный звонок, и Диего узнал, что он стал отцом. На сей раз настоящим. Не героем сомнительных сплетен, а обладателем дочери, которую было решено назвать Далмой, в честь матери Диего. Капитана «Наполи» и его жену разделяли тысячи километров, он хотел вылететь в Буэнос-Айрес немедленно, но через два дня предстояла игра в Эмполи, и покинуть команду даже в связи с таким необычайным обстоятельством Марадона не мог.

Он сообщил Клаудии, что вылетит в воскресенье, как только выберется из Эмполи. Клаудия — мать Далмы, его любимая женщина. Официально они не состоят в браке, но дружат с детства, давно обручены и, несмотря на отсутствие брачного свидетельства, считают себя мужем и женой.

По этому поводу Марадона сказал:

— Кусок бумаги в ящике стола не может гарантировать любви. Много лет назад мы с Клаудией сказали об этом друг другу. И с тех пор наше мнение не изменилось. Однажды какой-то священник меня спросил: «Как вы встречаетесь с папой Римским и при этом не состоите в браке с женщиной, которую любите?» Я ответил: «Уважаю вашу точку зрения, но вы должны уважать мою. Я отнюдь не чувствую себя меньше католиком, меньше верующим, не состоя в браке».

Однажды его спросили:

— Вы когда-нибудь изменяли Клаудии?

— Никогда. Но если бы это случилось, я бы ни за что на свете не признался.

В этом весь Марадона.

Перед игрой в Эмполи команда «приняла обязательство»: выиграть и победу посвятить новорожденной. В ее же честь Диего пообещал обязательно забить хозяевам хотя бы один мяч. Но не забил. А команда не выиграла. Однако винить неаполитанцев не в чем. «Эмполи», находившемся в нижней части таблицы, очки также были необходимы. И все же не миновать бы ему разгрома, не будь в ударе его вратарь Драго. Он словно решил оправдать свою «драконовскую» фамилию (Драго по-итальянски «дракон») и играл так, будто имел не две руки, а десяток лап. Парировав десятка полтора мячей, он в одиночку отнял у «Наполи» очко и отправил Марадону в Буэнос-Айрес на голодном голевом пайке. Впрочем, в тот день аргентинца трудно было вообще чем-нибудь расстроить.

По пути в аэропорт он узнал о предложении одной рекламной фирмы: 2 миллиарда лир за фотографию Далмы и ее использование в рекламных целях. Марадона категорически отказался. «Я не желаю, чтобы моя дочь в возрасте трех дней уже становилась предметом торга и источником чьих-то барышей».

На родине он пробыл три дня. Хватило на то, чтобы, как он выразился, «только обнять жену и дочь». И снова длительный, утомительный перелет на Апеннины, снова впереди игра, готовиться к которой практически уже некогда.

Нужно ли говорить о том, что и физически, и психологически ему было трудно. А тут еще матч важный и принципиальный — с «Вероной», рвущейся в первую пятерку, что дает право выступать в европейских турнирах, той самой «Вероной», с которой у «Наполи» при Марадоне сложились особые отношения и появились взаимные счеты... Помните первое поражение — 1:3? Помните 5:0 и удивительный гол аргентинца с центра поля?

Возможно, тренерам «Наполи» следовало рискнуть и дать капитану передышку. Тем более, как выяснилось, и рисковать-то было нечем.

Аргентинец сыграл плохо. И не только он. С первых же минут команда буквально рассыпалась. На половину поля «Наполи» налетел шквал, а когда буря утихла, бесстрастное табло высвечивало цифры 3:0. К концу игры «Верона», удовлетворенная результатом, прекратила наступательные действия, но окончательно деморализованные гости не в состоянии были позаботиться хотя бы о своем престиже. Не помог даже пенальти на последних минутах. Марадона пробил несильно, и вратарь Джулиани взял мяч, а с ним — частичный реванш за гол-насмешку, забитый ему два года назад.

Знаете, что заявил аргентинец после игры? С трудом сдерживаясь, чтобы не сорваться, он отчеканил: «Именно сейчас, после этого поражения, я как никогда уверен — чемпионом станет «Наполи»!»

Вокруг заулыбались. Марадона пояснил: «У каждой команды в чемпионате должен быть самый худший матч! Мы его сыграли сегодня. Но такого больше не произойдет. И потом, у нас в запасе целых два очка!»

Целых? А может быть, всего?

Это как посмотреть.

Накопленное за долгую дистанцию турнира преимущество почти растаяло. За четыре тура до финиша у «Наполи» сохранялось 39 очков.

«Интер» дышал в затылок: еще одна осечка лидера, и они сравняются.

Воздав по заслугам футболистам «Наполи», и особенно Марадоне («Худший матч за три года», «Семья семьей, а футбол футболом» — вояж аргентинца на родину тоже не забыли), пресса занялась «Интером». «У «Наполи» есть конкурент!», «Интеристы» обещают: «Теперь-то уж мы своего шанса не упустим!» — запестрели газетные заголовки. И футболисты «Интера», еще недавно и не помышлявшие о

возможности соперничества в борьбе за обладание скудетто, вдруг оказались единственной надеждой «остальной» Италии. Нет, большинство специалистов и любителей футбола по-прежнему считали: шансы «Наполи» предпочтительнее. Но чемпионат действительно стал «открытым»! Осмелевшие игроки «Интера» грозили «поставить все на свое место». А притихшие тиффози «Сан-Паоло», прикидывая, кому с кем играть на финише, начали ворчать вслух: «Марадона? Может быть, он вспомнит, что приехал сюда забивать голы...»

Период футбольного бесплодия у аргентинца явно затянулся. Шесть игр подряд без гола. Поклонники Диего Армандо Марадоны приуныли. Кое-кто пошел на крайнюю меру: убрал флаг с портретом кумира. На городских улицах прекратилось полуночное пение. Над Неаполем повисла пелена тревоги. А вдруг? Вдруг то, что вчера казалось неопровержимым, завтра разлетится на мелкие кусочки?

Разбитые мечты хоть неубыточны.

А что будет с деловыми людьми, которые превратили страсть горожан к футболу в доходное дело?

После победы «Наполи» над «Ювентусом» сомнения, казалось бы, рассеялись. И долго ожидавшая команды машина околоспортивного бизнеса пришла в движение.

По специальному заказу стали изготавливать необъятных размеров знамя, которым в день победы должны были укрыть... Везувий.

Предприниматель Витторио Эспозито, еще три года назад запатентовавший свое изобретение — неоновый светильник голубого, под цвет клуба, оттенка с буквой «N» посередине со светящимися лицами игроков на фоне курящегося Везувия, но главное — с символом скудетто, решил: пора. Задумал он вещь чрезвычайно эффектную: в ночь, когда город будет праздновать завоевание первого в истории чемпионского титула своей командой, на тысячах балконов Неаполя зажгутся голубые фонарики...

В музыкальные магазины уже стали поступать первые сотни магнитофонных кассет и пластинок с записью «Гимна победителям», сочиненного Антонелло Ронди и Бруно Ланца. И за месяц до окончания турнира в квартирах зазвучала мажорная мелодия.

А фирма «Комер», затратив немалые деньги, купила право помечать свои изделия специальным клеймом. Теперь любители, а главным образом любительницы, носить колье, браслеты, кольца могли приобрести украшения с проштампованной на них эмблемой команды...

И вдруг крушение надежд? И с ними банкротство? Никому не понадобятся ни фонарики, ни серьги, ни кассеты? Что будет делать Антонио Матино — кустарь, забросивший свои горшки и тарелки и все силы отдавший изготовлению фарфоровых фигурок Марадоны? Кто будет заказывать в trattoriaх и ресторанах знаменитую пиццу «Марадона», за которую надо платить вдвое дороже? И как быть десяткам тысяч неаполитанцев, у которых вера в футбол, надежда на него и любовь к нему являются единственными «предметами» роскоши в убогих квартирах?

До следующего, 27-го тура оставалось две недели. Перерыв был связан с традиционными пасхальными каникулами. Два раза в год — на рождество и пасху — Италия замирает. Даже в футбол не играют.

Команда получила возможность оправиться после нокаута в Вероне, собраться с силами. Бианки увеличил нагрузки на тренировках. Наиболее верные поклонники приходили на стадион взглянуть, как готовятся к встрече с «Миланом» их любимцы. Джордано, Гарелла, Баньи, Мурро, Брусколотти... Не было среди них только Марадоны.

На следующий день после веронского крушения он... улетел в Аргентину.

Подальше от ажиотажа, поближе к Клаудии и дочери.

Но это только подлило масла в огонь.

Теперь за участвовавшие скитания аргентинца ругали все: и пресса, и болельщики. «В такой деликатный момент можно было бы и воздержаться от развлечений за океаном и поискать их поближе к «Сан-Паоло», — возмущался сидящий рядом со мной в римском баре явный уроженец Неаполя с чашкой кофе в одной руке и с газетой в другой. Фотография на четверть страницы запечатлела Марадону в машине, мчащейся по улице Буэнос-Айреса. Его безмятежная улыбка резко контрастировала с настроением моего соседа. И не только его. Вся многочисленная рать поклонников «Наполи» пребывала в хандре. Но если Италия читала корреспонденции из Аргентины, то, очевидно, Диего тоже, в свою очередь, имел возможность узнать из газет о настроениях на Апеннинах. На третий день пребывания в Буэнос-Айресе он дал интервью корреспонденту итальянской газеты «Коррьере делла сера».

— Не понимаю, в чем причина столь серьезной обеспокоенности, столь великих страхов. Против «Вероны» команда играла ослабленной. Несколько человек выступали с травмами. Не в стопроцентной кондиции находился и я. Боль в левой ноге не позволяла совершать рывки, а без них нет и Марадоны. Но к чему весь этот шум? Мы впереди на два очка, и если бы кто-нибудь перед началом сезона предложил нам такую ситуацию за четыре игры до конца чемпионата, все бы согласилось с огромной радостью. Что касается поездки в Аргентину, то это моя личная жизнь, не имеющая к футболу отношения, и здесь я вполне могу обойтись без советчиков.

— Когда вы намерены вернуться в Италию?

— Не знаю. Это зависит не только от меня.

Для израненных неаполитанских душ слова Марадоны бальзамом не являлись.

Но, говоря о том, что не все от него зависит, Марадона не кривил душой. Они с Клаудией приняли решение приехать в Италию втроем, однако для этого нужно было оформить необходимые бумаги, связанные с регистрацией акта о рождении Далмы. Занятие, на которое ушло несколько дней. А в Неаполе эти дни считали на пальцах. Четверг — не прилетел. Пятница — не прилетел. Суббота... Когда же, черт побери, он появится?

В воскресенье 19 апреля группа корреспондентов, дежурившая в римском аэропорту «Фьюмичино», увидела наконец невысокую плотную фигуру чемпиона мира, которого сопровождала Клаудия с дочерью на руках. На вопросы Марадона отвечать отказался. Пожелав всем встречавшим счастливой пасхи, он с семейством быстро погрузился в автомобиль Нандо Синьорини, личного тренера по атлетической подготовке, и джип, не теряя времени, рванул на автостраду ведущую к Неаполю.

Это воскресенье могло и должно было стать днем успокоения.

Диего вернулся. И не один, а вместе с семьей. Значит, теперь ему никуда не нужно летать и он сможет думать только о футболе. И время еще не потеряно. До очередной игры остается неделя. Усиленные тренировки вернут аргентинцу нужную кондицию. Четыре игры, всего четыре матча до желанной цели. Вперед, «Наполи», форца «Наполи»!

Как знать, будь на месте Марадоны другой человек, может, временное похолодание в отношениях между городом и футболистом тут же и прекратилось бы.

Но на сей раз масла в огонь подлил Диего.

Почитав все, что о нем пишут, послушав все, что о нем говорят (а говорили и писали о тревогах по поводу его неважной спортивной формы), Марадона не нашел ничего лучшего, как гасить пожар бензином.

«За последнее время я понял, что Неаполь больше меня не любит. Что ж, коль иссякает любовь, значит, предстоит развод».

Трудно было придумать более сильное средство для того, чтобы вызвать в городе панику и повергнуть его жителей в состояние глубокого шока.

Оскорбленные в своих лучших чувствах, тиффози мигом оказались разделенными на два лагеря. Одна половина Неаполя горячо запротестовала: «Нет, Диего, ты не прав. Ты был и есть наш идол и дьявол. Мы тебя по-прежнему боготворим, а наши замечания в твой адрес продиктованы единственным желанием видеть «Наполи» с тобой во главе на вершине итальянского футбольного Олимпа. Мы верим в тебя, и ты убедишься в нашей преданности в воскресенье. Только сыграй, как может играть Марадона. И не придавай так много значения словам».

Но была и другая половина. «Марадона, послушай! Хватит. Нам надоели полемика и твои бесконечные обиды. Ты не мальчик, чтобы по каждому поводу топтать ножкой и делать угрожающие заявления. Вспомни про город, которому ты обещал скудетто, вспомни о том, сколько минут ты провел на поле без гола. И наконец докажи игрой и забитыми мячами, чего ты стоишь!»

Марадоне трудно было завидовать в те дни. К не залеченной до конца травме, к неважному физическому состоянию, к уязвленному самолюбию теперь добавился ультиматум: «В воскресенье или никогда».

Так уж сложилось, что в канун, по сути дела, решающего матча против «Милана», то есть в самый неподходящий момент, Неаполь бурлил, как гигантский растревоженный улей.

За день до игры известный писатель и режиссер Лучано де Крешенцо, неаполитанец, написал в газете «Коррьере делло спорт»: «Вне сомнения, Марадона переживает не лучший свой момент. У него много разных проблем. На его месте я бы предпочел ответить на все вопросы игрой. Пусть он знает, что Неаполь сделал его своим сыном и никогда не отвернется от него. Возможно, в будущем сюда приедут играть другие звезды. Но разве кто-нибудь забудет Марадону? Нет, ибо он член нашей большой семьи. Можно сменить машину или квартиру, но не сына. И потом, где он еще найдет такой климат, как в Неаполе? Пусть он завтра покажет, на что способен, и он поймет, что никто и никогда не отпустит его из этого города!»

Марадона и сам понял, очевидно, что переборщил, и пошел на попятную. «Возможно, я не очень точно выразился. Я готов играть в этом городе еще десять лет», — оправдывался он.

Но одним запоздалым заявлением трудно было замазать образовавшуюся трещину.

Оставался один выход. Играть. Выиграть. Забить.

Город у моря с замиранием сердца ждал матча с «Миланом». Мало было неаполитанцам приключений с Марадоной. Тут еще всплыла на свет почти анекдотичная история.

Я уже говорил в начале книги, что земляки — команды «Интер» и «Милан» — поделили Милан на два непримиримых, враждующих лагеря. Естественно, в финальной дуэли чемпионата между «Наполи» и «Интером» все болельщики «Милана» страстно болели за южан. Дошло до того, что в канун игры 26 апреля между «Наполи» и «Миланом» группа «ультра» и некоторые клубы черно-красных призвали своих любимцев... проиграть, дабы открыть дорогу неаполитанцам к первому месту. Ну да бог с ними, на то они и фанаты, чтобы выворачивать футбол наизнанку. Но ведь разговоры о податливости «Милана» велись не только среди «ультра»... «Да проиграют они вам без борьбы, какой им смысл упираться, все равно два очка в их турнирной судьбе ничего не значат. Радуйтесь!» — вот так подавалось поклонникам «Наполи» предстоящее игрище.

Казалось бы, «радуйтесь».

Но тиффози бело-голубых взорвались в приступе негодования. Перед стадионом проходили стихийные митинги протеста, ревела толпа: «Нам не надо грязной победы, тем более с помощью, о которой мы не просим. «Наполи» должен завоевать скудетто в борьбе, а не получить его в результате сведения чьих-то счетов!»

Сами игроки «Милана» в многочисленных заявлениях и интервью клялись: «Мы знать ничего не знаем о настроениях болельщиков. Как и в любой встрече, в Неаполе мы будем бороться за победу».

Другого им ничего и не оставалось. В обстановке, накаленной до предела, когда на прямоугольник «Сан-Паоло» уставился мощный луч всеобщего внимания, «продавать» или «отдавать» игру было бы для миланцев равно самоубийству.

Отработали ли они на поле в полную силу? Было похоже на то, а если и нет, то этого никто не заметил. Просто здорово сыграли все 11 игроков «Наполи».

В середине первого тайма Карневале открыл счет.

А вскоре в ворота, защищаемые Галли, последовал и второй мяч. Это было сладкое мгновение примирения Марадоны с публикой.

На левом краю атаки мячом завладел кто-то из игроков в голубой майке. Параллельно ему ближе к центру двигался Марадона, которому и последовала передача. Аргентинца плотно опекал «сторож», а в двух метрах находился страхующий защитник. Наверное, следует сказать, что пас партнера не был идеальным. Мяч был послан довольно сильно и не по земле, а на высоте колена. Чтобы извлечь из ситуации что-то конкретное, нужно было быть Марадоной. Далеко вытянув вперед левую ногу, он принял мяч, и тот словно приклеился к носку его бутсы. Мягко положив мяч на газон, аргентинец резко замедлил ход, что автоматически повторили оба защитника. Ну а остальное было «просто». Последовал тот самый знаменитый рывок, без которого «нет Марадоны», и в мгновение ока соперники остались далеко за спиной. Диего вышел к воротам, дождался, когда вратарь

Галли бросится наперерез, обвел его и тихонько толкнул мяч в ворота. Сразу два миланца, мчавшиеся на помощь голкиперу, попытались в отчаянных шпагатах предотвратить беду, но их свидание с мячом состоялось уже за линией ворот...

Совершив какой-то невероятный пируэт, Марадона с торжествующе вскинутыми руками помчался вдоль лицевой линии к трибуне. Затем рухнул на колени и так проехал метра три по скользкой траве. Впрочем, в одиночестве ему пришлось пребывать недолго. Сверху на него обрушились товарищи по команде, и через несколько секунд Диего Армандо Марадона исчез в ликующем бело-голубом водовороте.

Оставшиеся 60 минут матча стадион «Сан-Лаоло» больше напоминал городскую площадь во время карнавала. Забитый «Миланом» незадолго до финального свистка гол престижа никак не повлиял на настроение публики. Лишь на несколько минут она было приутихла, когда радио донесло из Милана сообщение о том, что «Интер» тоже совершил двухочковый шаг и по-прежнему находится в неприятной близости от лидера. Но только на несколько минут. Трудно сказать почему, но болельщики «Наполи» свято верили в окончательный успех команды при условии, что она обыграет именно «Милан». Хотя, если приглядеться внимательнее к сложившемуся тогда положению, повод для смелых выводов у неаполитанцев действительно был. Во-первых, «Милан» являл собой последнего опасного соперника — остальные матчи кандидат в чемпионы проводил с середняками. Во-вторых, трудно было представить, что мощный рывок во втором круге «Интера» может продолжаться без конца и без последствий — слишком много физических и моральных сил потребовал он. К тому же календарь подсказывал: финиш турнира для черно-синих будет архисложным — две игры из трех им предстояло провести на чужих полях и вдобавок с

аутсайдерами, отчаянно пытавшимися выкарабкаться из пропасти в таблице. Но самое главное заключалось в другом: забил наконец Марадона. И не просто забил, а показал отличную игру. И едва прозвучал свисток судьи, зафиксировавшего результат 2:1 в пользу хозяев поля, как к аргентинцу устремилась туча корреспондентов. На этот раз Диего было приятно давать интервью. Он улыбался. Да, он верит в скорую победу «Наполи», потому, что сегодня его команда сильнее других. Она не ожидает подарков от противников. Она в состоянии позаботиться о своей судьбе.

«Наполи» «пешком» пересек финишную черту сделав в заключительных встречах три ничьи подряд. Но и этого с лихвой хватило для победы. Что же касается «Интера», то предположения специалистов и болельщиков о возможном срыве на финише полностью оправдались. Дело кончилось конфузом: набрав всего 1 очко из 6 возможных, миланцы не только подписали капитуляцию в борьбе с «Наполи», но вообще оказались на третьем месте, пропустив вперед еще и «Ювентус». Ну а Неаполь за тур до конца чемпионата пришивал на футболки заветный трехцветный щит — скудетто.

Не скрою, мне очень хотелось увидеть воочию пиршество победителей, тем более что неаполитанцы неистощимы на всяческие выдумки и фокусы. Но так уж случилось, что в те дни мне пришлось покинуть Италию и улететь на Мальту, где тоже бушевали страсти, но страсти политические — в стране проходили всеобщие выборы. Когда я вернулся, все осталось позади. Но из того, что я прочитал и услышал, могу с полной уверенностью сказать — всё было: и флаг на Везувии, и праздничный фейерверк, и голубые фонарики на балконах, и автомобильные гонки по улицам, и танцы в майскую ночь.

ВСТРЕЧА С МАРАДОНОЙ

Встретиться с Марадоной и трудно, и легко.

Чтобы взять короткое интервью на лету, задать пару вопросов и сделать десяток фотоснимков — для этого достаточно явиться на стадион в день игры, присоединиться к группе аккредитованных спортивных комментаторов и репортеров и ждать окончания встречи, когда журналисты получают право терзать еще тяжело дышавших футболистов, покидающих поле.

Но мне надо было на этот раз побеседовать основательно. И сделать материал для «Футбольного обозрения».

Звоню в клуб.

— Клуб «Наполи», — равнодушным мужским голосом отвечает трубка. — Вам что?

Представляюсь. Говорю о цели звонка.

— Вопрос о большом интервью решает только сам синьор Марадона. Звоните его секретарше.

— Прекрасно, если вы дадите мне ее телефон. После довольно длительной паузы голос сообщает номер и поясняет, что секретаршу зовут Чечилия. Благодарю собеседника и набираю нужную комбинацию цифр.

— Я вас слушаю.

— Говорит аккредитованный в Риме корреспондент советского радио и телевидения. Я хотел бы...

— Синьор Марадона не дает интервью телевидению. Ни своему, ни иностранному.

— Но я не далее как вчера его видел.

— Только послематчевые и короткие.

Автор этих строк должен признать, что момент для встречи с Марадоной был выбран крайне неудачно. Был апрель 1987 года. Оставалось несколько дней до матча «Наполи» — «Милан». По предыдущей главе вы можете себе легко представить состояние Марадоны в те дни. Но отступить было некуда.

— Хорошо. Не надо для телевидения. Я бы просто поговорил с Диего с диктофоном в руках.

Чечилия раздумывает, потом неохотно произносит:

— Я поговорю с синьором Марадоной. Позвоните в это же время через неделю.

Звоню через неделю.

— Синьор Марадона пока ничего не ответил. — Звоню через неделю.

— Не могу пока вам ничего сказать. — Однако.

У нас устанавливаются почти дружеские телефонные отношения. На следующий раз мы обсуждаем шансы «Наполи», погоду, а также чем отличается неаполитанская пицца от римской. Нет одного. Согласия Марадоны на интервью. Плюнуть на все и приехать в Неаполь так, на авось? Не получится. Без предварительной договоренности Диего Армандо все равно не примет. Это общеизвестно.

Потом корреспондентские дела надолго уведут меня из Рима. Когда я возвращаюсь, сезон окончен, поезд, что называется, ушел. А самолет улетел. В Буэнос-Айрес, с Марадоной на борту. Каникулы.

Звоню Чечилии в последний день августа.

— А, это вы, — произносит она так, будто мы вчера общались и не успели закончить разговор. — Звоните завтра. Думаю, все будет в порядке.

Назавтра.

— Добрый день, синьор Марадона готов с вами встретиться. Можете приезжать с камерой и снимать беседу также для телевидения. Только, если не трудно, привезите фотографию Сергея Бубки с автографом...

Просьба не случайная, а главное — своевременная. В Риме проходит чемпионат мира по легкой атлетике на котором я не аккредитован. Значит, надо попросить помочь коллег, приехавших освещать ход соревнований — Александра Курашова и Ефима Шарпанского.

Коллеги не подвели.

В назначенный день с кинооператором Александром Саранцевым едем в Неаполь. По скоростной автострате от столицы Италии до столицы юга 200 километров и два часа езды не спеша. Зато совсем немного меньше времени нужно потратить на то, чтобы от окраины Неаполя добраться до центра, где находится наша гостиница. Интервью назначено на пять часов дня — ориентировочно, поэтому в половине второго нужно на всякий случай созвониться с Чечилией. Подъезжаем к широкой привокзальной площади Гарибальди. На часах — без двадцати час.

Сказать, что в Италии водители отличаются дисциплинированностью и строго соблюдают правила дорожного движения, — это почти обидеть их. Едут не туда, куда можно, а куда нужно. Но здесь — не Италия. Тут Неаполь...

Многочисленные улицы, выходящие на площадь, выбрасывают на нее все новые тонны металла на колесах. Масса эта может расслоиться только в самом центре, где и образуется автомобильная стремнина. Но в отличие от реки движение потока здесь прекращается. Все стоят. Полицейские свистят, машины гудят, водители кричат, и весь этот звуковой коктейль летит в мутное небо, разогретое сентябрьским солнцем до тридцати трех градусов жары. Гостиница — в пяти минутах ходьбы, но именно это обстоятельство более всего удручает. Как хорошо велосипедистам...

Без четверти два звоню Чечилии.

— У нас все изменилось. Приезжайте через час.

Дом, в который незадолго до этого перебрался Марадона, находится в западной части вытянутого вдоль залива города, на крутом горном боку, почти отвесно нависшем над морской гладью. По сравнению с какофонией в центре здесь царит почти пугающая тишина. Узкие извилистые улочки, тенистые виллы, редкие прохожие. Понятно, почему кумир неаполитанских тиффози наконец успокоился после бесконечных переездов из района в район. Калитка в железном заборе ведет в опрятный внутренний двор. Два небольших кирпичных дома, сомкнутых углами. Цветы, ухоженные клумбы, тихо шелестящие деревья...

Чечилия встречает нас как старых знакомых, хотя первое, что мы делаем, — знакомимся. Объясняет, что наш собеседник должен прийти с минуты на минуту, и любезно разрешает готовить место для съемки и не церемониться, если нужно переставить что-то из мебели.

Мы находимся, как бы это поточнее сказать, не то в секретариате, не то в приемной. Большая комната с прихожей. С одной стороны стол, за которым восседает Чечилия. Неподалеку стол маэстро. Посередине комнаты журнальный столик с цветами. Стены сплошь завешаны фотографиями Диего, увеличенными до

размера картины. Двойные двери слева выводят на просторную лоджию. Она граничит с другой, подлиннее. Там, за стеной, — квартира Марадоны.

Телефоны в комнате звонят не переставая. А когда перестают, за телефонный диск берется сама Чечилия. Алло, Рим? Милан? Буэнос-Айрес? Говорит она то по-итальянски, то по-испански, но в разговорах часто мелькает не латинского происхождения слово «доллар». «Вы богатый человек, на что вы тратите деньги?» — спросили однажды Марадону. «Покупаю дома в Аргентине».

Марадона входит вместе с Клаудией. Он улыбается, выглядит скованным и приветливым. На нем почти футбольная форма — майка и тренировочные трусы. В отличие от фото- и теле-Марадоны в жизни он не кажется таким физически мощным, ртутным атлетом. Усаживается в приготовленное для съемки кресло. Клаудия занимает место рядом с Чечилией.

— К сожалению, у меня не так много времени, — говорит Марадона. — Скоро тренировка, так что давайте его не терять.

На четвертом году пребывания в Неаполе он хорошо говорит по-итальянски, хотя и с заметным акцентом. Когда наша съемка заканчивается и гаснет осветительный прибор, Диего едва заметно вздыхает, как мне кажется, с облегчением.

Вовремя вспоминаю про автограф Бубки и приготовленную для Клаудии матрешку. Пока жена Диего извлекает поочередно одну за другой деревянные фигурки, сам синьор Золотая Левая изучает надпись на фотографии и просит перевести. Потом удовлетворенно откладывает ее в сторону и убежденно говорит:

— Бубка — экстракласс.

С нашим прыгуном Марадона познакомился в Милане весной 1987 года, когда группе выдающихся спортсменов вручались премии «Оскар». Кроме них двоих там были другие звезды первой величины: Франческо Мозер, Стефка Костадинова, Эвелин Эшфорд, Хайке Дрехслер, Эдвин Мозес. Церемония награждения была очень торжественной. Как это принято в Италии, да и не только в ней, кумиры спорта были окружены вниманием известных актеров, музыкантов, певцов — состоялось гала-представление, которое на следующий вечер транслировалось в записи крупнейшей в стране частной телестанцией «5-й канал». Но еще до этого произошел курьезный эпизод, который привлек к себе всеобщее внимание.

В Милан в качестве почетных гостей были приглашены популярнейшие спортсмены прошлого и среди них — живая футбольная легенда Пеле. Сказать, что между ним и Марадоной были натянутые отношения, — это еще ничего не сказать. Ажиотаж годами подогревался прессой: кто лучше? Король 60-х годов из Бразилии или принц восьмидесятых из Аргентины? На троне, даже футбольном, нет места для двоих. Трудно сказать, кто из претендентов на звание «короля всех времен» подбросил больше хвороста в костер полемики. Зная сложный характер Марадоны, его самовлюбленность, вспыльчивость, обидчивость, нетрудно предположить, что его доля составила в лучшем случае не меньше половины.

Организаторы миланской встречи решили воспользоваться случаем и публично примирить две высокие враждующие стороны. Было решено устроить их свидание, где Пеле и Марадона должны были произнести подходящие слова и затем предстать перед фотоаппаратами для исторического снимка: два корифея с улыбкой обмениваются рукопожатиями. Пеле и Марадона заочно согласились.

Встреча была назначена на 14.30 в гостинице «Принц Савойский», где оба остановились.

В два часа дня выходявшие из зала заседания участники семинара «Динамическое равновесие в экономике и процессы финансовой дерегуляции и валютной либерализации» во главе с министром казначейства Горией, будущим премьером, застыли от удивления. Гостиничный холл напоминал потревоженный муравейник. Лифты носились вверх-вниз, словно в кадрах приключенческого фильма. На

всех стратегических точках окопались кино- и фоторепортеры. Экономисты поначалу наивно приготовились позировать, но быстро догадались, что ажиотаж в стенах «Принца» никоим образом не связан ни с дерегуляцией, ни с либерализацией.

Марадона вошел в гостиницу около трех. Пеле в это время ждал вызова в своем номере. Но уже первого взгляда на аргентинца было достаточно, чтобы понять — скоро только сказка сказывается. Он выглядел нервным и явно пребывал в дурном настроении. Побаливало травмированное колено. (В этом ли причина?) Организаторы церемонии умоляюще предложили Марадоне задержаться на несколько минут и встретиться с Пеле, но тот (вот характер!) бросил через плечо: «Сейчас я должен поспать». И, применив знаменитый рывок, влетел в лифт. К вечеру отдохнувший чемпион мира дал знать, что он готов к встрече. Но в ответ получил сообщение, что теперь «спит» Пеле.

Пять часов продолжался этот странный матч. И все же, к всеобщему удовольствию собравшихся, после изнурительной психологической борьбы он завершился вничью. Свидание состоялось. Объективы фотоаппаратов запечатлели двух застывших в рукопожатии грандов футбола. Пеле — в строгой тройке и при бабочке, Марадону — в модном широком пиджаке, в галстучке.

Лучезарного света улыбок хватило бы, чтобы сделать добрым весь мир.

Но главное испытание было впереди. Начались вопросы корреспондентов. Каждый из них — зажженный фитиль у пороховой бочки.

— Господин Пеле, считаете ли вы, что Марадоне под силу побить ваш рекорд — 1283 забитых мяча?

Зал замирает.

Пеле находит верный ход с помощью дипломатического дриблинга:

— Марадона в отличие от меня больше играет в центре поля. Да и футбол теперь стал другим.

— Синьор Марадона, правда ли, что вы сильнее Пеле? Кульминация. Из-за утвердительных ответов на этот вопрос в прошлом и возникли натянутые отношения. Марадона собирает в кулак всю свою силу воли.

— Нет.

Потом Пеле дружески обнимает аргентинца и говорит:

— Раз я делаю это, значит, я его друг ...

Я напоминаю Марадоне об этом эпизоде. Он хмурится:

— Журналисты, как всегда, многое приукрасили и придумали...

Меняю тему. Говорю, что его мастерство восхищает любителей футбола Советского Союза, которые очень хотели бы увидеть его в деле воочию.

— Спасибо. — Он снова оживляется. — Я сам бы очень хотел сыграть на одном из ваших стадионов. Странное дело, я объездил полмира, но ни разу не был в Советском Союзе. Надеюсь сыграть или в составе сборной Аргентины против сборной СССР, или за «Наполи» в Кубке чемпионов против киевского «Динамо»...

Он еще не знал, что дебют его клуба в самом престижном европейском турнире будет неудачным: в первом же туре слепой жребий выбрал противником «Наполи» мадридский «Реал». Испанцы оказались и сильнее, и удачливее...

— У вас сейчас отличная сборная, — продолжает мой собеседник. — По крайней мере, та команда, что играла в Мексике, наделала шума. Жаль, что она слишком рано выбыла из турнира. Конечно,

объективно она была посильнее бельгийцев. Увы, в футболе логика часто опровергается. Поэтому «быть сильнее» не всегда означает «победить». Зато тот, кто победил, тот и сильнее — спорьте хоть до хрипоты, но футбольная математика отвергает эмоции. И потом, — Марадона делает паузу, — команда, претендующая на высокое место, не имеет права пропускать четыре мяча. Даже при нечетком судействе. Но, безусловно, вам еще и не повезло. Да и не только вам. Посмотрите, какие сборные не дошли даже до полуфинала: Дания, Португалия, Испания, Бразилия...

— Элемент везения важен в футболе?

— А как же! — Тут Марадона замечает, куда я клоню, и мгновенно поправляется. — Но везет сильным. А Аргентина была сильнее всех, будете спорить?

Нет, не буду.

— Поговорим о вашем итальянском периоде. Вы помните матч в Вероне, самый первый из сыгранных в Италии?

— Хуже не бывает. Тот турнир как плохо начался, так и пошло... Выхожу на поле Вероны, чувствую на себе такие взгляды, будто я не игрок футбольной команды, а сам господь Бог — что захочу, то и сделаю. Психологически это дополнительная нагрузка. Страшно хочется сыграть получше, но, как это в таких случаях часто бывает, от большого желания только хуже получается. А тут еще чужая публика — трибуны битком забиты. Все болеют за своих. Проиграл единоборство защитнику — иронические аплодисменты. Ударил мимо ворот — свист. Мол, вот тебе и Марадона... Я в целом отыграл нормально, но — пусть на меня не обижаются те, кто тогда выступал за «Наполи» — это была очень посредственная команда. Чего было в избытке, так темперамента. Но на нем далеко не уедешь. Так что в течение всего или почти всего сезона больше приходилось думать о том, как бы с позором не вылететь в первую лигу. Только в середине второго круга вздохнули спокойно. И все же тот год не прошел впустую. Урок пошел нам впрок. И если «Наполи» сегодня сильнейшая команда Италии, то вклад тех, кто тогда горько переживал поражения, неоценим. Да, первый год был не ахти каким удачным, хотя лично мне много досталось похвал и аплодисментов, особенно когда играли в Неаполе...

— А свой первый итальянский гол помните?

— Как он был забит, не помню. Кажется, добил мяч, отбитый вратарем. Это произошло во втором туре, когда мы, злые после веронского фиаско, принимали у себя «Сампдорию». Так хотели выиграть, но, увы, первыми пропустили мяч в свои ворота, потом долго атаковали, и наконец я забил. Стало полегче. Последние минуты практически не выходили из штрафной «Сампдории», да все без толку. Так и закончили — 1:1.

— Вспомним более приятные минуты. Год спустя был и памятный реванш у «Вероны» (5:0) и уникальный гол, почти с центра поля. Что вы чувствовали тогда?

— Такие дни остаются в памяти на всю жизнь. И игра получалась, и этот гол... Приятно было, что доставил наслаждение зрителям. Семьдесят тысяч народу. Но главное, мне было особенно приятно слышать одобрительную реакцию трибун: тогда на стадионе находились родители, брат, Клаудия...

После чудо-гола сына отец дон Диего Марадона-старший украдкой снял очки и утер слезу. Этот день в Неаполе был для него поистине необыкновенным. Когда перед началом игры они всем семейным кланом вошли на стадион, в глаза ударила надпись на одном из транспарантов: «Добро пожаловать, папа и мама Диего!» Фантазия неаполитанцев и особенно их любовь к Марадоне поистине не знают границ!

— Брат Уго уже известный футболист, — продолжает Диего. — Сейчас дебютирует здесь, в Италии, в клубе «Асколи». Играет в футбол и третий брат. Ну а пять сестер являются моими самыми горячими

болельщицами. Как только встречаемся в Аргентине, так и засыпают советами. Впрочем, советчиков у меня много. От многих из них я стараюсь держаться подальше.

— А где держится Марадона, когда не играет в футбол?

— В Неаполе не много развлечений. Это не тот город, где культурная жизнь бьет ключом. Да и честно говоря, футбол отнимает массу времени. Играю в теннис, иногда с Клаудией выбираемся куда-нибудь поужинать или идем в кино. Вот, собственно, и все. Ну а теперь, после рождения дочери, почти все свободное время провожу с ней.

— Кто в команде ваш самый близкий друг?

— Брусколотти. Как-то так вышло, что мы подружились с того дня, как я попал в «Наполи». Кроме него, Баньи, Джордано, Карневале.

Скажи мне, кто твой друг...

Джузеппе Брусколотти, центральный защитник «Наполи». Выросший в области Кампанья, столицей которой является Неаполь, свою футбольную жизнь он прожил в одной команде — «Наполи». Ее символ. Пятнадцать лет в голубой майке, около четырехсот сыгранных матчей. Резкий, цепкий, решительный защитник, который не боится никого из соперников. Через двадцать дней после того, как неаполитанцы праздновали первое скудетто, Брусколотти отмечал свое тридцатишестилетие.

Марадона как-то сказал о нем: «Если в нашей команде и есть человек, который больше других достоин звания чемпиона, так это Джузеппе».

— Диего, забивать голы или создавать возможности для этого партнерам — это ваша профессия. Поэтому не удивляйтесь, что на эту тему у меня заготовлено много вопросов. Итак, какой из забитых мячей в Италии самый памятный?

Марадона морщит лоб, задумывается.

— Пожалуй, тот, что я забил в позапрошлом сезоне «Ювентусу» здесь, на «Сан-Паоло». Он оказался единственным, и мы победили 1:0.

— Как вы его забили?

— Судья назначил свободный удар метрах в восемнадцати прямо против ворот. Прямой не «шел». Печчи подбросил мяч вверх, а я с лету ударил в обвод стенки. Попал точно в верхний угол.

— Кстати, о штрафных. Для вас стенки словно не существует, мяч ее огибает безошибочно, вопрос только в том, попадет ли он в ворота или, к счастью для вратаря, пройдет мимо. Такие обводящие удары — от бога или плод тренировочной работы?

— Нет, здесь никакой природный дар не поможет. Чтобы овладеть этим приемом, чтобы один раз, быть может, за весь матч применить его эффективно, необходимо много работать. У нас 8 Аргентине после окончания тренировки те, кто в игре выполняет штрафные, остаются на поле, ставят перед воротами деревянный барьер и бьют мимо него. Причем продолжается это довольно долго, до тех пор, пока, что называется, ноги держат. Все это прошел и я. Да и сейчас над техникой удара, в том числе по неподвижному мячу, я работаю постоянно, каждый день.

Я достаю из сумки справочник, открываю его. Там указаны все сыгранные Марадоной матчи и забитые им голы с того дня, как он впервые ступил на тропу профессионального футбола. Это произошло 20 октября 1976 года, за десять дней до его шестнадцатилетия.

Вот он, этот послужной список.

1976 год «Архентинос хуниорс» 11 игр 2 гола

1977 «Архентинос хуниорс» 49 19

1978 «Архентинос хуниорс» 35 26

1979 «Архентинос хуниорс» 26 26

1980 «Архентинос хуниорс» 45 43

1981 «Бока хуниорс» 40 28

1982/83 «Барселона» 20 11

1983/84 «Барселона» 16 11

1984/85 «Наполи» 30 14

1985/86 «Наполи» 29 11

1986/87 «Наполи»

Пусть вас не удивляет последняя пустая строка. Справочник был составлен в канун того сезона, и она, естественно, должна была быть заполнена лишь в мае 1987 года.

— В этом, последнем, чемпионате вы забили... кажется, 12?

Почему-то я был уверен, что Марадона все свои голы помнит наперечет. Однако, к моему удивлению, он повернул голову налево, где Чечилия и Клаудия... Что еще могут делать две женщины, оказавшиеся рядом? Судачили.

— Клаудия, сколько я забил в этом году?

— Двенадцать, — ответствовала Клаудия безапелляционно.

— Значит, так оно и есть, — рассмеялся Марадона. — Я, конечно, все помню, но хотел ее проверить.

— Диего, данная статистика не нуждается в комментариях. Что, в Европе трудно забивать?

— Да. И намного. Но эти голы весят больше! У них другая цена или, сказать точнее, ценность. Они достаются с трудом, зато часто оказываются решающими. Судите сами. В «Архентинос», к примеру, я иногда забивал три-четыре мяча за игру, ту игру, которую команда выигрывала со счетом 7:1. Ну и что? Было, конечно, приятно — любой спортсмен, забивающий гол, должен испытывать радость, если он не робот. Но цена тех мячей была минимальной, и они часто ничего не решали. Какая разница — 7:1 или 5:1? Здесь — другое дело. Итальянцы вообще хорошо играют в обороне. Исход встречи нередко решает единственный точный удар. Вот и судите, где приятней закатить мяч в сетку.

— А какое вообще сравнение можно сделать между футболом Аргентины, Испании и Италии? Я назвал страны, где вы играли в прошлом или играете сейчас.

— Я бы не стал делать особых различий между Италией и Испанией. А вот разница между южноамериканским и европейским футболом есть, и большая, несмотря даже на то, что страны, где я играл в Европе, ближе к нам, нежели, скажем, Англия или ФРГ. Но в целом общие различия остаются. У нас в Америке футбол более мягкий, веселый, развлекательный. Здесь же ставка делается больше на физические возможности игроков. В этом отношении мы традиционно уступаем, зато считаем себя более техничными. Вот, пожалуй, и разница.

— Из стран, где вы выступали, где самые грубые защитники?

— В Испании, разумеется. Там рубят без разбора. Марадона произносит эти слова с ожесточением, словно до сих пор испытывает боль от испанских коррид. Ему легко критиковать испанцев — ведь сейчас

он находится в Италии. Как знать, если бы он снова вернулся на Пиренейский полуостров, там, на «своем поле», не изменил бы он точку зрения и не назвал бы грубиянами итальянских опекунов? Впрочем, в пользу Италии статистическое сравнение: за два сезона в «Барселоне» ему удалось сыграть в 36 матчах, в то время как на Апеннинах он за первые два года выходил на поле 59 раз из 60 возможных. Кстати, дело, может быть, даже не столько в джентльменстве итальянских защитников — они тоже порядочные рубаки, — сколько в том, что с годами, с опытом, росло не только искусство Марадоны творить чудеса с мячом, но и вовремя уходить от ударов по ногам. Разумеется, удаётся это далеко не всегда.

— Когда вы выходите на поле, то всякий раз имеете перед собой не только общего противника — команду, но и конкретного соперника, задача которого — «держаться» Марадону. Каким бы вы хотели видеть такого защитника в идеальном варианте?

— Я бы очень хотел, чтобы, честно мешая играть мне, он бы играл сам. Пусть персонально опекает, но при этом не ходит за мной, словно на привязи, все 90 минут, будто футбола для него не существует. Я таких ребят встречал, хотя и не часто. Они, естественно, делают все возможное, чтобы наглухо меня закрыть, не дать мне получить мяч или тем более ударить по воротам. Но как только их команда овладевает мячом, мой опекун на время забывает про меня и включается в созидательную игру. Сейчас вы скажете: хитер Марадона, ему только того и надо, чтобы отвязаться от «сторожа»! Но это я просто помечтал немного. А вообще, если говорить о соперниках, то я никогда не реагирую на нарушения, даже грубые, которые являются результатом борьбы, азарта. Другое дело — злой умысел. К сожалению, нередко приходится сталкиваться с тактикой откровенного запугивания или, что еще хуже, ударами исподтишка, внешне незаметными. Пробежит этак защитник мимо тебя — казалось, даже не зацепит. А ты валяешься на траве, корчась от боли, судья не понимает, в чем дело, и публика, если играем в гостях, свистит, не жалея легких: симулянт Марадоны. Ну да ладно. Нравится мне терпеть или не нравится — такие эпизоды неизбежны. Футбол для меня — вся жизнь, а за идеалы надо уметь терпеть.

— Простите, но это у вас получается не всегда?

— Что поделаешь! — Марадона разводит руками. — Меня теперь уже не переделать.

...За три первых года выступлений в Италии Марадону трижды удаляли с поля. Заработал он с десятков желтых карточек. Но ни разу эти наказания не были следствием грубого нарушения правил. Я вообще не видел, чтобы аргентинец кого-то сбил с ног или остановил заведомо запрещенным, борцовским приемом. Судейские меры по отношению к капитану «Наполи» вызваны либо его ответной реакцией на грубость соперника, либо — скажем так — плохо скрытым неудовольствием по поводу мнимой (а может быть, и реальной) ошибки арбитра. Конечно, все это не делает чести чемпиону мира. Но если подобное проявление его эмоций трудно оправдать, то объяснить его можно очень просто. Достаточно проследить, сколько удалений и предупреждений заработали за те же три года игроки других команд в результате «активной» игры против Марадоны. Точно, конечно, никто не скажет, но эта коллекция, кстати весьма богатая, здорово достается. Нет необходимости еще раз возвращаться к данной теме. Но... послушайте защитников. Они будут божиться, что пальцем Марадону не трогали, что все это его фокусы и чистой воды симуляция. Более того, в репортажах иногда проскальзывают такие формулировки: «Великий интриган на поле», «Человек, который умеет лицемерить» и тому подобное. По-моему, это несправедливо. Есть, разумеется, за ним грешки, но для того, чтобы стать «интриганом», ему пришлось перетерпеть сотни подножек и падений.

Спрашиваю его:

— За годы игры и жизни в Неаполе какой был самый радостный и самый горький момент?

— Радостных — два. Причем их отделяли друг от друга всего несколько недель. 2 апреля у меня родилась Далма, а 10 мая «Наполи» стал чемпионом Италии. Плохое? — Он задумывается. — Было всякое, но я предпочитаю об этом не помнить.

— Диего, у вас случались моменты, когда отношения с публикой и журналистами были натянутыми. Конфликты с тиффози мне более или менее понятны. Как бы вас ни любили в Неаполе и ни уважали в других городах, болельщик есть болельщик. Стоит не забить одиннадцатиметровый — и вот уже свист трибун. Но журналисты? В чем причина многочисленных конфликтов?

Единственный раз за время нашей беседы Марадона говорит очень тихо и медленно, тщательно выбирая слова. Может быть, опасается, что еще раз один из журналистов, на этот раз советский, будет искать пищу для сенсации?

— Может быть, потому, что они хотят, чтобы я делал то, что хотят они, — говорит он несколько витиевато. — А я хочу жить своей жизнью. Я никогда не позволю, чтобы кто-то из журналистов что-либо решал за меня. Никогда! Если такой день вдруг наступит, я уйду из футбола. Как они не могут понять, что единственным хозяином жизни Марадоны является сам Марадона? У них есть перо, есть умение, есть задание, и вот они строчат — часто то, чего я сам о себе не знаю. Поэтому я и разругался со многими вашими коллегами. Когда вдобавок затрагивается моя личная жизнь, тут уж — борьба насмерть. Я намеренно ограничил круг знакомств и научился отворять двери своего дома далеко не всем, кто туда хотел бы войти. Мой отец всегда прививал нам уважение к людям. Я этому у него учился. Но мне, в свою очередь, хочется, чтобы другие проявляли уважение ко мне. И все. Он ставит на этом месте жирную точку — ударение. Пора возвращаться к его величеству футболу.

— Диего, футбол, который сделал вас знаменитым, это что — искусство, работа, развлечение?

— А разве он не может быть един в трех лицах? Разве художник, работая над своей картиной, не увлекается и не развлекается? Я уверен, что вообще в жизни можно поставить дело так, чтобы любая работа была и искусством и развлечением. Для меня и моих коллег-футболистов игра — это ремесло, профессия, а стало быть, и труд на футбольном поле. Но главное — и об этом я старался никогда не забывать — этот труд должен доставлять радость миллионам людей, а следовательно, радовать и тебя самого.

— Вы выиграли в течение года практически все, о чем можно мечтать: чемпионат мира, чемпионат Италии, Кубок Италии. Не наступает ли пресыщения победами? К чему стремиться дальше? Какие есть стимулы?

— Я не убежден в том, что все выиграл. Если я все выиграю, надо будет уходить из футбола, а мне этого не хочется. Я жадный до побед. Желаю еще раз стать чемпионом Италии. Или победить в Кубке европейских чемпионов. Впереди всегда есть или, по крайней мере, должна быть цель. О том, что было, забыто. Пройденный этап. Да, конечно, это интересные и приятные страницы моей спортивной биографии. Но если предаваться воспоминаниям и не смотреть вперед, то может начаться процесс опасного торможения в самом себе. И это обязательно проявится в игре. А я хочу двигаться только вперед.

— Что ж, заглянем в будущее. В 1990 год. Какие, по-вашему, шансы имеет Аргентина на то, чтобы повторить свой мексиканский успех? Что можно сказать о команде Италии? Ведь она будет играть в родных стенах, а это, как показывает практика проведения мировых первенств, — сильнейший стимулятор даже для команд средней руки. А о фаворитах и говорить нечего. Это доказывала и ваша сборная, и команды Англии и ФРГ.

— Разумеется, шансы итальянцев высоки. В канун мексиканского чемпионата в этой команде началась реконструкция, причем планомерная и целенаправленная. В нее влилась большая группа

молодых, талантливых игроков: Виалли, Де Наполи, Франчини, Джаннини, некоторые другие. Причем преимущество данного омоложения в том, что все эти ребята — одногодки, а значит, долго могут выступать вместе. К тому же многие из них сыгранны — несколько лет выступали за молодежную сборную. Одним словом, у тренера Вичини есть все возможности спокойно работать и выставить в 1990 году неплохую команду. Пока у нее дела идут так себе, но, как известно, чемпионом может стать не вообще самая сильная команда в мире, а та, которая сильнее других в определенный момент. К тому же Италия освобождена от физического и психологического бремени добывать себе право играть в финальной части чемпионата — она туда попадает сразу, на правах команды, представляющей страну — организатора первенства.

Ну а что касается сборной Аргентины, то, несмотря на провал в Кубке Америки, ее не стоит сбрасывать со счетов. Во многом она похожа на итальянскую. Игроки в основном молоды, им не хватает опыта, а он, как известно, приходит с игрой. Когда я приехал выступать за свою сборную в том несчастливом турнире, я в лицо некоторых своих партнеров не знал. Но время есть. Если мы и не выиграем второй раз подряд золотых медалей, то крови другим попортим, это я обещаю.

— А сборная СССР?

— Если сумеет сыграть в такой же современный футбол, как в Мексике, то будет одним из фаворитов. Вообще на сегодняшний день в Европе наиболее интересно смотрятся четыре команды: Испании, Голландии, Дании и Советского Союза. Только смотрите, — он расплывается в лукавой улыбке, — не повторите... Бельгии!

— Далась вам эта Бельгия, синьор Марадона! Второй раз ее поминаете.

— А вы у себя разве ее не вспоминаете? — смеется Диего.

— Вспоминаем, увы. До сих пор.

В дверях возникает фигура и делает моему собеседнику знаки. Он смотрит на часы, и я понимаю, что интервью подошло к концу.

— Кто из нынешних футболистов вам нравится?

— Раш, Гуллит, Ван Бастен.

— Двое последних будут играть вместе в «Милане». Об этой команде сейчас много пишут, считают ее главным претендентом на скудетто. Не отнимут они у вас титул?

— Об этом мы позаботимся, — задиристо обещает Марадона.

— А кого можете назвать из представителей других видов спорта?

— Карл Льюис, ваш Сергей Бубка.

— Последний вопрос. Спортивная жизнь скоротечна. Наступает момент, хотя для вас он пока еще далекий, когда пора вешать бутсы на гвоздь. Когда вы предполагаете завершить футбольную карьеру и что после этого будете делать?

— Играть буду до тех пор, пока есть силы, пока кому-то буду нужен. Потом? Не знаю. В мире профессионального футбола я не останусь ни в каком амплуа. Буду жить с семьей и гонять мяч с друзьями. А вообще этот вопрос невероятно труден. Игра в футбол — это моя жизнь, и представить себе ее другой, честное слово, не могу.

Я ему верю. Да, он, миллионер Марадона, вполне сможет себе позволить забавляться с мячом на лужайке перед одним из собственных домов, ни о чем не тревожась. Но он действительно не представляет сегодня, как это можно жить без команды, без стадиона, без страстей. Деньги могут многое. Не могут они

только вернуть молодость и силы, вернуть тот незабываемый миг победы, когда ты с поднятой рукой несешься вдоль бушующих трибун, скандирующих «Марадона, Марадона!», а недоступная футбольная вершина — вот она, у твоих ног...

Наше свидание неожиданно продлилось. В комнату внесли пятимесячную Далму, пробудившуюся после дневного сна, и Марадона, бережно взяв на руки дочь, принялся ей что-то нашептывать. Минуты шли, а он, забыв о том, что нужно ехать на тренировку, забыв о присутствии в доме двух представителей недружественной ему гильдии, продолжал забавляться с Далмой. В этот момент передо мной сидел не великий футболист и богатый человек, а какой-то озорной мальчишка с лукавой улыбкой на лице, на мгновение выключившийся из игры в «Супермена». Вспомнилось: «Человек, который умеет лицемерить».

Но я видел его в момент неподдельной искренности.

Противоречие? Да нет, просто человеческая натура — не дважды два четыре.

Я не хочу оспаривать то, что многим в Италии кажется аксиомой. Но могу с полной уверенностью утверждать, что видел Диего Армандо Марадону в минуты, когда, изолировавшись от внешнего мира, он был обычным парнем, сбросившим защитную оболочку. Ту самую оболочку, в которую он предпочитает облачаться, выходя из дома, а возвращаясь, оставлять за дверью как защищающую от воды и грязи, но вовсе не обязательную в квартире пару галош.

Мы попрощались. Я пожелал ему удачной игры в новом чемпионате, а он, узнав, что я через несколько дней еду в Москву, — удачного мне отпуска. При слове «отпуск» Клаудия, успевшая забрать дочку у отца, оживилась.

— Как, вы едете отдыхать сейчас, в конце сентября? Ничего не поделаешь, по итальянским стандартам брать отпуск можно только в августе или конце июля.

— Да, дела немного задержали. Да и вряд ли я что-нибудь потерял. Лето в России было холодным, может быть, мне повезет осенью.

Но Клаудию явно интересовало содержание, а не форма.

— Можно мне вас попросить об одной любезности? Я собираю коллекцию кукол из разных стран в национальной одежде. У меня их ужасно много, а русской пока нет...

Я сказал, что это сделать нетрудно, и мы расстались.

Спускаясь вниз, к бурлящей набережной, мы на минуту остановились, чтобы сделать несколько фотографий Неаполя со знаменитой пинией на переднем плане. На противоположной стороне улицы, как раз напротив того места, где я припарковал машину, находилось кафе. Его стены и частично окна были уклеены эмблемами «Наполи» и фотографиями Марадоны. А надпись над входом гласила: «Болельщикам всех других команд, кроме «Наполи», вход воспрещен». Я подошел к пожилому человеку, нещадно пылившему метлой у порога, и поинтересовался, шутка это или нет.

— Конечно, шутка. Разве здесь может кто-нибудь оказаться, кроме тиффози «Наполи»?

Через десять слов он меня раскусил.

— Вы издалека приехали?

— Из Рима.

Дальнейшее его не интересовало. Раз не неаполитанец, значит, иностранец.

— Что, за «Рому» болеете?

— Нет.

— А за кого же?

Если бы я сказал, что ни за кого, я навсегда остался бы для него последним человеком на свете. Кроме того, это было бы неправдой. Но правду говорить не хотелось, чтобы не обижать старика. И я ответил, глядя на галерею портретов:

— За Марадону.

— О! — Старик закатил глаза. — Он велик. Вы знаете, что он живет недалеко отсюда?

— Да, знаю. Я только что был у него в гостях. Вот магнитофон, на котором записано ЕГО интервью. Он в хорошем настроении и обещает забивать по два мяча в каждом матче.

Почему-то именно магнитофон произвел на моего собеседника ошеломляющее впечатление. Он поверил, изменился в лице и мигом побежал в кафе звать всю свою родню.

— Вы слышали? Этот синьор только что был у нашего Диего!

Назревала сенсация уличного масштаба. Стали открываться окна в соседних домах. Кто-то закричал сверху: «Доменико, тебя что, ограбили?» — «Да нет, спускайся сюда, я тебе расскажу...»

Мы уехали, когда волнение достигло апогея. Что было потом — кто знает? Поговорили, посудачили и разошлись, скорее всего. Но в одном я уверен: Доменико стал героем дня. Потому что он оказался человеком, который только что разговаривал с человеком, который знаком с самим Марадоной!

НРАВИТСЯ... НЕ НРАВИТСЯ

На следующий день после поездки в Неаполь я, как и обычно по утрам, пошел в свой газетный киоск, где постоянно приобретаю свежие газеты и журналы. Работала там тогда молодая супружеская чета — Бруно и Патриция. Киоск достался им от прежних владельцев, которые, сдавая дела, представили меня как надежного клиента и дали в высшей степени положительную характеристику («Покупает прессу регулярно и платит тоже»). А когда Бруно и Патриция узнали, что футбол занимает в моей жизни не последнее место, я и вовсе стал для них своим человеком. Единственное, что поначалу огорчало моих новых знакомых, это то, что я не разделял их пылкой страсти к римской «Роме». Услышав, что в Италии я прибиваю за «Интер», Патриция сокрушенно покачала головой, ушам своим не веря. «Нашли за кого болеть!»

Впрочем, переживали они по этому поводу недолго. Бруно сделал глубокомысленное заключение: «Лучше уж за «Интер», чем за «Ювентус», и инцидент был исчерпан. А после того, как я пару раз верно предсказал победу «Ромы», они простили мне отступничество окончательно. По воскресеньям утром Бруно встречал меня вопросом: «Как сегодня сыграют наши?» Постепенно я стал ошибаться довольно часто, поскольку обещал «Роме» сплошные выигрыши, но авторитет от этого не пострадал, да и команда временами баловала хорошей игрой. В понедельник, если римляне накануне побеждали, задиристая и вечно смеющаяся Патриция воинственно спрашивала: «Ну что, видели? Вот так-то!» — и хохотала. После проигрышей киоск выглядел уныло. Бруно скрывался в темном углу, а жена, подавая газеты, бормотала: «Вот ироды — вас не послушали», — и улыбалась, грустно и стыдливо, будто не Танкреди, Конти и Бонек были повинны в плохой игре, а она, Патриция. Правда, как и большинство итальянцев, мои киоскеры не могли долго горевать. И через минуту уже слышалось: «Как там ваш «Интер» сыграл? Неужели проиграл? Опять? Кто бы мог подумать...»

В общем, всегда было приятно вместо утренней разминки провести минут пять-десять у газетного киоска.

Вернувшись в Рим после встречи с Марадоной, я зашел за газетами. В мое отсутствие Бруно или Патриция откладывали по одному экземпляру тех изданий, что я регулярно покупал. А когда откладывали, узнавали, что я опять куда-то подался. Им было известно, что я — корреспондент советского телевидения и радио, часто по профессиональным делам бываю в других городах Италии. И этому они открыто завидовали.

— Сан-Ремо? Хорошо там? Да, мы бы тоже съездили, да... некогда.

Я знал, что значит «некогда».

— Ездили во Флоренцию? Правда красивый город? Мы были там пять лет назад.

А до Флоренции — двести семьдесят километров. Три часа езды.

— Откуда сейчас? — спросил Бруно.

— Из Неаполя.

— И как там?

— Ничего. Между прочим, я был в гостях у Марадоны. Меня удивило, что реакция на эту информацию была такой же, как если бы я сказал: «Вчера меня угостили паршивым кофе». Сначала Патриция и бровью не повела. Потом наморщила нос и выдала газеты.

— Не нравится мне Марадона, — сказала она убежденно. — Неприятный тип.

— А вы откуда знаете?

— Что, разве по нему не видно? Капризный, самовлюбленный. Чуть что — истерики. Вот, возьмите сдачу.

— Патриция, от вас я такой критики не ожидал. Многие итальянки в Марадону влюблены по уши.

— Это их дело. Повторяю, мне такие люди не нравятся. Разговор у газетного киоска кажется мне символичным.

Он в достаточной степени отражает отношение к аргентинскому футболисту многих итальянцев. Особенно если эти итальянцы не являются поклонниками «Наполи». Сложная, во многом противоречивая фигура Марадоны-человека породила такое же сложное, неоднозначное к нему отношение толпы. Я здесь оговорюсь: футбольное дарование Марадоны ни у кого сомнений не вызывает, как не нуждается в дополнительных комплиментах его игра. И все же, почему Диего часто оказывается предметом разговоров, пересудов, критики, сомнений?

Послушаем мнение о Марадоне самых разных итальянцев и, может быть, найдем истину где-то посередине между двумя крайностями.

Дарио Капелло, римлянин, служащий, болельщик «Ромы»: «Ни один человек на свете не избавлен от недостатков. Только у неприметных, простых, ничем не выделяющихся из толпы людей и пороки мелкие, и кому до них есть дело? У гениальных людей — все крупно, все рельефно. Они постоянно на виду, на всеобщем обозрении, от публики не ускользает ни одно их движение. Марадона? Он гений, доставляющий удовольствие миллионам. И они должны быть к нему снисходительными».

Джино Палумбо, неаполитанец, спортивный журналист: «Как футболист Марадона дал много хорошего Неаполю. Неаполь сделает доброе дело для Марадоны, если, лелея своего кумира, простит ему избыток «звездной болезни», которой тот время от времени заражается».

Серджо Рутини, миланец, владелец гостиницы: «Не понимаю, чего хотят от Марадоны. Сделали из мальчишки идола, божество, все время подчеркивали его исключительность, а теперь перемывают косточки. Безусловно, без рекламы, без широкой информации, особенно когда речь идет о звездах спорта, не обойтись. Но всем ли нужно знать, какого цвета Марадона носит нижнее белье?»

Два юных поклонника «Наполи»: «Диего — самый великий из всех футболистов. Остальное — неважно».

Бруно де Анжелис, студент: «Делец, самовлюбленный человек с задатками непонятого гения. Неаполитанцы сами во многом потворствовали развитию в нем заносчивости и высокомерия. В атмосфере, которой Марадону окружили со дня появления в Италии, иного и быть не могло».

Джанни Брера, спортивный журналист: «Марадона — это, безусловно, явление в спорте. В его игре есть элементы, где он выше самых великих футболистов всех времен».

Примеры диаметрально противоположного отношения к Марадоне можно было бы продолжать. Не вижу в этом особого смысла.

Да, бывают звезды, о жизни которых практически не приходится читать пикантных подробностей. Эти люди не становятся героями скандальных историй. Но для этого нужно быть либо по истине ангелом с крылышками, либо научиться полностью скрывать от окружающего мира все, что не касается 90 минут ИГРЫ. Нужно уметь быть дипломатом и в тот короткий отрезок времени, что отделяет финальный свисток судьбы от момента, когда игрок покидает стадион.

С полным основанием можно утверждать, что в 1984 году Марадона такими навыками не владел. Он слишком рано попал в категорию великих, чтобы обращать внимание на житейские пустяки. Он верил, что его величие в ИГРЕ служит панацеей от всех бед. Но это только казалось. В ИГРЕ он стал мужчиной раньше, нежели в светской жизни. В Неаполь он попал на собственную свадьбу. Это был брак с Италией — брак по расчету, но и по любви: аргентинец не кривил душой, когда говорил, что чувствует себя как дома, а неаполитанцы были не менее искренни, когда писали на заборах: «Мы любим тебя, Диего». Но, как и в любой молодой семье, от пылкой любви до слез — один шаг. Мудрость приходит с годами, когда люди, взрослея, набираются житейского опыта, овладевают наукой лучше понимать друг друга и предпочитают лишний раз промолчать вместо того, чтобы бить посуду. Не знаю, удачно ли сравнение, но за годы жизни в Италии Марадона кое-чему научился. Нет, я отнюдь не хочу сказать, что в нем бесследно исчезли такие качества, как вспыльчивость, самолюбование, нетерпение к критике, обидчивость. Просто он постепенно стал приходить к единственно правильному выводу: чем меньше все это выставлять напоказ, тем лучше. Разумеется, не всегда это удается. Но факт неопровержим: чем меньше дается поводов для сплетен и сюжетов для светской хроники, тем спокойнее жизнь.

Да и Неаполь тоже изменился. Теперь, когда Марадона в двухнедельный перерыв в чемпионате улетает в Саудовскую Аравию, играет товарищеский матч (за приличный гонорар), возвращается в Неаполь, проводит тренировку, а сутки спустя играет в благотворительной встрече в Испании, теперь это не вызывает бурю в сердцах болельщиков и на страницах газет. Ныне мало кто обращает внимания на то, что прямо с футбольного поля после очередной тренировки аргентинец садится в вертолет и покидает на несколько часов город, чтобы сняться в рекламном ролике для телевидения. Как говорится, пусть себе делает что хочет, лишь бы играл. И он делает что хочет и играет. Он неоднократно подчеркивал: «Никто не может решать за Марадону, что ему нужно делать». В этом он оказался тверд. Так что же, кончилась любовь с Италией? Не совсем. Просто она стала принимать другие формы, может быть, сделалась менее пылкой и более ровной да заодно несколько очистилась от показной театральности и бурных проявлений ревности с обеих сторон.

Во всяком случае, никто не стал делать трагедии из того, что аргентинец в первых четырех играх нового первенства, начавшегося в середине сентября 1987 года, не забил ни одного мяча. Лишь в пятой игре, которую «Наполи» выиграл у дебютантов высшей лиги из «Пескары» 6:0, Марадоне удалось открыть свой лицевой счет. Правда, с пенальти. Затем, через тур, он еще дважды отличился — во встрече с «Эмполи». И все стало на свои места.

Примерив чемпионскую корону, прониклись этакой солидностью и местные болельщики. Как-никак это ведь про их команду начали писать газеты: «Есть ли у «Наполи» конкуренты?» или «Кто посягнет на гегемонию чемпионов?» В первых десяти турах команда, к примеру, сделала лишь три ничьи, остальные матчи выиграла. В ее составе появились два новичка: еще совсем молодой, но уже член сборной Италии Франчини — яркий пример атакующего защитника — и нападающий сборной Бразилии Карека. Помните, я писал о том, что штат иностранцев у «Наполи» не был заполнен? Так вот, в сезоне 1987/88 года этот пробел ликвидирован. Ну а что способен сотворить, точнее, сотворить дуэт Марадона — Карека, можно только представить.

Впрочем, богатое воображение иметь вовсе не обязательно, достаточно прийти на стадион и. взглянуть, как взаимодействуют на поле два больших мастера. Так получилось, что первые игры нового первенства они вместе не играли: сначала Карека был болен, а затем заработал наказание от судьи — бразильцу пришлось пропустить еще два матча. В восьмом туре оба наконец появились в составе команды в добром здравии и хорошей спортивной форме. «Наполи» принимал «Торино». Не скажу, что хозяева поля подавили гостей и имели большое преимущество. Нет. Просто они имели двух высококлассных исполнителей, которые и решили исход борьбы. Сначала Марадона со штрафного, словно играючи, своим

знаменитым обводящим ударом «положил» мяч в нижний угол, затем многоходовую комбинацию «Наполи» завершил Карека, а когда туринцы во втором тайме сократили разрыв в счете и положение на какое-то время стало шатким, тот же Карека поставил точку, на этот раз проявив высочайшее индивидуальное мастерство. Получив мяч на левом фланге, он ушел от защитника, вышел к воротам и, дождавшись, когда вратарь бросится наперерез, внешней стороной стопы подрезал мяч в дальний угол. Кроме этого, в матче были эпизоды, когда Марадона и Карека находили друг друга так, будто всю жизнь играли вместе, — а ведь сколько разговоров было в канун сезона: сумеют ли ужиться бразилец и аргентинец? Оба еще раз дали ответ: для больших мастеров проблемы сыгранности нет или, скажем более точно, почти нет. Были бы желание играть и минимум доброго отношения к партнеру. Марадона, кстати, высказался на эту тему: «Мы с Карекой не конкуренты в борьбе за приз «Мисс Италия». Нам нечего делить, кроме общей славы клуба. Думаю, что вы это увидите в игре».

Он не ошибся.

Карека, Марадона и другие. Их в Италии называют «иностранный легион». Местные журналисты, иногда именующие итальянский чемпионат самым красивым в мире, возможно, не очень грешат против истины, ибо достаточно назвать имена легионеров, чтобы осознать силу местных клубов. Вот кто играл на Апеннинах в сезоне 1987/88 года. Аргентинцы Диего и Уго Марадона, Пассарелла, Диас, Берто-ни, Борghi, бразильцы Карека, Серезо, Касагранде, Жуниор, Дунга, датчане Элькьяер, Лаудруп, Берггрен, шведы Экстрем, Хисен, Корнелиуссон, футболисты из ФРГ Бригель, Фёллер, Бертольд, голландцы Ван Бастен, Гуллит, валлиец Раш, австрийцы Шахнер и Польстер, поляк Бонек, югославы Слишкович и Йосич, бельгиец Шифо, грек Анастопулос, англичанин Эллиотт... Почти все они — игроки передней и средней линии. Лишь несколько защитников и ни одного вратаря. Красота футбола — голы, и менеджеры итальянских клубов стараются обзавестись в первую очередь теми, кто эту красоту умеет создавать. Ну а если из перечисленных спортсменов отобрать десять полевых игроков, то такой состав смело можно считать не самым слабым вариантом сборной мира.

Правом иметь по два иностранца воспользовались практически все команды «серии А», за исключением двух — «Эмполи» и «Чезены» — клубов аутсайдеров, причем небогатых. По правилам, существующим в итальянской футбольной лиге, зарубежных спортсменов нельзя приглашать в коллективы второй лиги. Но есть оговорка: в случае, если тот или иной клуб первого эшелона вылетает в «серию Б», то он имеет право оставить в своем составе «варягов» и на будущий сезон. Именно так и очутились в группе «второго сорта» в команде «Лечче» два аргентинца — Барбас и Паскулли. Вспомним только, что гол Паскулли в ворота уругвайцев в матче 1/8 финала чемпионата мира позволил аргентинцам выйти в следующий круг. Играл в составе национальной сборной и Барбас. И вот они — во втором дивизионе итальянского футбола.

Но продолжим разговор о первом. Кое-кому (в основном владельцам и президентам клубов, менеджерам и тренерам) двух звезд со стороны уже кажется мало, и весной 1988 года Федерация Италии под нажимом «сильных футбольного мира» дала разрешение на то, чтобы команды высшей лиги могли иметь уже по три иностранца. А владелец «Милана» Сильвио Берлускони, известный промышленник и обладатель контрольного пакета акций крупнейших частных телекомпаний Италии, не стал дожидаться решения футбольных верхов. Посчитав, что для реанимации бывшего величия «Милана» ему мало Гуллита и Ван Бастена, он приобрел еще и аргентинца Борghi, которого до лучших времен пришлось отдать в долг команде «Комо». Правда, мнения о необходимости расширения иностранного легиона и даже его целесообразности вообще в Италии разделились. Одни специалисты рьяно ратуют за увеличение «импорта», другие приводят контрдоводы. Позиция сторонников: звезды делают итальянский футбол зрелищнее, привлекательнее, у них многому могут учиться местные футболисты, а кроме всего (хотя, очевидно, надо сказать — прежде всего), иностранцы дают зрителя и с ним доход.

Точка зрения оппонентов: да, но при этом страдают интересы собственные. Занимая два, а теперь три места в основных составах, зарубежные игроки тем самым объективно перекрывают кислород доморощенным талантам. В списке бомбардиров традиционно восемь из десяти — «варяги». Может ли в таких условиях появиться плеяда своих звезд? И второе. Профессионалы в Италии поставлены в неравные условия. Даже на фоне неплохо получающих итальянцев суперзарботки иностранцев кажутся недостижимой финансовой вершиной, а это порождает зависть, склоки, закулисные маневры — одним словом, нездоровую атмосферу, которая подтачивает все дерево итальянского футбола.

Где истина? Посередине, очевидно. И те и другие в чем-то правы. Но доводы противников увеличения «импорта», хотя на первый взгляд конкретно не доказуемы, имеют под собой серьезные основания. Чтобы в этом убедиться, достаточно проследить путь итальянской сборной послевоенных лет.

На стыке 40 — 50-х годов в страну хлынула первая волна игроков из-за рубежа (именно тогда это явление и окрестили «нашествием иностранного легиона»). В основном это были скандинавы: Грен, Нордаль, Лидхольм, Хансен, Хамрин, Скоглунд и многие другие. Голы они забивали исправно, но где была долгая сборная Италии? На чемпионате мира 1954 года — проигрыш швейцарцам, на следующее первенство в Швецию «голубые» вообще не попали (зато шведские игроки, выступавшие на Апеннинах, удостоились серебряных медалей за второе место своей сборной!). Очередная волна иностранцев появилась у берегов Италии в конце пятидесятых годов. Причем ряд футболистов, в основном южноамериканских, обзавелись итальянским гражданством, что открыло им доступ в «Скуадру адзурру». Блистали в ней и Сивори, и Альтафини. Но на судьбе сборной Италии это никак не отразилось: скандальное выступление в Чили в 1962 году — матч-драка с хозяевами поля и проигрыш, не позволивший даже выйти в четвертьфинал. Четыре года спустя итальянцы «заблудились» в английском тумане, проиграв, как здесь считают, самый позорный матч за всю историю — команде КНДР, что выбило итальянцев из дальнейшей борьбы. Бедолаги, им пришлось возвращаться домой инкогнито, дабы избежать расправы со стороны разъяренных тиффози. Но провал в Англии — это была расплата за прошлое. К тому времени приток «импорта» в страну практически прекратился и на арену вышли свои яркие личности. Можно это считать совпадением, случайностью или закономерностью, но остается фактом: у «голубых» наступила полоса удач.

Чемпионы Европы 1968 года.

Второе место на мировом первенстве в Мексике два года спустя.

Неудача в ФРГ в 1974-м. Да. Но она сменилась яркой вспышкой в Аргентине, где четвертое место итальянцев, по всеобщему признанию, оказалось «не по игре».

Венчал дело испанский триумф 1982-го.

Он стал прежде всего заслуженной наградой целому поколению блестящих мастеров, взращенных в Италии, освободившейся на время от иностранного нашествия. Золотые медали получили не только Дзофф, Росси, Кабрини, Антониони, Ширеа, Тарделли, Конти, Альтобелли, Грациани — их удостоился и весь итальянский национальный футбол.

Но новая, третья, волна «импортеров» уже заливала Апеннинский сапог. Ее воздействие тогда, в 1982-м, еще не успело сказаться. Мотор футбольной машины работал еще на старом горючем, которое оказалось высокого качества.

Не стоит, наверное, делать далеко идущих выводов, как не стоит заниматься прогнозами относительно того, какие зигзаги вычертит на своем дальнейшем пути сборная команда Италии. В подкрепление приведенной выше версии можно было бы сослаться на слабое выступление итальянцев на последнем чемпионате мира в Мексике. И сказать, что вот вам, результат воздействия третьей волны. Но

это было бы не совсем верно. В канун первенства «Скуадра адзурра» пережила смену поколений. Ее покинули многие ветераны, а пополнение сборной молодыми одаренными футболистами не принесло мгновенного и желаемого эффекта. Поразительно, но авторство всех голов, что итальянцы забили своим противникам в Мексике, принадлежит одному нападающему — Алессандро Альтобелли, представителю той самой золотой когорты ветеранов. Был, правда, один «автогол», но и тот оказался в сетке ворот южнокорейцев после того, как защитник неудачно срезал мяч в борьбе с... тем же Альтобелли.

В интервью Марадона весьма розовым цветом обрисовал будущее итальянской сборной, привел достаточно убедительные аргументы. Но разрешит сомнения, очевидно, только 1990 год, когда над стадионами Италии будет поднят флаг ФИФА и сборные, пробившиеся в финальную часть чемпионата мира, поведут борьбу за самый престижный в футболе приз. Здесь у итальянцев, безусловно, будет ряд преимуществ: привычные условия, мощная поддержка зрителей. Но свое поле — это еще и особый спрос. На Апеннинах все осознают (хотя вслух об этом не говорят), что не стать победителями для хозяев первенства будет означать крупную неудачу, не войти в тройку призеров — крах. В любом случае 1990 год станет зеркалом, в котором отразится состояние национального футбола, а заодно и влияние на него иностранного легиона.

Ну а как же оценить роль и значение главнокомандующего этим легионом Диего Армандо Марадоны? Вопрос кажется совершенно неуместным. Но сначала послушаем, что говорит по этому поводу сам аргентинец, этот наиболее дорогостоящий «импортный товар» футбольной Италии. Естественно, тема для него деликатная. Во время одной из телепередач Диего дипломатично высказался в том духе, что, мол, хорошие мастера ущерба не нанесут.

Все ли из «импортных» футболистов, выступающих в Италии, по-настоящему хорошие мастера? Нет, нет, здесь нет никакого противоречия с тем, что было сказано раньше. Действительно, список имен выглядит весьма внушительно. И сборную мира составить можно. Но теледискуссия продолжается, и слово берет Джанни Брера, один из грандов спортивной журналистики, прекрасно знающий футбол.

— Итальянцы — странные люди, — считает Брера. — Они кидаются на «импортный товар» без разбора, даже не соображая, что частенько им могут продать тех спортсменов, которые, несмотря на самые громкие имена, уже миновали пик своего расцвета. Они уже никогда не станут играть сильнее, главная их задача — продержаться хотя бы несколько лет на гребне успеха, спортивного и финансового. На родине они уже не приносят прибыль, а мы, слепо веря в чудодействие заграницы, скупаем товар, не желая замечать, что за яркой этикеткой там уже, по существу, ничего и нет...

Возможно, Брера несколько сгустил краски. Но примеров, подтверждающих его правоту, немало. Зико, Румменигге, Бертони, Сократес, Уилкинс, Мюллер — все они прибыли на Апеннины в момент уходящего величия. И поэтому почти все в Италии надолго не задержались.

Марадона занимает особое место. Не говоря уже о его классе, следует помнить, что он перебрался в «Наполи» в возрасте двадцати четырех лет. И даже если завтра уедет, то — из песни слов не выкинешь — все равно останется фактом, что в этой стране он провел свои лучшие годы. Стало быть, вопрос о том, хорошо для Италии или нет участие в чемпионате Марадоны, отпадает сам по себе. Он многое дал итальянскому футболу уже хотя бы тем, что каждое воскресенье выходит на поле, восхищая не только болельщиков и специалистов, но и товарищей по команде, и соперников тоже. Про него не повернется язык сказать: отнял у кого-то место в основном составе. Сотни итальянских мальчишек учились и учатся играть в футбол «по Марадоне». И этим все сказано.

Он очень хочет выступить в финальной части чемпионата мира 1990 года — ведь играть придется «почти» дома. К тому же, как знать, может быть, это первенство окажется в его карьере последним? Сам он для себя возрастных границ не устанавливает. «Играть буду до тех пор, пока есть силы, пока кому-то

нужен». Сейчас он нужен всем: сборной Аргентины, «Наполи», контракт с которым продлен еще на пять лет, нужен доброму десятку других клубов Италии и Европы, которые готовы в любой момент подписать с ним соглашение.

В Италии (не в Неаполе, конечно) бытует суждение о том, что Марадоне, несмотря на все его достижения и успехи, все же тесновато в «Наполи». Как бы ни силен стал этот клуб, он еще окончательно не утвердился среди постоянной элиты итальянского футбола.

Сезон 1987/88 года стал в этом смысле особенно показательным.

Помните фрагмент интервью, где Марадона пообещал «позаботиться» о Гуллите и Ван Бастене? Уже тогда, в преддверии чемпионата, кандидатами на скудетто считались «Наполи» и «Милан». Солидно выглядел и «Ювентус», но приобретение Яна Раша не восполнило потери игры, и вскоре после начала сезона «старая синьора» захромала, заохала, споткнулась раз, другой, третий и окончательно выбыла из списка соискателей высших наград, едва попав в последнем переигровочном матче в число команд, которые начали осенью 1988 года борьбу за европейские кубки. А вот «Наполи» и «Милан» выданные авансы отрабатывали с лихвой.

Большинство обозревателей в дуэли между чемпионами и миланцами отдавали предпочтение первым. Объясняли они свою точку зрения примерно так: «Милан» по составу не слабее, но команде требуется время для «притирки» игроков, для того, чтобы сыграть и тогда уже показывать все, на что она способна. Короче говоря, неаполитанцы по прогнозам должны были вторично стать чемпионами, затем, предвещали оракулы, наступит «эра Гуллита и компании». И действительность полностью подтверждала предсказания.

После двенадцати туров «Наполи», имея фантастический результат — 21 очко, свысока поглядывал на преследователей, которых-то и преследователями в полном смысле слова назвать было нельзя. «Милан», «Сампдория», «Ювентус», «Рома» были позади, далеко позади, отставая на 5 и более очков.

Но все же эта математика не отражала реального соотношения сил. И если бы не петарды и всякие железки...

Судите сами. В четвертом туре «Наполи» проиграл «Пизе» 0:1. Но брошенный кем-то с трибуны и попавший в голову одному из игроков команды гостей крупнокалиберный болт дал чемпионам... 2 очка. В подобных случаях дисциплинарный комиссар не церемонится...

Прошло несколько туров, и наступило декабрьские воскресенье, которое потрясло и взбудоражило всю Италию. В тот день «Милан» на своем поле принимал «Рому».

В первом тайме счет не был открыт, что в глазах 80 тысяч болельщиков выглядело издевательством над здравым смыслом. Штрафная площадь гостей была вытоптана вдоль и поперек, мяч ее покидал крайне редко, удары по воротам Танкреди следовали один за другим, но вратарь «Ромы» играл выше всяких похвал. И после перерыва, когда команды вновь появились на поле, всех присутствовавших на «Сан-Сиро» интересовал только один вопрос: сумеют ли десять полевых игроков «Милана» во главе с Гуллитом справиться с непробиваемым стражем неприятельских ворот? К сожалению, ответа не последовало.

Футболисты заняли свои места, судья установил мяч в центре поля, ультра на боковых трибунах принялись скандировать привычное: «Ми-лан!»! «Ми-лан!»! — и в этом шуме мало кто услышал два приглушенных хлопка, донесшихся с поля. Кто-то из защитников «Ромы» показал в сторону своих ворот, где неподвижно лежал Танкреди. Игроки обеих команд кинулись к месту происшествия, и их отчаянные жесты в направлении центральной трибуны, где располагаются тренеры, массажисты и врачи, не оставили сомнений — произошло что-то серьезное. Пока врач римской команды делал Танкреди массаж сердечной мышцы, пока двое дюжих санитаров бегом выносили потерявшего сознание футболиста с поля, трибуны

тревожно молчали. Кто-то из игроков «Милана», повернувшись к трибуне, что была за воротами «Ромы», в отчаянии схватился за голову — то ли сострадая товарищу по ремеслу, то ли жалея два очка, которые в эти мгновения уплывали от его команды...

Что же произошло? А то, что уже не раз и не два случалось во время футбольных матчей. Один из наиболее ретивых поклонников «Милана», вооруженный петардами, решил пустить их не вверх и не просто в сторону поля, а избрал мишенью главного виновника сухого счета — Танкредди. К несчастью, этот самостоятельный залп оказался на редкость точным — обе петарды взорвались у головы вратаря, повергнув его в состояние глубокого шока. Окончательно он пришел в себя только в госпитале и на несколько дней сменил спортивную форму на больничный халат. Если верить медикам, оказывавшим голкиперу первую помощь на поле, дело кончилось для него более чем благополучно, поскольку в тот момент, когда они подбежали к бесчувственному телу, сердце Танкредди на несколько секунд остановилось...

Надо отдать должное службе охраны порядка «Милана». Эти ребята из клуба болельщиков добровольно дежурят на стадионе в день, когда там играет их команда. Они одергивают наиболее распоясавшихся тиффози, заставляют убирать оскорбительные плакаты, следят, чтобы по окончании игр словесные перепалки не переходили в кулачные бои. Разумеется, эти активисты не всемогущи, однако в то злополучное воскресенье они превзошли самих себя. В бушующей многотысячной толпе отыскать стрелявшего все равно что найти иголку в стоге сена. Но его нашли! На следующий день в пригород Милана ринулись армии теле- и прочих корреспондентов. Захолустный район. Убогий дом. Растерянный парень, ничуть не похожий на отпетого хулигана. Дрожащие губы. «Не знаю, ничего не знаю. Как это произошло, не могу объяснить... Только поверьте, я ведь не хотел этого, не хотел в него попасть... Простит ли он меня?»

Надо отдать должное всем честным поклонникам «Милана». Едва санитары, уносившие с поля Танкредди, скрылись в тоннеле, многие встали со своих мест и покинули стадион. Их было 40 тысяч — тех, кто решил, что игра, за право смотреть которую они заплатили немалые деньги, окончилась на 46-й минуте. Хотя игра продолжалась. Свистел судья, бежали по полю футболисты, отчаянно кидаясь за мячом запасной вратарь гостей. Но это был фарс.

За несколько минут до его окончания хозяева поля с пенальти забили гол, который значил немного. Можно было забить еще десять — все равно окончательный результат игрища «Милан» — «Рома» был ясен с той самой злополучной 46-й минуты. Правда, руководство «Милана» подало апелляцию, мотивируя свой жест такими соображениями: «Нельзя обвинять в инциденте болельщиков вообще. Злоумышленник-одиночка с нашей же помощью пойман, он понесет наказание. Почему же из-за сумасбродства одного человека должна быть наказана команда, выигравшая матч?»

Доводы эти были отвергнуты.

Вот и получилось, что к тринадцатому туру математика не отражала подлинного соотношения сил в лидирующей группе. Отнимем у «Наполи» два очка за матч в Пизе, прибавим «Милану» два очка, унесенные петардами, и получится, что «по игре» между двумя конкурентами был бы узкий просвет шириной всего в одно очко. Очевидно, об этом особенно хорошо помнили футболисты из Милана. Принимая в тринадцатом туре «Наполи», они хотели доказать свою силу, а заодно напомнить, что без дисциплинарной комиссии «Милан» мог бы претендовать на законное лидерство.

На 15-й минуте Карека технично перебросил мяч через вратаря хозяев поля Галли, и чемпионы страны повели в счете, после чего мяч еще четырежды влетал в сетку ворот. Финальный свисток судьи зафиксировал счет 4:1 в пользу... «Милана».

Вряд ли даже самые искушенные в футбольных делах специалисты могли накануне предположить, что разгром обладателей скудетто будет столь ошеломляющим. Явное преимущество северян обозначилось с первых же минут, что дало повод одному из обозревателей на следующее утро написать: «В этот день в мире не было команды, которая выстояла бы против «Милана».

Осознали, видимо, это и игроки «Наполи». Во всяком случае, в их стане не оказалось паникеров и нытиков. Что ж, бывает. Угодили под тяжелый пресс. Нарвались на лучший матч соперников. А сами сыграли далеко не лучший. Все равно «Наполи» чемпион. И пусть «Милан» попробует играть все оставшиеся игры в таком же духе. Это невозможно. Потому что на подобный космический уровень команда может подниматься лишь в отдельных встречах.

Но пресса уже предупреждала: чемпионат «приоткрывается». У «Наполи» есть соперник. И у Марадоны — тоже.

Да, кстати, а как поживал Диего?

Он заметно изменился. Не ввязывался в ненужную полемику. Не делал ничего такого, что дало бы повод пускать в него критические стрелы. В конце 1987 года продлил контракт с «Наполи» и таким образом лишил болельщиков пищи для слухов и догадок о его будущем. Игра у него «шла». Он — лидер среди бомбардиров. Проиграли «Милану» — с кем не бывает? Рууд Гуллит — главный соперник? Посмотрим весной, кто чего стоит. В общем, ничто не выводило из равновесия Диего Армандо Марадону, по крайней мере внешне.

Прошло три дня, и «Наполи» в первой встрече одной восьмой финала Кубка Италии уступил «Фиорентине» 2:3. На своем поле, без всяких смягчающих вину обстоятельств.

В это время я оказался в Неаполе. С двумя очаровательными русскими куклами в багажнике автомобиля и с призрачными шансами наскоком прорваться в тихий дом в районе Позиллипо.

Но Марадона приветливо пригласил к себе. И у нас состоялась беседа о футболе и жизни. Но главным образом, конечно, о футболе. Мой собеседник не скрывал тревоги по поводу двух подряд осечек, однако именно такой осмысленный реализм («Мы в прекрасном физическом состоянии, но сейчас нам лишь нужна одна хорошая победа — и психологический груз будет снят») давал больше поводов для оптимизма, чем залихватские бравады вроде «Да мы их...», которые еще не так давно нередко слетали с уст футболистов «Наполи», и Диего в частности.

— А все же, в чем, на ваш взгляд, кроются причины двух подряд неудач?

— Если бы мы их знали, неудач не было бы, — ответил Марадона.

Диего и Клаудия поблагодарили за куклы. На прощание я не удержался.

— Мой прогноз на игру с «Фиорентиной» — 3:0. Он улыбнулся.

— Да, да, мы, конечно, постараемся выиграть.

Волею календаря «Наполи» и «Фиорентина» встречались дважды в течение нескольких дней. О первой, кубковой, игре я уже говорил. Она была в среду. А в воскресенье командам предстоял матч чемпионата — предпоследний матч первого круга.

В своем прогнозе я ошибся ненамного. Бело-голубые «перевыполнили план» и, забив четыре сухих мяча, восстановили репутацию и на время заставили умолкнуть скептиков.

Последующие одиннадцать туров напоминали авторалли, в котором среди шестнадцати участников четырнадцать были машинами выпуска двадцатых годов, а две — суперсовременными. Настолько подавляющим оказалось преимущество «Наполи» и «Милана» над остальными. Достаточно сказать, что в

этих турах чемпионы страны потеряли только три очка, а их преследователи — четыре. И хотя было заметно невооруженным глазом, что победы «Наполи» к концу турнира стали даваться нелегко и игроки его устали, в то время как «Милан» достиг пика спортивной формы и легко расправлялся с соперниками, все равно очень немногие всерьез рассматривали возможность «обгона». Да, скорость конкурентов была одинаковой, но при этом «Наполи» все время находился впереди, и со значительным отрывом. Пять, всего пять игр оставалось до конца соревнований, а перевес в четыре очка не таял. По итальянским канонам — ситуация для преследователя безнадежная.

В двадцать шестом туре неаполитанцы отправились в Турин, в гости к «старой синьоре», которая, едва волоча ноги, плелась в середине турнирной таблицы. Однако «синьора» тряхнула стариной. «Наполи» был побит со счетом 1:3. Следующее воскресенье — очередная осечка. Вояж в Верону, досадная ничья — 1:1. «Милан», естественно, очков не терял и поэтому за два тура почти сравнялся с соперником.

Почти. Ибо запас в одно очко «Наполи» все же имел, как имел шансы закончить борьбу в следующем туре. 1 мая луч всеобщего внимания замер на Неаполе. Матч года: «Наполи» — «Милан».

Странные параллели возникают порой в жизни. Год назад встреча этих же команд на этом же поле предопределила торжество неаполитанцев. А теперь...

«Милан» хозяйничал на поле. И любимцы публики выглядели не более чем неплохим спарринг-партнером. Тренеры «Наполи» избрали защитный вариант, делая ставку на контратаку. Но она то и дело запутывалась в прочных сетях миланского прессинга. Один Марадона был по-настоящему опасен, но и ему нечасто удавалось вырваться из-под опеки двух защитников.

И когда на 20-й минуте Вирдис открыл счет, все выглядело логичным и закономерным. В это мгновение впервые за весь чемпионат «Наполи» утратил лидерство. И как ни ждали болельщики вспышки активности со стороны своей команды, ее не последовало. Бело-голубые покорно позволяли гостям делать все, что те хотели.

Тайм заканчивался. 45-я минута истекла, но судья жестом объяснил, что прибавляет минуту, поскольку до этого на поле несколько раз возникали паузы. Кто-то из защитников «Милана» нарушил правила неподалеку от своей штрафной площади. И к мячу подошел Марадона.

Этот матч был важным для него не только с точки зрения командной борьбы. Были иные мотивы, заставившие Диего играть с полной отдачей. Ведь рядом на поле бегал, обводил, пасовал, бил по воротам игрок в черно-красной майке, фамилия которого мелькала на страницах не реже, чем его, Марадоны. Лучший футболист Европы сезона 1987 года, неповторимо колоритный Рууд Гуллит. Знамя «Милана». Все предшествовавшие сезоны Марадона как футболист не имел в Италии равных. С ним некому было соперничать. И вот Гуллит. Журнал «Гуэрин sportivo», самое, пожалуй, популярное спортивное издание в стране, вышел накануне с необычной фотографией. На обложке — лицо, состоящее из двух половинок. Левая — Марадоны, правая — Гуллита. Коллаж и впрямь оригинальный. Не менее оригинальная и подпись: «МАРАГУЛЛИТ». А ниже выведено: «Так кто же у нас номер 1?»

Вопрос этот в ходе чемпионата задавался неоднократно. Звезда Гуллита разгоралась все ярче. Его фантастические прыжки и удары, а главным образом его непредсказуемость в игре изводили соперников и приводили в экстаз трибуны. Если попытаться всерьез сравнить игру двух выдающихся мастеров в том сезоне, то, пожалуй, следует признать, что Гуллит провел его неровно. Были матчи, где его игра воспринималась как нечто неземное, она ошеломяла. Но были встречи, которые он провел вяло, пассивно. Марадона же практически весь сезон отыграл на стабильно высоком уровне. И не случайно перед матчем с «Миланом» тот же «Гуэрин sportivo», делая прогноз, констатировал: «Марадона» сейчас,

по существу, является единственным игроком «Наполи», который пытается отстоять скудетто. Остальные с ним мысленно распрощались».

Встреча в Неаполе была второй очной дуэлью суперзвезд. Первая, миланская, сложилась, как вы помните, в пользу Гуллиты и его команды.

... Марадона ударил, как и обычно, почти без разбега. Мяч миновал внушительную стенку и угодил в правый верхний от вратаря угол. Это был пятнадцатый гол капитана «Наполи», сделавший его лучшим снайпером чемпионата Италии. Тут же раздался свисток арбитра, возвестивший об окончании тайма. Команды уходили в раздевалку под грохот трибун. Полдела было сделано — ведь ничья объективно устраивала «Наполи», сохраняла его микроскопическое преимущество в турнирной таблице. Оставалось только удержать его.

Именно это и попытались сделать во втором тайме неаполитанцы. Но команда уже мало походила на коллектив, еще месяц назад уверенно шагавший к чемпионству. В обороне царил неразбериха. Мяч не слушался игроков. Ошибки громоздились одна на другую. Словно загипнотизированные силой соперника, защитники демонстрировали свою полную несостоятельность. Ван Бастен, а затем Вирдис легко и непринужденно забили два гола и за полчаса до конца игры фактически сняли вопрос о победителе. Ничего не изменил и второй мяч, который незадолго до финального свистка в суতোлке у ворот «Милана» провел Карека. Выиграв 3:2, «Милан» вышел в лидеры. И хотя командам оставалось провести еще по две игры, подпись «Наполи» под актом капитуляции уже была поставлена...

Кстати, те две встречи бело-голубые также проиграли. Без Марадоны, правда. Он пропустил их из-за травмы. Но его присутствие на поле вряд ли могло бы помочь полностью деморализованной команде.

«Драму «Наполи» в конце сезона объясняли по-разному. И тренерскими просчетами (они, безусловно, были), и неважным физическим состоянием многих спортсменов (тоже верно), и травмами. И все же корень зла находился прежде всего в области психологии. Экс-чемпион наглядно продемонстрировал, что фактор непобедимости еще не утвердился в нужной степени в сознании его игроков. Именно в самый напряженный, решающий момент турнира, когда «Милан», сокрушая всех подряд, гнался за соперником, когда было ясно, что очков он никому не подарит и судьба первенства зависит только от того, сколько их потеряет «Наполи», именно в этот момент психологическое бремя оказалось для южан непосильной ношей. Выигрывать по заказу команда не сумела. А первое же поражение стало началом цепной реакции...

Марадона в этом футбольном крушении повинен меньше всех. И итальянская пресса единодушно признала это. Сам же лучший бомбардир сезона сказал: «Мы уступили более сильной команде. И нам незачем искать себе оправданий. Но в одном не сомневаюсь: пережитое потрясение, если из него извлечь урок, пойдет нам на пользу. И уж, во всяком случае, мы вряд ли когда-либо еще так оконфузимся. «Наполи» — сильный клуб, и я уверен, что у него радужные перспективы».

Так считает капитан.

Будущее покажет, каков дальнейший маршрут ведомого им голубого корабля «Наполи».

А пока — итальянская одиссея Марадоны продолжается.

Марадона играет в футбол.

Играет, как умеет только он один.

О футболе можно говорить по-разному.

Можно так: спортивная командная игра, состоящая в том, что игроки стараются ударами ноги загнать мяч в ворота противника.

А можно иначе: футбол — это Планичка, Заморра, Мэтьюз, Яшин, Пеле, Ди Стефано, Круифф, Платини, Марадона. И еще много выдающихся мастеров, чей список не уместился бы на одной странице.

Их спортивная карьера — отражение эволюции ИГРЫ.

Каждый из них занимает свое место в истории футбола. На него не могут повлиять ни вкусы, ни симпатии, ни субъективизм. В конце концов единственным мерилom является их вклад в развитие популярнейшего вида спорта. В его пропаганду ИГРОЙ.

В Италии, как и повсюду в мире, любят проводить параллели, делать сравнения, устраивать конкурсы, выявлять степень популярности, спорить о том, кто лучше.

Кто лучше? Марадона или Пеле, Яшин или Заморра, Шестернев или Райт?

В легкой атлетике на помощь приходят секунды и метры, в тяжелой — килограммы. Да и то, они могут рассудить лишь спортсменов одного поколения. А кому отдать предпочтение в таких парах, как Джесси Оуэне — Карл Льюис? Они принадлежат к разным эпохам в спорте, ими любовались, их мастерство оценивали разные поколения зрителей и специалистов. А те, кто поднимал после Юрия Власова большие килограммы, разве они обязательно сильнее и лучше?

Вспоминая сцену в миланском отеле «Принц Савойский», невозможно удержаться от улыбки. Так ли уж нужно определять «короля футбола» всех времен? И Пеле, и Марадона — явления, каждый в своем времени и измерении.

Аргентинец сейчас находится в расцвете таланта. Впереди у него множество матчей, и хочется надеяться, что своей игрой он еще доставит немало приятных мгновений всем, для кого главное в футболе — его красота. И независимо от того, сколько роз и шипов устелют дальнейший путь спортсмена, можно с полной уверенностью сказать: в будущих книгах по истории мирового футбола обязательно будет отмечено: «В 80-е годы XX века на зеленые поля мира выходил игрок под номером десять, равных которому тогда не было. Имя его — Марадона».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Закончив книгу о Марадоне, мы, однако, не собираемся расставаться с нашим героем. Да и как можно с ним расстаться, если Марадона продолжает играть, забивать голы, радовать зрителей своей виртуозной игрой на стадионах?

Марадона, как всегда, быстр, решителен и подвижен, и не только на футбольном поле. Удивительно, как он все успевает! Играть за итальянский клуб «Наполи», контракт с которым продлен до 1992 года, выступать за сборные команды мира в юбилейных и благотворительных матчах, летать за океан, чтобы защищать бело-голубые цвета национальной сборной Аргентины в товарищеских или отборочных играх. Он по-прежнему серьезно относится к футболу, как к главному делу своей жизни. Впрочем, далеко не бескорыстно. За матч на «Уэмбли», посвященный столетию английского футбола, он получил 100 тысяч фунтов стерлингов. Еще больше ему заплатили за выступление в международном товарищеском матче в Эр-Рияде — там отмечался футбольный юбилей Саудовской Аравии. В тот день, встречаясь с командой «Брондбю» из Дании, Марадона в составе аравийской команды «Аль-Ахли» забил два мяча. Еще три влетели в ворота датчан с его подачи. «Аль-Ахли» победил 5:2. Хозяева наверняка не пожалели, что заплатили аргентинцу солидный гонорар.

За участие в международном турнире в Западном Берлине, в котором играли, помимо сборной Аргентины, национальные команды ФРГ и СССР, он запросил и получил 350 тысяч долларов. Всего же с 1 декабря 1987 года аргентинский футболист заработал в международных матчах, а также от рекламы с его участием 1 миллион 150 тысяч долларов.

Однако не стоит считать деньги в чужом кармане. Эти впечатляющие цифры приведены лишь для того, чтобы показать, насколько высоко ценят за рубежом яркий футбольный талант.

В Италии Марадона необычайно популярен. Ни одно футбольное обозрение — в печати или по телевидению — не обходится без упоминания его имени. О нем и в самом деле есть что сказать, есть что написать. «Диего Марадона — неподражаемый, не имеющий себе равных футболист». Так он еще совсем недавно говорил о себе... сам. «Я неподражаем не только в игре, но и в жизни!» Снова его слова, напечатанные во многих итальянских газетах. И там же спустя месяц: «Я злюсь, когда говорят, что из меня сделали идола. Я не принимаю этого! Я обыкновенный человек. Живу просто. После тренировки возвращаюсь домой, смотрю телевизор. Люблю вечером с женой пойти в ресторан. Люди нас узнают. Они уважают наши добрые отношения...»

В сезоне 1988/89 года в чемпионате Италии он забил не так много, чуть более десятка голов, примерно столько же и в международных матчах. Весной 1989 года для него главной целью было завоевать Кубок УЕФА. Сначала «Наполи» с Марадоной обыграл «Ювентус», затем выдержал битву с «Баварией». Капитан неаполитанцев играл с травмой, не в полную силу. Он сам настоял на том, чтобы его включили в состав команды на эти матчи. Сыграл он тогда скромно, но умело подыгрывал бразильцу Кареке и итальянскому форварду Карневале. Оба, кстати, в первом матче забили по голу в ворота западногерманской команды. Все решал ответный матч в Мюнхене. С двумя голами в запасе «Наполи» вполне устраивала ничья. Или на худой конец — гол, забитый в гостях. Карека забил два! Два гола удалось провести «Баварии» в ворота итальянцев. Общий счет по итогам двух встреч 4:2. Команда Марадоны вышла в финал розыгрыша заветного Кубка УЕФА.

Отношения с прессой? Они, как и раньше, складываются по-разному. Одно время он обижался на французские спортивные газеты: «Уж слишком они ликовали по случаю триумфа Платини в чемпионате

Италии. Обо мне говорили как о капризной девушке. Но в 1987 году и мы стали чемпионами, а годом позже — второй командой Италии, подтвердив свой класс».

В 1989 году «Наполи» сохранил высокое место, хотя и уступил «Интеру». Марадона из-за болезни спины, старой травмы колена играл не во всех матчах. «Нахватали дома ничьих», — бурчал он, недовольный потерей очков в «домашних» играх.

В конце сезона Марадона, остальные его товарищи по команде, все как один отказывались давать интервью итальянским журналистам. Наверняка молчание исходило от капитана, Марадоны. «Что зря болтать? Нас бьют, засуживают, однако требуют результата...» Обиды на прессу, на судей, на особо ретивых болельщиков все еще тревожат его мятежную душу.

В 1989 году всех интересовало, будет ли Марадона участвовать в XIV чемпионате мира по футболу в Италии? Одно время он отвечал на этот вопрос неуверенно, а за год до чемпионата даже с заметной дозой раздражения: травмы мешают ему играть в полную силу. Марадона, как и многие большие спортсмены, суеверен и не хочет заранее говорить о будущем. Однако, зная его характер, можно предположить, что он мечтает выступить в очередном первенстве мира, тем более что проходить он будет в Италии. «На родине моих предков», — как иногда любит говорить Марадона.

Что касается 1994 года, чемпионата мира в США, то его ответ категоричен и тверд: «Нет!» Так же тверд и непреклонен был в 1974 году Пеле, когда наотрез отказался от участия в мировом чемпионате в Западной Германии. Любопытное совпадение. В том году Пеле в октябре исполнилось 34 года. В 1994 году 34 года будет и Марадоне.

«Футбол — это тяжелая, но очень честная работа. Отлынивать от игры, от футбола нельзя ни на минуту. Но без чувства радости с этой работой не справиться» — это тоже рассуждения Марадоны. Вот уже более десяти лет он является профессиональным футболистом. Однако, и в этом он признается сам, всякий раз, когда выходит на поле, испытывает радость и волнение, как в детстве. Он не раз говорил, что готов выступать когда угодно, где угодно, в любой стране, на любом футбольном поле, даже... в пустыне. Такова его любовь к футбольной игре.

«Я с радостью обыгрываю соперников, даю пас партнеру, не могу скрыть восторга от забитого гола. Особенно люблю забивать мячи со штрафного. Здесь нужен точный математический расчет и внезапность, как укол шпайгой. Гол со штрафного ценен вдвойне».

В Неаполе на телевидении он ведет футбольную страничку. Напрямую беседует с болельщиками, объясняет им, почему он сыграл так, а не иначе... Не любит обещаний или прогнозов. Хмурится, когда его заставляют угадывать результат предстоящих матчей.

«Футбол, как жизнь, — непредсказуем. Предполагать заранее ход игры нельзя, нельзя даже планировать замену игроков во время матчей. Часто случается наоборот, вместо одних футболистов на поле выходят другие. Коррективы вносит сама игра». Обо всем этом говорит Марадона телезрителям. Болельщики вторят ему: «Марадона не любит прогнозов». И от себя добавляют: «Он лишь любит забивать голы».

«Наполи» дорожит своими поклонниками. Перед игрой с «Ювентусом» на Кубок УЕФА президент клуба К. Ферлаино запретил транслировать эту встречу по телевидению. 70 тысяч зрителей пришли на стадион. В том поединке команда Марадоны показала высокий уровень игры. На 10-й минуте с пенальти Марадона открыл счет. Перед перерывом Карнева-ле забил второй гол в ворота «Ювентуса». Общий счет двух матчей сравнялся. Весь второй тайм «Наполи» стремился добиться победы в основное время, но сумел сделать это лишь в добавочные полчаса, когда Реника забил третий гол. Со счетом 3:0 и завершился этот матч двух итальянских команд. «Наполи» вышел в следующий круг, готовый на «битву» с «Баварией».

— Что для вас более почетно: выиграть чемпионат Италии или Кубок УЕФА? — спросили Марадону после матча.

— В Неаполе все матчи важны. Когда почти каждое воскресенье на стадион приходит сто тысяч зрителей, как-то не думаешь, важен этот матч или нет. Сыграть надо как можно лучше. Поэтому мы всегда стараемся. Чемпионом Италии я уже был. Теперь мечтаю выиграть Кубок УЕФА. Но каждый год надо добиваться и титула чемпиона Италии. Хотя для меня играть в итальянском чемпионате очень изнурительно. Каждый матч становится подлинным испытанием мужества, силы, мастерства. Чемпионат длится долго. Пять лет в Италии равнозначны десяти сезонам в другой стране. У меня фигура юноши, а я порой себя чувствую, как, наверное, пятидесятилетний мужчина. Все это результат перенапряжения.

— После того как завершится ваш контракт с «Наполи», вы уйдете из большого футбола?

— В Италии — наверняка. В Аргентине — наверное, но, возможно, еще поиграю немного в тех странах, где футбол более спокоен, например во Франции. Иностранные игроки привносят дополнительный интерес к матчам внутреннего чемпионата. Если в Италии будет разрешено участвовать трем иностранным мастерам, футбол от этого станет еще более интересным. Иностранцы лучше отрабатывают свои контракты, им больше платят. Поверьте, мы делаем все, чтобы доставить удовольствие зрителям своей игрой.

Средняя посещаемость матчей команды «Наполи» на стадионе «Сан-Паоло» составляет восемьдесят тысяч человек. За год они покупают билетов на 15 миллионов долларов. Это чистый доход только от продажи билетов, не считая поступлений от рекламы, спонсоров.

Марадона считает, что игра в европейских клубах значительно обогатила его как футболиста. Оба стиля — европейский и латиноамериканский — очень интересны. Знакомство с особенностями игровых манер полезно для футболистов.

— С кем бы из футболистов вы хотели бы играть в одной команде?

— С немцами Маттеусом и Румменигге, с мексиканцем Уго Санчесом. Много есть хороших футболистов и в других командах. Жалею, что ни разу не сыграл вместе с Беккенбауэром. Он, пожалуй, лучший диспетчер в мировом футболе.

— Скучаете по родине?

— Очень. Когда срок моего контракта в Европе закончится, я сразу вернусь в Аргентину.

— Значит, здесь, в Италии, вы чувствуете себя иногда одиноким?

— Да, конечно. Не стоит кривить душой, отрицая это.

— Каков самый приятный миг в вашей футбольной карьере?

— Не думал над этим. С футболом связано много хороших воспоминаний. Приятно вспоминать юниорский чемпионат мира в Японии в 1979 году, наш триумф в Мексике в 1986 году. Я не люблю загадывать: как загадаю, все рушится. Я надеялся, что не будет больше травм, но меня снова сильно ударили. Боялся заболеть, а болезнь на длительное время вывела меня из строя. Люди спрашивают, что такое счастье? Мне ясно, что счастье — это мир, безопасность семьи и хорошее здоровье.

— А самый горький момент в жизни?

— Этот эпизод вы знаете. 1978 год, канун чемпионата мира. Меня выводят из состава сборной. Думал, что с футболом все кончено навсегда. Но вот победа в Токио, и я стал постоянно нужен национальной сборной Аргентины.

— Почему футбол самый популярный вид спорта в мире?

— Футбол многогранен. Он вмещает в себя многие виды спорта — бег, прыжки, коллективный розыгрыш мяча. Кроме того, почти все, кто приходит на трибуны стадионов, либо сами играют, либо играли в футбол, либо страстно за него переживают, являясь болельщиками той или иной команды. Зрители на трибунах, как правило, равнодушны к тому, что происходит на поле.

— Если бы вы не стали играть в футбол, что бы вы делали?

— Играл бы... в футбол!

Тренер аргентинцев Карлос Билардо говорил, что Марадона лучший игрок в мире, потому что он лучше других играет на команду и в то же время все умеет делать сам. Пока у Марадоны есть все: молодость, опыт, талант. В команде у него большой авторитет среди игроков, и он поддерживает его своей фанатичной любовью к футболу. «Одна любимая, кому я верю, — футбольная команда «Спартак», — признался в своем стихотворении один из поэтов, верных спартаковских болельщиков, влюбленных в футбол. Марадона тоже беззаветно влюблен в футбол, и футбол в ответ дарит ему славу за эту любовь и верность.

«После Пеле было много игроков, которых называли его преемниками, но он так и остался неподражаем. Я раньше говорил, что Марадона похож на Пеле. Теперь вношу коррективы. Марадона не похож на Пеле. Марадона есть Марадона! Он сам стал суперзвездой, а футболисты такого ранга не похожи ни на кого», — так говорит о своем бывшем подопечном Сесар Луис Менотти, известный аргентинский тренер.

По завершении очередных чемпионатов мира каждые четыре года определяются лучшие игроки. В 1970 году первым игроком мирового футбола единодушно был назван Пеле. В 1974 году им стал голландский футболист Круифф. В 1978-м — аргентинский нападающий Кемпес. В 1982-м — итальянец Росси. И в 1986-м — Марадона.

«Казалось бы, кому-кому как не Марадоне с его выдающимися способностями форварда держаться переднего края наступления и, маневрируя по фронту, накапливать энергию для участия в завершающих моментах атаки. Нет, сегодня не тот футбольный век. Мы видели его на последнем чемпионате в Мексике и как зачинщика наступательных комбинаций в глубине поля и на флангах и, что называется, где угодно, и как умелого бомбардира, завершителя атак. Он никогда не позволял себе остановиться и в ожидании следующей встречи с мячом побездельничать. Когда у него отбирали мяч, он тут же вступал в борьбу со своим «обидчиком» и сам забирал мяч обратно или сопровождал его к тому из своих партнеров, который овладевал мячом. И тут же перед нами снова появлялся Марадона-созидатель. Он без всякого проявления признаков утомления вновь бросался вперед, чтобы получить добытый партнером мяч и вновь начать с ним оперировать, используя весь свой дар созидателя. Что это? Присущая лишь ему ненасытность, неуемная жажда борьбы? Да, что-то вроде этого. Но если учесть, что сегодня, пусть и не так умело, как он, играют и другие ведущие игроки лучших команд у нас и за рубежом, то мы получим ясное представление о том, что же значат так часто ныне употребляемые слова «современный футбол». Эти слова принадлежат Льву Яшину.

Подобной характеристики футбола придерживается и президент ФИФА Жоао Авеланж. «Предстоящий финальный турнир на Кубок мира в Италии, — говорит он, — пройдет под знаком дальнейшей интенсификации игры на основе постоянно возрастающей активности игроков средней линии. Вероятно, что в этой линии произойдет изменение численного соотношения футболистов атакующего и оборонительного плана. Будет соотношение 3:2 в пользу полузащитников, тяготеющих к атаке».

В такую игру Марадона давно уже играет.

До итальянского чемпионата мира вся футбольная жизнь Марадоны была разделена как бы на три основных этапа. Первый — до 1978 года — детство, футбольная юность. С 1978-го по 1982-й — второй этап — восхождение футбольной звезды Марадоны. И третий этап — до 1986 года, года его высшего футбольного триумфа, — завоевание в составе сборной Аргентины Кубка мира. Четвертый этап логично должен завершиться итальянским всемирным футбольным фестивалем. Принесет ли он новое лауреатство Марадоне?

Сборная Аргентины уже начала подготовку, хотя, как обладательница высшего футбольного трофея, она вместе с итальянской командой, хозяйкой чемпионата, попадает в финальную часть турнира без отборочных игр. Аргентинской федерации футбола такое положение уже знакомо. К испанскому чемпионату сборная страны также готовилась по индивидуальному плану, без дележа соперничества за выход в финал с другими командами Южной Америки. В подготовительный период она интенсивно проводила товарищеские встречи. Как и в 1982 году, ее расширенный состав из тридцати с лишним кандидатов проведет турне по Европе. Марадона пока не участвует в начальном этапе подготовки и, очевидно, присоединится к команде, когда она приедет на Европейский континент. Он по-прежнему хранит повязку капитана. В Аргентине надеются, что в Италии он вновь выведет на футбольное поле аргентинскую сборную.

«Раньше, до того как я стал капитаном, для меня было главным показать в игре то, на что я способен. Теперь главное — игра всей команды».

Патриотизм издавна присущ аргентинцам. Переселенцам из Испании и Италии пришлось преодолеть немалые трудности, чтобы обосноваться в Аргентине, этой поистине серебряной «Эльдорадо» в Южной Америке. И затем сплотиться в единую нацию, чтобы отстоять и освоить новые земли, построить многоэтажные города, проложить асфальтовые дороги и коммуникации, создать в необъятных зеленых прериях цивилизацию. Этот патриотизм не раз демонстрировался при защите интересов родины (вспомним Мальвинский кризис), широко проявляется он и на стадионах.

Марадона впитал патриотизм с молоком матери. Для участия в отборочных играх перед мексиканским чемпионатом он несколько раз летал через океан, чтобы выступить за аргентинскую сборную, нарушая запрет руководителей клуба «Наполи». Он был даже подвергнут денежное,- штрафу, но и эти строгие меры не остановили аргентинца, который заявил тогда, что интересы команды он расценивает выше любого штрафа.

Мать, дона Далма, соскучившись по сыну, одобряла его неожиданные приезды в Буэнос-Айрес: «Без тебя, сынок, — говорила она, — Аргентина не может играть в футбол».

Когда два миллиона аргентинцев поставили свою подпись под «Обращением ради продолжения жизни», в котором содержался призыв прекратить ядерные испытания, гонку вооружений, не допустить милитаризации космоса, сократить ядерные арсеналы, Марадона, не раздумывая, присоединился к этому «Обращению». Произошло это в 1986 году вскоре после Заявления Советского правительства о безъядерном мире.

«Марадона есть только у нас, и ни у кого больше», — с гордостью говорят аргентинцы и валом велят на стадион, где он должен играть. Марадона знает это и на любовь соотечественников стремится отвечать хорошей игрой.

Мы нередко повторяем, что футбольный век футболиста быстротечен. Ушли с футбольных полей Лев Яшин, Пеле, Круифф, Беккенбауэр, десятки других выдающихся мастеров кожаного мяча, которые, казалось, только что, совсем недавно радовали своей игрой миллионы любителей футбола. К сожалению, уйдет и Марадона... Сам он о своей карьере, о своем месте в мировом футболе рассуждает весьма

оригинально. Марадона считает, что его известность может затмить уже в ближайшее время младший брат Уго. Он тоже играет в Италии — за команду «Асколи». Уго, по мнению Марадоны, молод и чертовски талантлив. «Не исключено, что когда-нибудь обо мне будут вспоминать лишь как о брате Уго Марадоны».

Ну что ж, такова футбольная жизнь...

Игорь Горанский